ПИОНЕР 10

1986

Евг. ЕВТУШЕНКО

Счастье

Счастье —
с друзьями рядом брести
тропами гордых гор.
Счастье —
воду пить из горсти
у неоткрытых озер.
Счастье —
себя
стране
отдать.
Счастье —
шагать,
прокладывая гать,
падать,
вставать,
не отступать,
приступом брать
каждую пядь!
Пройди через это —
и сами придут,
словно желанных свершений пора,
вдохновение,
будничное,
как труд,
и счастье,
простое,
как сон у костра.

Фотографии А. ЛЕХМУСА.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем,

Вникаем,

Спорим

ЗДРАВСТВУЙТЕ! Сегодня на страницах журнала «Пионер» открывается новая рубрика: **ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ «Размышляем, Вникаем, Спорим».**

В рубрике мы будем:
— обсуждать проблемы ПИОНЕРСКОЙ ЖИЗНИ;
— рассказывать об опыте РАБОТЫ ШКОЛЬНЫХ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ;
— знакомить ОТРЯДЫ друг с другом;
— искать ИНТЕРЕСНОЕ, ПОЛЕЗНОЕ, ВАЖНОЕ В ПИОНЕРСКИХ БУДНЯХ.

Ребята! Подключайтесь к работе новой рубрики! Станьте не только читателями нашего журнала, но и людьми, которые его создают,— ЮНКОРАМИ! Ждем писем!

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

2 октября — В. И. Ленин 2 октября 1920 года на III съезде комсомола выступил с речью «Задачи союзов молодежи».

«...задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться».

Из речи В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи»

5 октября — День учителя.

Не смейте забывать
учителей.
Они о нас тревожатся
и помнят.
И в тишине задумавшихся
комнат
Ждут наших возвращений
и вестей...

А. Дементьев

7 октября — День Конституции СССР.

«Статья 25. В СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности».

Из «Конституции СССР»

29 октября — День рождения комсомола.

В ногу с партией шагая,
школу славную прошел
Боевой, краснознаменный,
вечно юный комсомол.
Он везде пронес
как знамя —
на работе и в бою —
Молодежную отвагу,
песню звонкую свою.

В. Лебедев-Кумач

Расскажи, как ТВОЙ ОТРЯД праздновал День учителя, День рождения комсомола? Какие праздники отмечает ТВОЙ ОТРЯД?

10 июня 1986 года Центральный Комитет ВЛКСМ утвердил новое ***Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.***

ЗАКОНЫ ПИОНЕРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1. Пионер — юный строитель коммунизма — трудится и учится для блага Родины, готовится стать ее защитником.
2. Пионер — активный борец за мир, друг пионерам и детям трудящихся всех стран.
3. Пионер равняется на коммунистов, готовится стать комсомольцем, ведет за собой октябрят.
4. Пионер дорожит честью своей организации, своими делами и поступками укрепляет ее авторитет.
5. Пионер — надежный товарищ, уважает старших, заботится о младших, всегда поступает по совести.

Пионер имеет право: избирать и быть избранным в органы пионерского самоуправления; обсуждать на пионерских сборах, слетах, сборах советов отрядов и дружин, в печати работу пионерской организации, критиковать недостатки, вносить предложения в любой совет пионерской организации, вплоть до Центрального Совета ВПО имени В. И. Ленина; просить рекомендацию совета дружины для вступления в ряды ВЛКСМ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ ПИОНЕРА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить и беречь свою Родину, жить, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, как требуют Законы пионеров Советского Союза».

ОДНОКЛАССНИЦА.— *Автор* Роман ТИХОНЕНКО, *7-й класс, школа №29, г. Москва (при участии руководителя фотокружка Дворца пионеров на Ленинских горах Новохацкого В. Г.).*

У ДОСКИ.— *Автор* Юрий ГРИГОРЬЕВ, *6-й класс, Республиканский Дворец пионеров и школьников БССР.*

СПОР-ПЛОЩАДКА

Сегодня на спор-площадке собрались юнкоры из Калуги, Москвы и Московской области. Ребят волнует вопрос: ПИОНЕРСКИЕ ПОРУЧЕНИЯ — КАК ИХ РАСПРЕДЕЛЯЮТ В ОТРЯДЕ? МОЖНО ЛИ ОТ ПИОНЕРСКОГО ПОРУЧЕНИЯ ОТКАЗАТЬСЯ?

Вот мнение юнкоров.

Пусть пионер ищет

Поручения бывают разные. В этом они схожи с профессиями. Трудно выбрать подходящую профессию и отдать ей всю душу и силы. Так же и с поручениями. Распределяя поручения, надо обязательно учитывать интересы, желания ребят.

Может быть, не стоит каждому давать постоянное поручение. Пусть у пионера будет поручение маленькое, временное, но очень важное. Выполнил — бери новое. И совсем не обязательно похожее на прежнее. Пусть пионер ищет себя в разных делах, измерит свои силы и возможности.

Юля АФАНАСЬЕВА,
8-й класс, школа № 180, г. Москва.

Обидно за Юлю

Можно ли отказаться от пионерского поручения? На примере своего отряда я убедилась, что можно, но не всем. Если ты работал кое-как, то на отчетно-выборном сборе тебя с удовольствием переизберут, даже позволят выбрать дело по душе: а вдруг ты увлечешься и сможешь проявить себя? Но тому, кто работал хорошо, а потом по каким-то причинам охладел к прежнему делу и хочет заняться другим, вряд ли удастся отказаться от старого поручения.

Весной мы выбирали председателя совета отряда и решили, что Юля Мишенкова, три года проработавшая председателем, должна стать заместителем, чтобы помогать новому председателю.

А Юля мечтала в новом учебном году попасть в редколлегию — она неплохо пишет. Но большинство проголосовало, и Юля стала заместителем.

Получается: чем лучше работаешь, тем тебе же хуже. Мне обидно за Юлю. Она много сделала для отряда, мог бы и отряд подумать о ней, учесть ее интересы.

Аня ГРУЗДЕВА,
член пресс-центра «Звездный», г. Калуга.

СТАРШИЕ КОММЕНТИРУЮТ

В редакции прочитали письмо и задумались: ЕСТЬ ЛИ В ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТАКОЕ ПОРУЧЕНИЕ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ОТРЯДА?

Мы на время прервали наш спор и поискали ответ **в книжке «Пионерское поручение» (авторы — И. За-**

Отдел оформил К. ОРЛОВ.

рахович, Т. Трухачева), вышедшей в серии «Библиотечка пионера-активиста»,— не нашли. Решили обратиться к заведующей сектором пионерских организаций Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Галине Петровне ЧУБАРОВОЙ. Вот что она сказала:

В пионерской организации такого поручения нет. Согласитесь, в отряде и так много руководителей — председатель, члены совета отряда, звеньевые. Нужно ли выбирать еще и заместителя?

Ответ ясен. Возвращаемся к разговору о пионерском поручении.

Отказываться нельзя

Я думаю, что от пионерского поручения отказываться нельзя. Потому что тебя выбирает отряд и он надеется на твою хорошую работу. Правда, в нашем отряде были такие случаи, когда ребята отказывались от поручений и объясняли это большой занятостью. Но все равно отряд заставлял их работать. Без поручений у нас никто не сидит.

Наташа ВОРОБЬЕВА,
6-й класс, Староторопская средняя школа,
Калининский район.

Разные письма — разные мнения. Приглашаем и тебя, читатель, на нашу спор-площадку. Не только послушать других, но и высказаться самому.

МОЖНО ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ РАЗОВОГО ПОРУЧЕНИЯ, КОТОРОЕ ДАЛ ТЕБЕ ОТРЯД?

НАДО ЛИ ПИОНЕРАМ ИЗ ГОДА В ГОД ДАВАТЬ ОДНИ И ТЕ ЖЕ ПОРУЧЕНИЯ? ДОКАЖИ СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ.

КАК В ТВОЕМ ОТРЯДЕ РАСПРЕДЕЛЯЮТ ПОРУЧЕНИЯ?

ВОЗНИК ВОПРОС

В четвертом классе на пионерском сборе мы решили бороться за присвоение нашему отряду имени Александра Матросова. Решили сами, классный руководитель ничего не предлагал. Дружина присвоила нам это имя уже в конце пятого класса. Сейчас я все думаю: за что нам его присвоили? И приходит в голову только стенд, сделанный родителями, парочка сборов да книга о герое, прочитанная наполовину. Наверное, присвоили нам имя потому, что наш отряд среди отрядов пятых классов был правофланговым? Но какое отношение имеют к Александру Матросову смотр строя и песни, сбор макулатуры или инсценированная сказка?

По-моему, присваивать имя надо тому отряду, который действительно много работал, чтобы ближе узнать человека, за присвоение чьего имени он борется.

Максим РАЗУВАЕВ,
юнкор отряда «Солярис»,
г. Обнинск.

Ребята, прежде чем обратиться за разъяснениями к пионерским работникам, людям взрослым и опытным, мы хотели бы узнать и ваше мнение:

КАК ВАШ ОТРЯД ВЫБИРАЛ ИМЯ, ЗА КОТОРОЕ ВЫ БОРЕТЕСЬ?

ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВАШЕМУ ОТРЯДУ ПРИСВОИЛИ ИМЯ ГЕРОЯ?

ЧАСТО ЛИ ИМЯ ДЛЯ ОТРЯДА ВЫБИРАЕТ КЛАССНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, А ОТРЯДНЫЕ УГОЛКИ ОФОРМЛЯЮТ РОДИТЕЛИ? ПОЧЕМУ?

На конверте напишите: «Имя героя».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Командир красных следопытов Елена Богма просит помочь ее отряду в сборе материалов о жизни ДУСИ СОРОКИНОЙ. Пишите Лене по адресу: 352060, Краснодарский край, ст. Павловская, ул. Советская, д. 22, кв. 2.

* * *

Пионеры 7-го «Б» класса средней школы № 17 города Орши хотят переписываться со сверстниками. Их адрес: БССР, г. Орша, с/ш № 17, пионерская комната, для 7-го «Б» класса.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО «ПОСЧИТАЕМ — ПОДУМАЕМ»

Юнкоры! Посчитайте, сколько лет подряд одного и того же пионера ваш отряд выбирает: **председателем, звеньевым, членом совета отряда...**

На конверте напишите: «СБ «Посчитаем — подумаем».

А потом мы все вместе подумаем, почему пионеры в отряде делятся на «актив» и «пассив».

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

В отрядах вашей дружины сделайте обзор журнала «Пионер», расскажите о нем подробно и интересно, призовите пионеров ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» в следующем, 1987 году.

О выполнении этого задания сообщите. На конверте сделайте пометку «Подписка».

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

Валентин **БЕРЕСТОВ**

О вечном

Будь вечным лето,
все бы погорело.
Будь вечной осень,
все бы отсырело.
Зимою вечной
все б оледенело.
Вот вечная весна —
другое дело!

Вопрос художника

У маленьких учеников
Спросил художник Токмаков:
— А кто умеет рисовать?
Рук поднялось — не сосчитать!

Шестые классы... Токмаков
И тут спросил учеников:
— Ну, кто умеет рисовать?
Рук поднялось примерно пять.

В десятом классе Токмаков
Опять спросил учеников:
— Так кто ж умеет рисовать?
Рук поднятых и не видать.

А ведь ребята в самом деле
Когда-то рисовать умели,
И солнце на листах смеялось.
Куда все это подевалось?

Школа в мороз

Как железо, скрежещет снег
И, как скрипка, поет у ног.
На деревьях иней, как мех,
На заборах иней, как мох,
И вздымается дым из труб
Рукавами небесных шуб.

Я не знал, что гудки гудели,
Чтобы мы по домам сидели,
А по радио предупредили,
Чтобы в школу мы не ходили.

Кто еще не слыхал гудка,
Репродуктор забыл включить,
Три-четыре ученика
В каждом классе... Кого учить?
Но учитель, жалея нас,
В сиротливый приходит класс.

Не начальственен и не строг,
Он сидит, как за чайным столом,
И, смеясь, за уроком урок
Вспоминает о детстве своем,
Про сраженья, про снежных баб...
«Ну, до завтра! Мороз ослаб».

Утренник в тридцатых годах

Никаким пианистам,
Никаким баянистам
Не поспеть за таким
Голосистым солистом.

Те же песни, какие
Для взрослых поет мой отец,
Я пою для детей.
Мне из зала кричат: «Молодец!»

Как печально отец мой
Поет о гражданской войне,
Но как весело петь
Эти песни геройские мне!

Лет пятнадцать прошло,
Как мой папа вернулся с войны.
Я — Чапаев. Мой штаб —
Тут, за клубом, в кустах бузины.

Шершни

Шест заостренный несем вшестером.
Шершням в дупле мы устроим разгром.
У полководца карающий жест:
— Целься! Втыкай! Поворачивай шест!

И ожило, загудело дупло.
Шершни кусаются больно и зло.
— Братцы, спасайся!
Как ветер, легки,
Полные страха, летят смельчаки.

Должен сказать, что тогда в экологии
Смыслили очень и очень немногие.

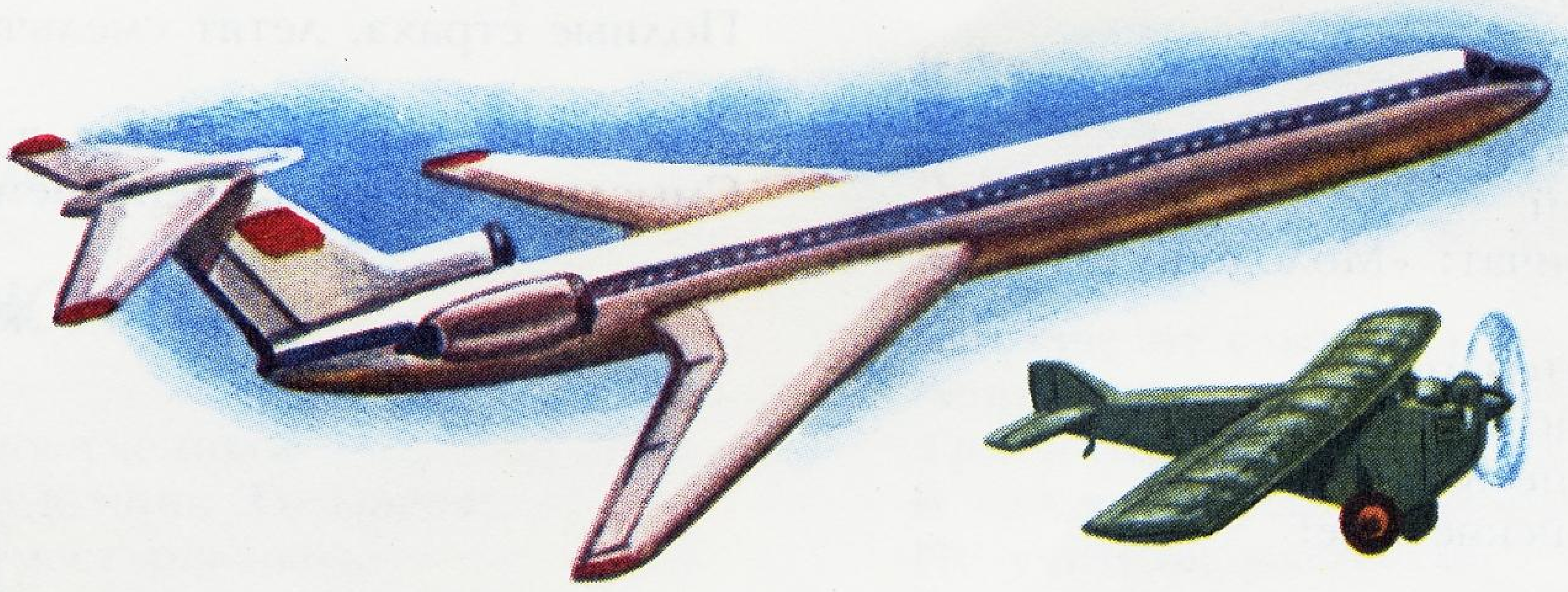
Рисунок В. ДУДКИНА.

Анатолий МАРКУША

ЭСТАФЕТА

РАССКАЗ

Рисунки Н. ЕРМОЛАЕВА.



«Доброе имя должно быть у каждого человека. Лично я видел это доброе имя в славе своего отечества».

А. Суворов.

Голос в телефоне был высокий, ломкий — мальчишеский голос. Видно, парнишка изрядно волновался: слова наскакивали на слова, фразы будто спотыкались и рвались в самых неожиданных местах, никак не согласовываясь с законами пунктуации:

— Меня дедушка... позвонить вам посоветовал. Вот. Он—дедушка, понимаете?.. Это вы его учили летать. Дедушку... давно. А фамилия — Новиков. Его и моя тоже. Понимаете, какое дело?..— Он говорил еще и еще, пока я не остановил паренька.

— Кажется,— сказал я,— ты хочешь прийти и задать мне какие-то вопросы. Правильно я тебя понял? Пожалуйста, приходи к семнадцати часам, и до восемнадцати я к твоим услугам.

Новиков?

Какой Новиков?

Что-то среди моих курсантов Новиков не припоминался. Впрочем, не все ли равно, мальчишке надо о чем-то спросить — в этом же суть... А Новиков или кто другой — не имеет значения.

И мудрено ли забывать фамилию, если я работал летчиком-инструктором сорок лет назад.

Новиков, внук Новикова, пришел точно в назначенное время.

Был он тоненький, смуглый парнишечка в больших очках и походил на сказочного комарика из мультфильма. Вежливо поздоровался и стал объяснять: в школе создается музей, не исторический, а как бы это сказать — про наших родителей и про родителей их родителей... Понимаете? Ну, вот, например, мы берем дедушкины фотографии, разные, конечно,— где он молодой, где он на войне, допустим, или еще что... а можно и трудовую книжку взять, да? Как документ эту вещь берем и составляем комментарий... Сами должны составлять. Понимаете? Только не просто слова, нет! А еще предметы — буденновский шлем или командирский планшет, старые петлички или погоны, какие-то значки, чтобы они тоже рассказывали про то время...

— Если я верно понял, вы хотите доказать себе и людям, что в вашей школе учатся не какие-нибудь Иваны, не помнящие родства, а достойные наследники своих отцов и дедов. Правильно?

— Точно! — сказал Новиков и, щелкнув замками своего потрепанного, надо думать, в школьных баталиях, коричневого «дипломата», выложил передо мной старую, аккуратно подклеенную фотографию.

Не знаю, как другие реагируют, а я, стоит взглянуть на пожелтевшие, выгоревшие от времени снимки, испытываю приступ тоски и волнения: жили люди, старились, ушли... Помнит ли кто о них, бережет ли их имена? Фотографии, к сожалению, не умеют говорить, не могут пожаловаться... Есть какая-то ужасающая незащищенность в этих снимках из прошлого.

Впрочем, я ничего такого не сказал. Протянул

руку и стал рассматривать фотографию, принесенную Новиковым-внуком.

Та-а-ак, судя по буденовкам, по знакам различия на петлицах и рукавах, по фасону воротничков, снимок был довоенный... Авиация... Ну, а раз в центре — Лукин, значит, нашего училища курсанты тут. Нет, вчерашние курсанты — а сегодняшние выпускники! И слева от командира отряда Лукина — Саша Зайцев, командир второго звена... А это я. Ну-у, урод — уши лопухами, шея, как у быка, извините, хвост...

Я уже собрался сказать обо всем этом Новикову, но он опередил меня:

— Вот видите, там, позади группы этих летчиков, стенд. Да? Если взять сильную лупу и поглядеть, можно прочитать: «28 октября 1917 года...— Понимаете, выходит, на третий день после революции! — пояснил мне Новиков,— состоялся вылет летчика И. С. Лапоногова на боевое задание». Он вез подписанные Лениным листовки в расположение казачьей дивизии генерала Краснова. Вы, наверное, знаете,— очень уверенно сказал Новиков,— что эта дивизия должна была подавить вооруженное восстание, и Ленин призывал солдат не поднимать оружия против своих братьев трудящихся. Понимаете?

— Предположим,— осторожно сказал я, все еще не схватывая, куда же клонит мой странный посетитель,— но чем я могу быть тебе полезен в этих исследованиях?

— В этот же день — двадцать восьмого октября — по личному указанию Ленина было создано Бюро комиссаров авиации и воздухоплавания,— будто и не заметив моего вопроса, продолжал Новиков.— Понимаете? И вот тут у меня выписано: «Приступить к формированию красногвардейских авиационных и воздухоплавательных частей из надежных и преданных делу революции товарищей, которые без отказа могли бы отправиться на фронты». Это комиссары постановили. Пунктом четвертым записали. Понятно? И что получается? — строго спросил Новиков и сам же ответил: — А получается вот что — с самых первых дней революции товарищ Ленин интересуется авиацией. Правильно?

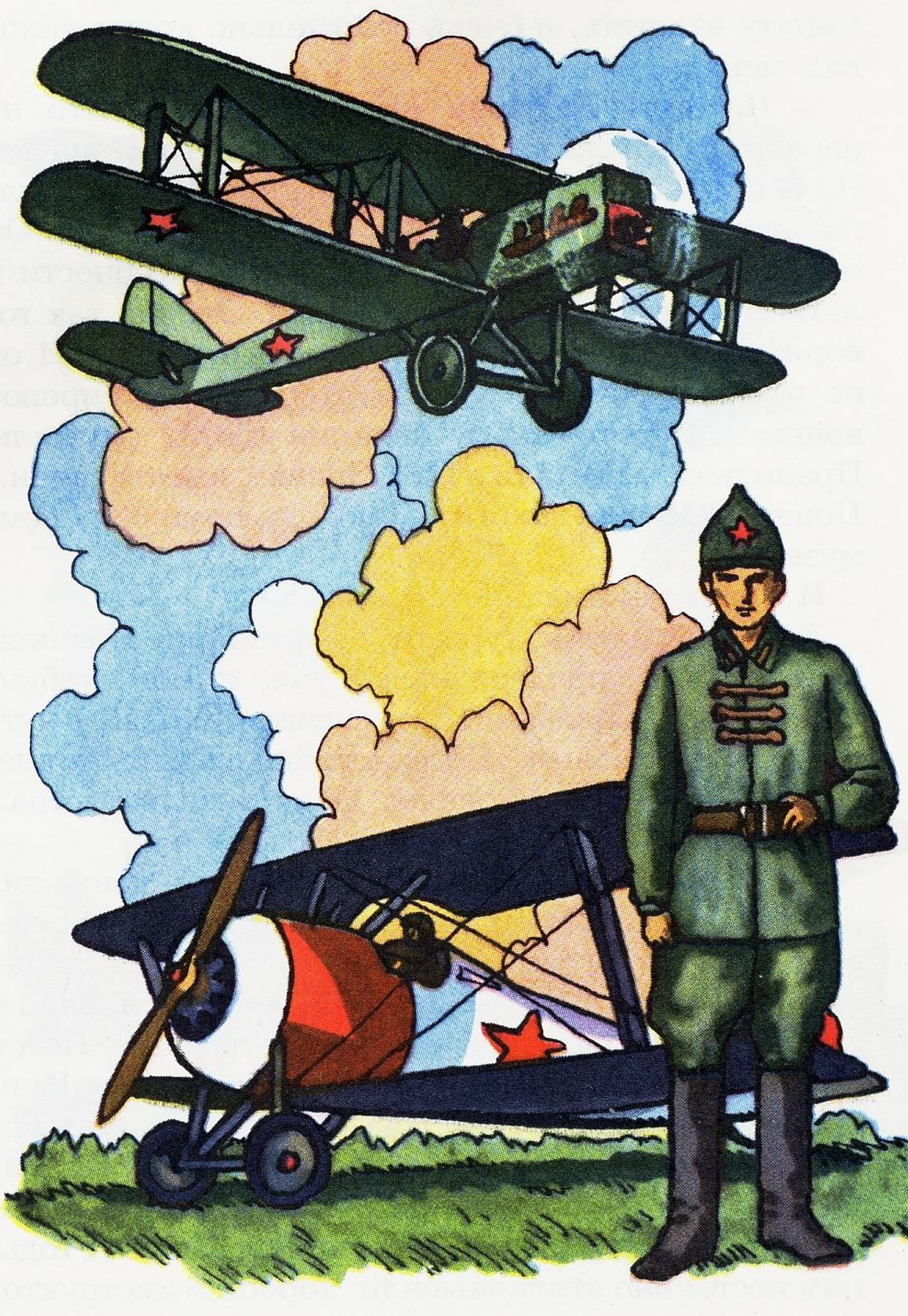
— Нет,— сказал я,— совсем даже неправильно: Ленин начал интересоваться авиацией гораздо раньше. Если хочешь знать когда, могу точно сказать: в 1908 году, когда Владимир Ильич жил во Франции, он с интересом ездил на первые, только что появившиеся тогда аэродромы. Например, в Жавюзи или на другое летное поле — близ Лонжюмо. А несколько позже посетил международную авиационную выставку в Париже. Он искал встреч с теми русскими, что перед мировой войной приезжали учиться во французские авиационные школы. Но это не все! Когда произошла революция в России, Ленин всерьез обсуждал вопрос: как бы долететь до Петрограда: ведь наземные пути были перекрыты...

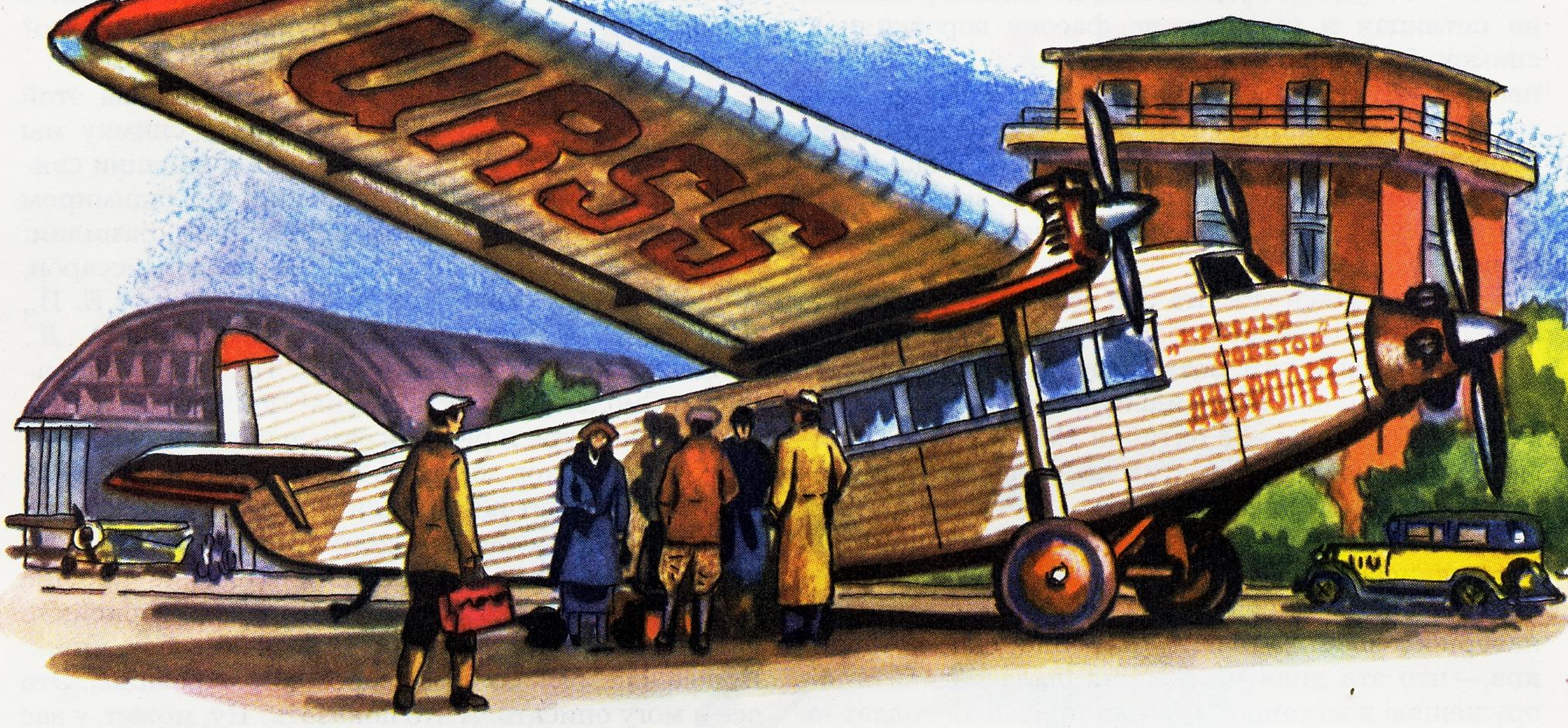
— Вот видите,— перебил меня Новиков, извинившись,— как правильно меня дедушка на вас навел: «Он ветеран...» Вы! Это дедушка сказал. Мне. «И ступай к нему — к вам, значит,— поможет». Поможете?

— Чем помочь? Ну-у, музей в вашей школе должен про родословную учеников рассказывать, это мне ясно. Очень хорошее начинание, если с головой, если толково... двумя руками — за! А я что? Конкретно скажи, чем помочь надо?

— Вы дедушку учили летать. Вот вы на этой фотографии есть. Понятно? По этому снимку мы установили также, что начало вашей авиации связано с первыми днями революции, с Владимиром Ильичем Лениным... Дальше. Я нашел фамилии: Можаев А. В.— председатель Бюро комиссаров, Акашев К. В., Онуфриев А. П., Ахматович Е. И., Андреев С. И., Демидов И. П., Анощенко А. Д., Гойденко И. Ю.— члены бюро... Так? Они собирались в Смольном. Каждый день! Понятно? В комнате семьдесят три и решали самые важные вопросы: кому из летчиков доверять можно, а кому нет. Ведь большинство летчиков были царскими офицерами, так что дело тонкое — поверить или не поверить... И кого куда направлять решали. Тоже не простое дело — в одних местах у авиации жизнь спокойная была, а в других — я тебе дам, какие бои шли!.. Новые части Бюро комиссаров формировало... Это все я могу описать. А что показать? Ну, может, у вас хоть одна листовка сохранилась из тех... Лапоногов сбрасывал которые... двадцать восьмого... понимаете? Или еще что-нибудь найдется?

— Ясно, ты ищешь вещественные доказательства, предметное подтверждение революционной старины. Тебя интересует год тысяча девятьсот





семнадцатый. Верно? Но, милый мой, я же еще не родился, когда товарищ Можаев собирал Бюро комиссаров в семьдесят третьей комнате Смольного. Что-то твой дедушка перепутал, выдавая меня за соратника первых советских летчиков...

При этих моих словах Новиков заволновался, даже смешно замахал руками, будто готов был сию минуту взлететь, и очень решительно контратаковал меня:

— Нет-нет! Дедушка никогда... Он ничего не перепутал. Он сказал: вы чуть старше его! Понятно. Но были инструктором уже, а он курсантом. Недолго: вы его отчислили! Но он не обиделся. Он согласен: у человека должны быть способности к летному делу, как слух — у певца. Это вы так говорили. А у дедушки способностей не было. И он не говорил, что вы ветеран той, первой мировой войны... Просто вы в авиации долго служили. Правильно? И летали долго. Значит, имеете связи... Понятно? И если захотите, сможете помочь нашему музею...

И тут я неожиданно вспомнил.

Да, был у меня курсант по фамилии Новиков. Очень недолго продержался. В училище он прибыл, кажется, из кавалерии. Здоровенный малый, с чуть раскосыми глазами. Медлительный... как бы точнее сказать, из породы тяжело... да не тяжелоатлетов... нет, скорее из породы тяжеловозов.

Первые же полеты с ним показали — движения рулями грубые, координация скверная. Держится скованно. Я доложил командиру звена Зайцеву — истребитель из Новикова не получится. Зайцев сам слетал с ним и согласился: «Не летчик!» Потом командир отряда долго меня подковыривал: «Ишь, ясновидец нашелся, с трех полетов определил: истребитель не выйдет. Или не знаешь: нет плохих курсантов, есть плохие инструктора...» Да-а, такая установочка действительно существовала в те годы, нам постоянно втолковывали: хороший инструктор и медведя летать научит! Признаться, опасались мы курсантов на отчисление представлять, получалось, что сам себе хуже делаешь. Но, как бы там ни было, а Зайцев на моем рапорте написал: «Согласен. Обучение на самолете-истребителе нецелесообразно». И Лукин не стал с нами спорить. «Отчислить от обучения»,— черкнул на уголке рапорта и заковыристо расписался. На том Новиков для меня и кончился...

— Так что ж твой дедушка,— спросил я у Новикова-внука,— чем занимается?

— В отставке теперь.

— Полковник?

— Генерал-лейтенант.

— И каких же войск?— спросил я, мысленно даже присвистнув: вот бы в жизни не подумал — генерал!

— Наземных. Начальником политотдела он был,— сказал внук.— Но все равно очень авиацию он уважает. И вас тоже,— для чего-то прибавил Новиков-младший.

Чтобы переменить разговор, я сказал:

— Ну, ладно, давай вместе думать, что может тебе пригодиться для музея. Фотографии предвоенные и кое-какие военного времени у меня найдутся. Книги тоже... Вот ты про Лапоногова рассказывал, а что еще о том времени знаешь, о первых шагах?

— Заводы авиационные, мастерские — все это было национализировано, то есть перешло из частных рук в руки Советской власти...— уверенно чужими словами заговорил Новиков. А я успел подумать: «Лет одиннадцать парнишечке, и надо же — докладчик!..» — Все это делалось в силу необходимости сохранить самолетный парк...

Правильно он говорил: в семнадцатом году да и в ближайшие годы после революции добывать самолеты, производить горючее, ремонтировать изношенные двигатели — все это было неимоверно труд-

но. О чем говорить, если сплошь да рядом летчикам революции приходилось заправлять свои ободранные, залатанные сверх всякой меры самолеты жалкой смесью спирта с бензином... И еще хватало оптимизма у людей, острили: «авиаконьяк» называли эту дикую смесь.

Но разве ребята сумеют оценить подвиг первых летчиков, если им даже очень подробно рассказать о тех буднях? Боюсь, не сумеют. И не потому, что они молоды, просто другой у наших внуков жизненный опыт... И тут мне пришло в голову...

— А ну-ка достань, брат, тринадцатый том из собрания сочинений Маяковского, вон на третьей полке справа,— сказал я Новикову.— Есть? Тащи сюда...

Малый удивленно поморгал ресничками, но выдержал характер — лишнего спрашивать ничего не стал, подал мне книгу.

Я нашел нужную мне страницу и говорю:

— Вот давай семьдесят третью страницу вслух!

— «Он белый с одним черным ухом...» — начал было Новиков.

— Это не нужно,— остановил я своего гостя,— дальше начинай. где про полет.

— «Долетел хорошо,— Новиков посмотрел на меня: правильно? Я кивнул: давай дальше! — Напротив немец тошнил, но не на меня, а на Ковно. Летчик Шебанов замечательный. Оказывается, все немецкие директора сами с ним летать стараются. На каждой границе приседал на хвост, при встрече с другими аппаратами махал крылышками, а в Кенигсберге подкатил на аэроплане к самым дверям таможни, аж все перепугались, а у него, оказывается, первый приз за точность спуска. Если будешь летать, то только с ним».

— И хватит,— остановил я Новикова.— Интересно ли?

— Ну-у, если вообще... может, и интересно... А какое отношение... понимаете?.. к музею, например, или к фотографиям, которые, вы говорили, у вас есть?..

— По-твоему, не имеет отношения? А если я тебе скажу, что в начале революции товарищу Ленину были представлены два страстных любителя авиации, одного звали Макс Павлович Дауге, а другого — Николай Петрович Шебанов. Оба совсем еще молодых человека окончили курсы при московском высшем техническом училище и, что называется, горели желанием стать красными военными летчиками, чтобы защищать дело революции. И вот товарищ Ленин лично направил этих молодых людей в Московскую школу авиации, распорядившись зачислить их в число слушателей, тогда как?

— И что же? — с интересом спросил Новиков.— Что дальше было?

— Шебанов великолепно окончил школу. Его оставили инструктором. До двадцать второго года он учил летать молодых. Вот, между прочим, один из его учеников.— Тут я показал на Лукина, что поглядывал на нас со старой фотографии.— Улавливаешь, какая штука получается,— от Шебанова ниточка тянется к Лукину, от Лукина — к Зайцеву, от Зайцева — ко мне, от меня...— тут я смутился, вспомнив, что Новикова-дедушку мне пришлось отчислить, и сказал дипломатично: — От меня — дальше...

— А Шебанов что потом делал? — спросил Новиков.

— Как я уже сказал, до двадцать второго года инструкторил, потом в качестве одного из лучших пилотов его перевели на вновь организованную линию международных воздушных сообщений. Называлась эта линия Дерулувтовской: было такое советско-германское общество. Вот почему Маяковский и упоминает немецких директоров. Кстати, Владимир Владимирович летел в Берлин в мае двадцать пятого года. К тому времени Шебанов стал шеф-пилотом линии Москва — Берлин. Теперь странно об этом слышать, а тогда в Берлин летали с промежуточными посадками, и путешествие это представлялось преогромнейшим!

— А Шебанов? — снова спросил Новиков.

— Сделался одним из лучших пилотов нашего гражданского воздушного флота. В числе первых научился летать по приборам — в облаках, ночью... А спустя примерно лет десять случился в его жизни один совершенно особенный день...

— Какой? — немедленно спрашивает Новиков. И я вижу: парнишка на крючке! Ему уже не все равно, кто такой Шебанов да как его можно — или нельзя — приспособить к музею.

— В феврале тридцать шестого, в самом конце, приземляется Николай Петрович на Центральном аэродроме, подруливает к стоянке, а стоянку ему

дали как раз напротив аэровокзала, и, двигателей еще не выключив, видит: толпа, оркестр наготове, флаги. Подумал: кого бы это так встречать могли, на борту вроде никаких знаменитостей... С тем и шагнул на трап. И тут в его честь духовой оркестр как грянет. Авиационный марш! «Все выше, и выше, и выше...» Народ «ура» кричит...

От неожиданности Шебанов даже растерялся, хотел обратно в самолет юркнуть. Не дали. Стащили с трапа и давай качать! Оказалось, в этот день он первым в Советском Союзе закончил налет миллиона безаварийных километров. Родился первый летчик-миллионер.

Были и другие хорошие дни в жизни пилота Шебанова.

Наградили его орденом Ленина. Как было, принимая эту высокую награду, не ощутить связь времен. Ведь он в летчики пошел, можно сказать, с ленинских рук и вот теперь стал кавалером его ордена...

Рассказывая о Николае Петровиче, я незаметно увлекаюсь. Ведь это, кроме всего прочего, удовольствие — рассказывать об очень хорошем человеке, о человеке, бесконечно преданном нашему небу.

В тридцать девятом году Шебанов со вторым пилотом Матвеевым и радистом-инженером Байкузовым прошли по маршруту Москва — Свердловск — Севастополь — Москва со средней скоростью 405 километров в час. По тем временам полет был удивительным: и расстояние — пять тысяч километров без посадки, и — скоростица!..

Не зря говорят: лиха беда начало.

Ощутив однажды победный ветер рекордного маршрута, Шебанов мечтает о кругосветном полете. И вполне серьезно готовится к этому полету. Осуществить перелет помешала начавшаяся война.

И тут замечаю: будто облачко дождевое тенью проходит по лицу Новикова-внука. И момент вроде бы не печальный, с чего бы затосковать мальчишке? Спрашиваю:

— Ты что?

— Так ведь даже самые эти... ну, как их — слова... пусть хорошие и распрекрасные, в музей не поставишь... Непонятно? Чего показывать-то в музее?

— Есть у меня визитная карточка Николая Петровича. На немецком языке, между прочим. От тех времен, когда он с Маяковским летал... Сохранилась. Есть еще чемоданные наклейки Дерулуфта, тоже из той эпохи... Книга из его библиотеки есть, с автографом...

— И вы дадите? Нам? Да...

— Придется,— говорю я. И ловлю себя на стыдной и совершенно неожиданной мысли: «А какого черта? Почему, собственно, я должен отдавать в какую-то школу, какому-то внуку какого-то несостоявшегося летчика эти прекрасные и дорогие моей душе вещи?»

Смотрю в окно.

Там во весь размах балконного стекла светло-светло-светло-синее, полной яркости небо. И ни единого облачка. Наше общее небо — Шебанова, мое... И вот жалко мне расставаться с памятью о Николае Петровиче, жалко, и все.

Там, в синеве, словно включается что-то, из пустоты возникает и бежит, расширяется белая полоска. Инверсионный след невидимого самолета убегает на запад.

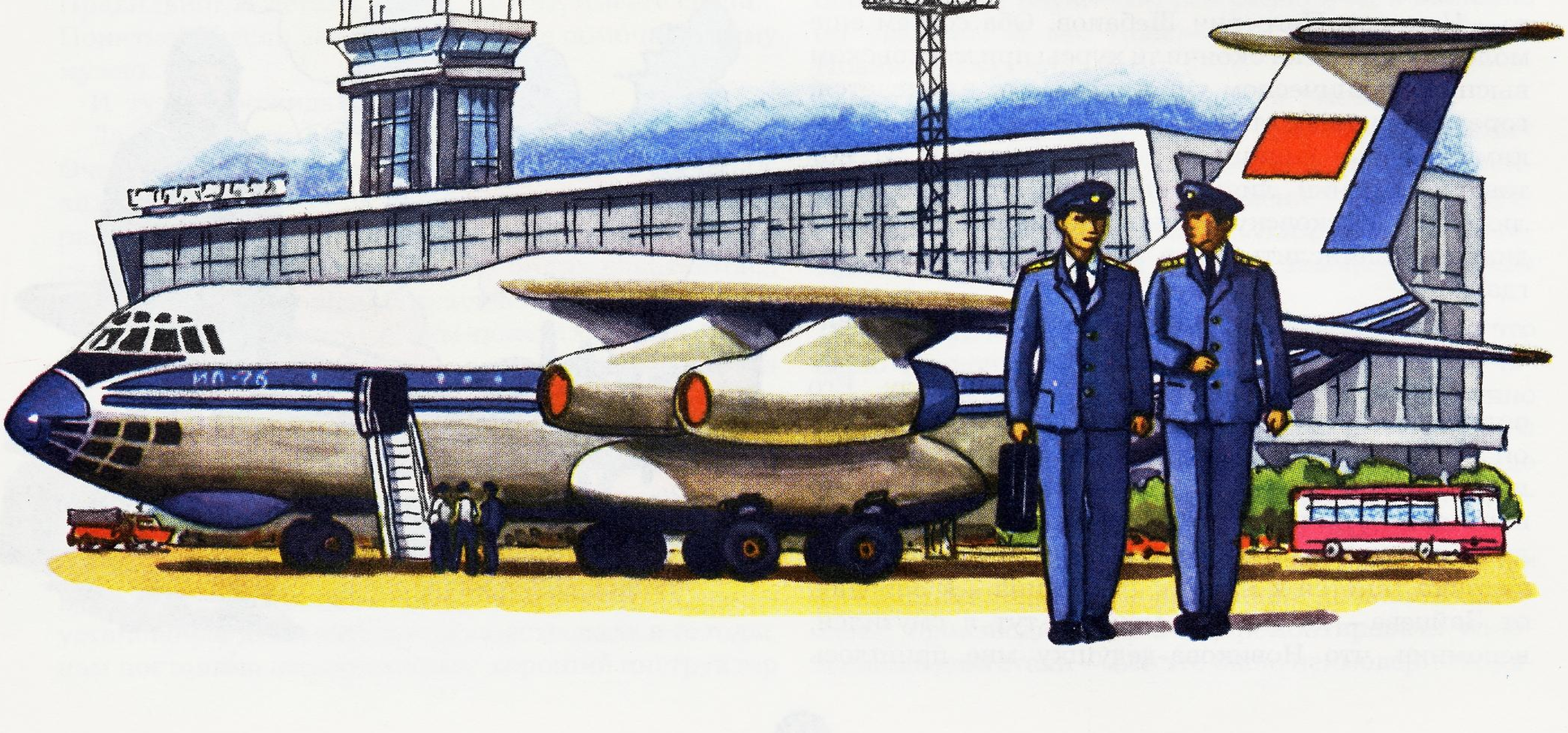
Живет наше небо. Без Шебанова, без меня.

Так и должно быть.

Я подхожу к шкафу, достаю визитную карточку Николая Петровича, достаю наклейки Дерулуфта, достаю немецкий авиационный справочник, изданный в Берлине в 1923 году, и, сам того не желая, словно мстя себе за колебание, еще и логарифмическую линейку в гладком кожаном футляре выкладываю. С этой линейкой Шебанов пролетал до своего последнего дня. В Сибирской комплексной аэрологической экспедиции пролетал.

— На,— говорю я Новикову.— И иди... Иди, а то могу передумать.

Кажется, он решил, что я шучу. Но мне, признаться, не до шуток. Совсем даже не до шуток.



Николай Дубов

(1910—1983)

Представим себе читателя, который залпом — одну за другой — прочитал все книги Николая Дубова: «На краю земли», «Огни на реке», «Горе одному», «Небо с овчинку», «Мальчик у моря», «Беглец» и еще другие, которые я не перечисляю. Прочитал и задумался: какие самые разные люди, места, обстоятельства, предметы, какие разные происшествия, веселые истории и драматические эпизоды встречаются в этих книгах! Откуда их писатель взял? Откуда он знает, что сталистое железо плохо поддается обработке, откуда он знает, как запрягать лошадь, откуда ему известно, как токарь вытачивает по чертежу деталь, как работает на заводе разметчик по металлу? И про все это написано так, что сразу понимаешь: из книг это взять нельзя; это необходимо увидеть самому; надо самому жить среди тех, кто станет героем твоих будущих книг, самому испытать все, о чем потом напишешь в своих книгах.

Так бывает всегда у настоящего, большого писателя. Так это было и у Николая Ивановича Дубова. Он родился в Сибири, в Омске, в семье рабочего. Вместе с семьей еще мальчиком переехал на Украину. В своей «дописательской» жизни Николай Дубов очень много увидел и испытал. После школы работал разметчиком на заводе, учился на историческом факультете университета, работал заведующим заводским клубом, педагогом, журналистом. Беспокойная журналистская жизнь приводила его в разные города, поселки, села. Будущий писатель все видел, все запоминал. И если глазами маленького Сашука из повести «Мальчик у моря» описывается дорога к Азовскому морю, села и город, через которые он проезжает, то можно не сомневаться: все это увидено и запомнено внимательным и цепким глазом художника.

Но истинный писатель — не фотограф, и пишет он свои книги не для того, чтобы просто рассказать про увиденное. Главное в книгах — это мысли и чувства автора, которые он хочет поведать людям, своим читателям. И, прочитав книги Николая Дубова, мы можем себе представить то главное, что он хотел рассказать. И узнать, кто является главным героем его книг.

Когда-то великий писатель Лев Толстой сказал, что главным героем его книг является правда. И, пожалуй, именно правда стала главным героем всех без исключения книг Николая Дубова. Правда несладкая, часто суровая, часто беспощадная. Дубов пишет о том, что детям приходится жить не только среди людей хороших, но и среди людей безнравственных, среди стяжателей, хапуг, равнодушных чиновников. Он пишет о бездуховном мире, где деньги — самое ценное, где пьянство превращает человека в животное... Некоторые книги Дубова читать нелегко, ибо их герои проходят через великие и тяжкие испытания. Но писатель убежден, что нет ничего хуже лжи или полуправды, что только правда может сделать жизнь доброй и созидательной.

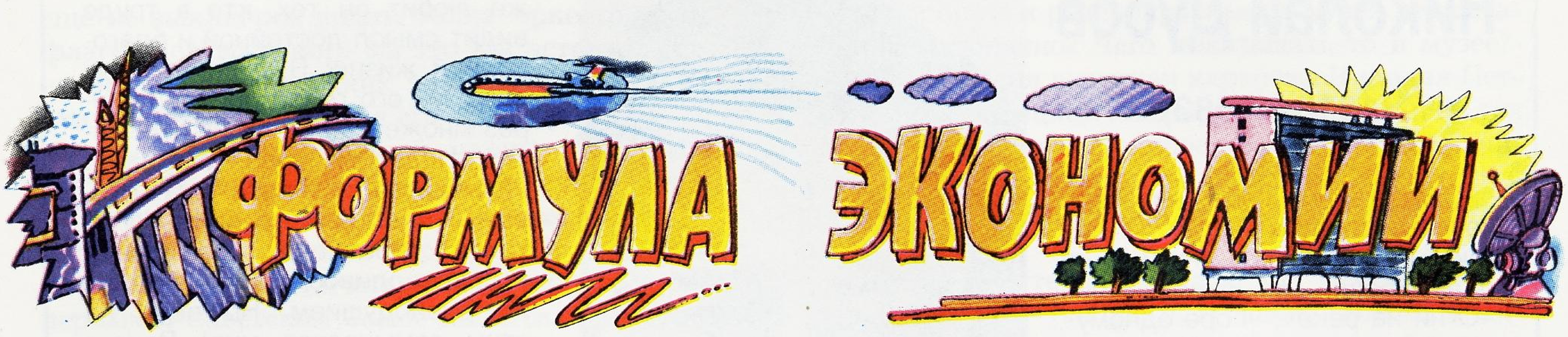
Одной из главнейших идей всех книг Николая Дубова является стремление к справедливости. Происходит ли дело в школе, дома, на заводе, в колхозе — справедливость становится самой великой ценностью. Сашук в повести «Мальчик у моря», Юрка — в «Беглеце», Леша Горбачев — в «Горе одному» — для всех для них столкновение с несправедливостью является одним из главнейших жизненных испытаний, самым большим горем.

А что же в глазах писателя является мерилом справедливости? Труд. Ему ненавистны те, кто, не трудясь, старается получить как можно больше. И как же любит он тех, кто в труде видит смысл достойной и благородной жизни! В романе «Горе одному» его герой проходит через множество больших испытаний. Недаром первая его часть называется «Сирота», а вторая — «Жесткая проба». Испытание сиротством, испытание несправедливостью, чиновничьим равнодушием. Но ведь не этим замыкается мир! Вокруг много и справедливых, умных, добрых людей. И самое главное — уметь различать черное от белого, зло от добра. Все книги Николая Дубова — напряженные, действенные, такие книги не читаются для отдыха, для развлечения, в таких книгах читатель вместе с героями книг живет, страдает, борется и побеждает.

Большое место в нашей литературе занимают книги Николая Дубова. По ним сделаны фильмы, за роман «Горе одному» писатель был награжден Государственной премией, его книги издаются каждый год, им суждена долгая жизнь. Потому что никогда не устареют, никогда не станут менее важными и нужными главные герои писателя: правда, справедливость, труд.

Лев РАЗГОН

В. СТОРОЖЕНКО



ФОРМУЛА ЭКОНОМИИ

Окончание. Начало в №№ 8, 9.

Щедрая экономия

Не надо путать подлинную экономию с показной, со скопидомством, скупердяйством. Хозяйственник, склонный к скопидомству, подчас вызывает у экономически неграмотных людей одобрение. «Хозяин!» — говорят о нем. Но такие «хозяева» висят ярмом на шее государства.

Почему? Очень просто. Рассказывает один из бригадиров строительного управления треста «Мосстрой-1»: «Привозят на объект, скажем, шпаклевку. И каждый старается взять себе на этаж как можно больше, про запас. О каких-либо нормах и речи не идет. Да и прорабу спокойнее живется, когда его рабочие «урвут» львиную долю материала. Он даже сам просит завезти на объект побольше, действуя по принципу: запас карман не тянет. А потом возьмет да и спишет излишки. То же самое происходит с обоями, другими материалами».

Вот и задумываешься: не потому ли возникает пресловутый дефицит, что еще много на стройках таких «запасливых» прорабов и рабочих? И получается: где густо, а где и пусто.

Интересно, что запасливость и ее родственники — накопительство, скопидомство — на первый взгляд как бы сродни экономии. «Я ведь коплю, а не транжирю». «Я запасаю, а не расходую».

Не случалось ли вам хвалиться: вот я какой экономный, сколько денег накопил!.. Бережливость — хорошая черта, но накопительство — «в горшок, в кубышку, в чулок, в копилку» — привычка вредная. И для государства. И для нас самих. Мы уже говорили с вами, что фонды — заводы, станки, стройматериалы — должны давать «урожай», работать. Должны работать и деньги — оборачиваться.

Что же такое оборот денег?

Представь себе рынок, на котором продается ящик яблок за десять рублей, шапка за десять рублей и гусь тоже за десять рублей. Спрашивается: сколько нужно денег, чтобы купить яблоки, шапку и гуся?

Вопрос покажется чересчур простым не только ученику третьего класса, но и первоклашке. Ответ очевиден: понадобится тридцать рублей. Действи-

тельно, если я приду покупать яблоки, гуся и шапку, мне придется заплатить тридцать рублей. Столько же понадобится денег, если на рынок придут три покупателя — один за яблоками, другой за шапкой и третий за гусем. Тридцать рублей. Но не советую спешить с ответом.

Допустим, я купил яблоки. Хозяин яблок на ту же десятку купит шапку, а хозяин шапки отдаст ее за гуся. Хоть сто раз, хоть тысячу покупайте на эту бумажку, она так и останется десяткой. А если порвется или станет очень ветхой, затертой, в банке

ее обменяют на новенькую, хрустящую десятирублевую бумажку.

Можно представить и такой случай. Хозяин шапки захотел приготовить гуся с яблоками, он продал шапку и купил, добавив еще одну десятку, яблоки и гуся. Сколько ему понадобится денег? Двадцать рублей.

Как видите, цена всех товаров каждый раз одинакова — тридцать рублей, а количество нужных для торговли денег разное. В первом случае надо тридцать рублей, во втором для торговли достаточно десяти рублей, в третьем — двадцати.

Нас интересует второй случай. Десятка сменила трех хозяев, она обернулась три раза. Первый ее оборот — при покупке яблок, второй — при покупке шапки, третий — при покупке гуся.

Оборот денег — очень важное свойство. Чем чаще оборачиваются деньги, тем выгодней государству, всем людям. Чем медленнее они оборачиваются, тем накладнее для страны.

Вот и получается: ускорить оборот денег — это значит ускорить оборот товаров, позаботиться, чтобы они не залеживались на полках магазинов, на складах и базах.

А как же сберегательные кассы?

Вы, наверное, видели плакаты: «Храните деньги в сберегательной кассе!»

Кто-нибудь, возможно, спросит: а разве не все равно, где копить деньги — в копилке или в сберегательной кассе?

То-то и дело, что не все равно. В копилке деньги «безработные», а из сберкассы их сразу пускают в дело — в оборот. Они вместе со всеми деньгами государства помогают строить дома, школы, кинотеатры, дороги, поликлиники, фабрики, стадионы, клубы и многое другое. Поэтому-то в сберегательной кассе тем, кто приносит на сохранение деньги, даже платят за вклад. Положил сто рублей, а через год на сберегательной книжке окажется уже сто три рубля.

Итак, мы против экономии расточительной, но мы против и скопидомства, накопительства. За какую же мы экономию? За щедрую. Поверьте, экономия и щедрость — понятия не противоположные.

Что же такое щедрая экономия?

В 1983 году на полгода раньше срока был построен знаменитый газопровод Сибирь — Западная Европа. Строителям помогал экономический эксперимент.

Раньше на участках газопровода каждая организация выполняла свой вид работ. Одна копала канавы, другая бетонировала фундамент, третья укладывала трубы, четвертая монтировала изоляцию и так далее. Теперь создали единый производственный поток, одну крупную бригаду на каждый участок. Такая комплексная бригада сдает готовый кусок газовой магистрали и получает зарплату. Принцип простой: один километр газопровода стоит столько-то. Сделали столько-то километров — получите деньги.

Результаты превзошли все ожидания: отдельные бригады построили за год по 200 километров трубопроводов, в то время как в прошлой пятилетке в среднем за год строили по 45—46 километров. Заработная плата работников при этом возросла в 1,3—1,5 раза.

Главный же эффект — повышение творческой активности людей.

Скупой переплачивает вдвое! Простая эта мудрость, если ее усвоить, разрушит привычку «опасливой экономии». Оказывается, щедрость в расходовании фондов материального стимулирования может привести к подлинной бережливости.

Стали строителям хорошо платить за совмещение профессий — и численность работников сократилась на 56,8 процента. Часть сэкономленных сумм пошла на поощрение работников. Появились доплаты за снижение потерь материалов, горючего, энергии, за увеличение межремонтных сроков службы техники, за повышение качества работ...

Результат такой экономной щедрости — сотни миллионов рублей подлинной экономии государственных средств. Щедрая справедливая оплата труда способна удешевлять сработанное. Если, конечно, щедрость эта вызывает еще больший рост производительности труда. В ином случае экономия становится расточительной.

Пушкинский Балда вполне подходит как модель для иллюстрации этого требования. Он, как известно, работал за семерых, ел за четверых. Если бы было наоборот: он ел за семерых, а работал за четверых, от такого работника в хозяйстве одна убыль, разорение.

...Один раз отрежь

Есть поговорка: «Семь раз отмерь, один — отрежь». Быть может, она придумана первыми в истории экономистами. А если даже это были первые портные, то они, сами того не ведая, поступали как экономисты.

Поговорка эта предостерегает «эконома»: не торопись «отрезать», будь внимательным, осмотритель-

ным. Не насмеши людей, не наломай дров, подумай, рассчитай...

Но сколько бы мы ни мерили, а отрезать-то надо! И вовремя! Иначе для чего семь раз отмерять?

И отрезать именно **один** раз. Принятие решения — дело ответственное. Неправильное решение чаще всего без потерь не исправить. Недаром говорят: «отрезанный ломоть», «поезд ушел...».

Когда ситуация достаточно ясна, решения мы принимаем просто.

В ответственных случаях принять решение бывает сложно. Когда решаются стратегические вопросы экономии, приходится моделировать условия задачи, просчитывать различные варианты.

Человек живет в мире моделей. В детстве игрушки — модели большого мира. В школе — наглядные пособия. Человек вырастает, и на смену учебным приходят исследовательские модели. Проектировщики на листе ватмана чертят объекты будущего завода, в аэродинамической трубе испытывается модель нового самолета.

Для изучения чрезвычайно сложных научных, технических и общественных явлений и процессов ученые создают обобщенные модели, которые отражают лишь самое существенное. Земная атмосфера, человеческий мозг, экономика государства — все это так называемые **большие системы,** изучаемые с помощью обобщенных математических моделей.

В системе все взаимообусловлено, сбалансировано. Если нужных товаров выпускается меньше, чем требуется населению, меньше, чем имеется у населения денег, возникает дефицит. Люди в ответ на нехватку товаров начинают их запасать. Образуются очереди, появляются спекулянты. Нужных товаров в магазинах становится еще меньше. Словом, обществу от такой нерасчетливости один вред.

А системный анализ позволит нам наиболее точно и полно спланировать экономику государства. При этом мы обязаны просчитать вероятность даже небольшого отклонения от плана. Для чего? Для того, чтобы при помощи различных мер свести эту вероятность к нулю.

Стоит ли устраивать ажиотаж из-за небольших невыполнений, отклонений от цифр плана? Какой в этом экономический смысл?

Ответить на этот вопрос поможет детское английское стихотворение, переведенное Маршаком, «Гвоздь и подкова».

Не было гвоздя —
Подкова пропала.

Не было подковы —
Лошадь захромала.

Лошадь захромала —
Командир убит.

Конница разбита —
Армия бежит.

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя!

Так же и в экономике. Стоит заводу не выполнить план даже по каким-нибудь мелким деталям, как это отразится на работе других предприятий.

Допустим, не выполнен план по некоторым видам шарикоподшипников. Нехватка подшипников задержит изготовление важных узлов для прокатного стана. Без этих узлов сорвутся плановые сроки строительства огромного сооружения — стана для проката металла. Не будет вовремя стана — народное хозяйство недополучит тысячи тонн рельсов,

балок, стальных листов для автомобилей, задержится все развитие экономики.

Конечно, в реальной жизни до таких серьезных последствий обычно не доходит. Как только складывается угрожающее положение, его выправляют, принимая срочные и действенные меры. Ликвидировать «прорыв» помогает система государственных резервов, запасов. Такие резервы и запасы создают на случай всяких непредвиденных, но все же вероятных обстоятельств.

Для бесперебойного снабжения электроэнергией, например, предусматривается не только запас угля на электростанциях. На тот случай, если все же какая-то электростанция выйдет из строя, в самой энергосистеме, объединяющей много электростанций, имеются резервные мощности, которые могут быстро начать работать.

И все-таки экономисты знают, что запасы должны быть минимальными. Ведь они очень накладны для народного хозяйства — в производстве не участвуют, простаивают, для их содержания нужны склады, обслуживающий персонал. Кроме того, запасы не всегда могут сгладить невыполнение плана на каком-либо участке.

А его выполнение — закон для всех, святая обязанность любого советского предприятия. Поэтому-то мы и должны просчитать и предотвратить любую вероятность отклонения от плана.

А как быть с перевыполнением?

Однажды в «Комсомольскую правду» пришло письмо рабочего, который спрашивал: стоит ли перевыполнять план?

На первый взгляд вопрос этот очень простой и очень странный. Мы привыкли к перевыполнению наших планов. К перевыполнению планов или к досрочному их выполнению призывают газеты, стремятся коллективы предприятий, строек, колхозов.

Можно ли хоть на минуту усомниться в правильности борьбы за перевыполнение плана?

Попробуем углубиться в вопрос, «стоит ли перевыполнять план».

Первый — очевидный — ответ уже дан: «Конечно, стоит!» Но вот если подумать, вопрос оказывается не так уж и прост, не так наивен, как кажется на первый взгляд.

Допустим, завод должен изготовить 10 котлов для электростанций, а изготовил 12, то есть 2 котла выпустил сверх плана. Хорошо ли это? Для завода — конечно. Он перевыполнил план на 20 процентов, добился большого успеха, претендует на награды и премии. А как для государства в целом?

Тут все не так-то просто. Ведь хозяйство развивается планомерно и пропорционально. Это значит, что планы отдельных отраслей, производств взаимно увязаны друг с другом. Для наших запланированных десяти котлов на десяти строительных площадках строятся здания электростанций. Турбинные заводы тем временем изготовляют 10 турбин, другие заводы выпускают 10 комплектов вспомогательного оборудования, 10 электронных управляющих систем для строящихся электростанций. Все, как и должно быть в сложном хозяйстве, взаимоувязано, четко спланировано, всего, заметьте, по 10, а не по 12.

И вдруг два лишних котла! Что с ними делать? Если оставить их «полежать» до будущего года, тогда, спрашивается, зачем спешили? Зачем перевыполняли план? Кроме того, такое «вылеживание» стоит государству немалых денег.

Экономисты умеют считать потери не только от нехватки, от дефицита изделий в народном хозяйстве, но и от их излишков. Ведь придется раскошеливаться на хранение излишков — строить специальные склады, смазывать оборудование, кра-

сить. Излишний запас карман тянет, говорят экономисты.

Но даже не в этом главная убыль государству. Она в том, что оказались бесполезно замороженными большие средства, на изготовление сверхпланового оборудования затратили дефицитные ресурсы — трубы, листовую сталь, цветные металлы. А ведь их могли бы употребить с пользой в другом месте, на производство той продукции, которая срочно нужна для нашего хозяйства.

Значит, есть случаи, когда план перевыполнять не следует. Например, при изготовлении устаревшей или не находящей в данный момент сбыта продукции. Но в подавляющем большинстве случаев перевыполнение плана — благо. Какие могут быть возражения, если шахтеры добудут больше угля, земледельцы и животноводы перевыполнят план по зерну и молоку, а бюро «добрых услуг» окажется «добрее», чем было запланировано? Никаких. От этого лишь вырастет материальный и культурный уровень жизни народа.

Этому надо учиться!

Представьте себе механизм обыкновенного будильника. Колесики, рычажки, пружинки, оси — все связано друг с другом, все работает как единое целое. Неполадка в любом месте — и часы перестали тикать.

Экономический механизм неизмеримо сложнее часового. Он управляет работой сотен отраслей и производств народного хозяйства. От того, насколько отлажен хозяйственный механизм, насколько соответствует он требованиям времени, зависит замедление или ускорение темпов развития страны.

В последние пятилетия в этом механизме накопились неполадки. Управление стало слишком громоздким. Порой ведомственные, местнические интересы ставились выше государственных. Слишком много стало промежуточных звеньев между рабочим и министерством, целая пирамида начальников — начальники цехов, предприятий, объединений, управлений...

В планировании процветал так называемый «затратный» принцип, когда результаты труда оцениваются не по тому, что сделано, а по тому, сколько государственных средств истрачено.

Начало тормозиться развитие страны, увеличивались нехватка жилья, дефицит товаров народного потребления. Люди получали зарплату, а купить на полученные деньги нужные вещи становилось труднее.

Судите сами: рабочие-строители аккуратно получали зарплату, а дома не сдавали. Рабочие обувной фабрики, телевизионного завода, выпустившие некачественные товары, тоже получали зарплату, хотя их продукция прописалась на дальних полках и складах, была уценена, а может быть, и уничтожена как брак. А если то же происходит на многих фабриках и заводах? Вот и получается: зарплата выдана, а возможности с толком истратить ее уменьшились.

Стратегия ускорения решительно отвергает «затратное» планирование. Работа каждого рабочего, каждого цеха, предприятия, стройки должна оцениваться только по **конечным результатам.** Конечный результат — это дом, в который въехали новоселы, это туфли, которые куплены в магазине, это овощи и фрукты, которые попадут к нам на стол, это комбайны, которые выходят на поля, — словом, это реальные ценности, сработанные на совесть, пригодные для дальнейшего употребления на благо людям и народному хозяйству.

Случается, что заводу то вагонов не хватает, то лишние детали прислали, то соседние заводы подвели, то проект предприятия переделывать надо, то мелочь какая-нибудь хозяйственный механизм заедает, а государству — миллионные убытки.

Стратегия ускорения требует ввести в обиход понятие «экономическая дисциплина». А то за пятиминутное опоздание работник получает строгий выговор или еще более серьезное наказание, а за потерянную панель, невыполненное задание, испорченные продукты, за нерадивость на работе отделывается одними отговорками.

Наведение порядка, повышение трудовой и технологической дисциплины, борьба с пьянством и алкоголизмом, с жульничеством, справедливая оплата труда, улучшение условий жизни людей — это и есть первоочередные требования ускорения социально-экономического развития страны.

Ускорение не кратковременный маневр советской экономики. Оно определит нашу жизнь на долгие годы. В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии, четко сформулирована сущность стратегии ускорения:

«КПСС считает, что в современных внутренних и международных условиях всесторонний прогресс советского общества, его поступательное движение к коммунизму могут и должны быть обеспечены на путях ускорения социально-экономического развития страны. Это стратегический курс партии, нацеленный на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества».

Она — стратегия ускорения — позволит в исторически короткий срок, уже к 2000 году, удовлетворить основные материальные и культурные потребности советского человека.

Сейчас нередко говорят не о потребностях вообще, а о разумных потребностях. Homo все-таки sapiens. В своем развитии он постепенно отходит от понимания изобилия как примитивного, оголтелого, животного потребительства. Разумному человеку достаточно понимать, что он всегда может иметь больше, чем способен потребить, чтобы этого «больше» ему не захотелось. Все действия наши должны быть взаимоувязаны, сбалансированы, должны сочетаться друг с другом во времени.

Бессмысленно, например, если известно расписание и оно соблюдается, бежать к автобусной остановке, а потом долго стоять в ожидании. Вредно ускоренно рубить лес, когда комбинат по переработке древесины еще не построен. Лес сгниет, и все. Спортсмены-бегуны, пловцы, лыжники, конькобежцы и их тренеры хорошо знают, что дает правильное распределение сил на дистанции. «Поспешишь — людей насмешишь!» Поэтому всякое ускорение должно быть обосновано, продумано, рассчитано. Особенно в экономике.

Почему мы сегодня так много говорим об экономии. Да потому, что она один из самых верных способов ускорения.

61-я статья Конституции СССР содержит точную формулу экономии: «Гражданин СССР обязан беречь и укреплять социалистическую собственность. Долг гражданина СССР — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру».

У нас есть все, чтобы распахнуть двери изобилию. Еще В. И. Ленин писал: «...в России хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, лишь бы правильно распределить труд и продукты, лишь бы установить всенародный **деловой практический** контроль за этим распределением, лишь бы победить **не только** в политике, но и в повседневной экономической жизни...»

Откуда взять инициативу, как победить бесхозяйственность?

Это надо узнавать с детства. Осознать умом и сердцем суть формулы экономии. Понять, что это не просто метафора, поэтический образ, но закон нашей жизни. Надо воспитывать в себе нужные чувства.

Бывает, что и взрослым надо делать «прививки».

Вот сочинения пятиклассников 372-й московской школы. Тема: «Я и моя семья в операции «Бережливость».

«Иногда папа ложится спать и читает. Но потом он засыпает, а свет продолжает гореть. Или он бреется, а потом выходит из ванной, а свет не тушит. Мне приходится ходить за ним, как говорится, по пятам... Сейчас у нас все в порядке. Краны исправны, хлеб не выбрасываем. Я приучила своих родителей, чтобы они выключали свет и экономили воду».

«Моя бабушка считает, что если из крана течет маленькая струйка, то это ерунда. Но я подсчитал, что за год утекает 72 тонны воды».

Но речь идет не только о том, чтобы научить человека беречь каждую государственную копейку. Задача шире... Знания — пусть даже очень основательные — сами по себе не являются панацеей от эгоистичности, потребительства, рвачества. Рвач или разгильдяй могут быть и экономически подкованными... Экономическое воспитание — это воспитание глубокой **внутренней потребности** в том, чтобы производить больше, лучше, экономнее, дешевле, выгоднее. Это формирование щепетильно-бережного отношения к труду других людей, в чем бы ни выражались его результаты: в партах, на которых сидит школьник, в станке, на котором работает фрезеровщик, в рублях, которые отпущены режиссеру на съемку.

Да, мы знаем, что не все проблемы еще решены. Знаем свои недостатки, видим трудности. Мы видим и знаем пути, которые ведут к дальнейшему развитию и совершенствованию нашего общества. Человек всю жизнь открывает для себя и для других **формулу экономии.** Понятно, что она же **формула изобилия.**

Жизнь идет вперед, и вчерашние наши успехи сегодня становятся обычным делом, а завтра станут фактом истории. Завершена XI пятилетка, идет XII пятилетка ускорения, а Госплан уже заглядывает в XIII пятилетку, в третье тысячелетие.

Тебе, читатель, жить в нем.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Сто лет назад родился Григорий Константинович Орджоникидзе. Юношей вступил он в революционное движение и в семнадцать лет стал большевиком, соратником Ильича. Его называли «наш Серго». Серго не раз был арестован и сослан. Три года, закованный в кандалы, провел в самой страшной тюрьме царской России — Шлиссельбургской крепости. И все три года учился, учился, прочитал столько книг — научных, художественных, политических, что, по справедливости, превратил тюрьму в университет. Серго участвовал в Октябрьском штурме, сражался с врагами революции на гражданской войне, устанавливал Советскую власть в Закавказье.

Первая пятилетка... Вторая... Они стали звездными часами Серго. Во всю мощь засверкал талант организатора, созидателя социалистической экономики. Став председателем Высшего Совета Народного Хозяйства, а потом народным комиссаром тяжелой промышленности СССР, Серго возглавил ту всенародную работу, которая по воле, по планам партии подняла нашу Родину из отсталости и нищеты к могуществу и величию.

Урало-Кузбасс, Днепрогэс, Магнитка, первые автомобильные, авиационные, тракторные, химические заводы... Их рождение связано с трудовым подвигом Серго. И сегодня, когда мы стремимся быстрее и вернее достичь цели, поставленной XXVII съездом ленинской партии, опыт и судьба Серго, светлая память о нем, образ его очень помогают нам в этом.

Владимир КРАСИЛЬЩИКОВ

ВСЕХ ВИДЕТЬ СЧАСТЛИВЫМИ...

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Что раздашь — твое, что скроешь, то потеряно навек

Ему восемь лет. Он стоит в холодной воде по колено и, нагибаясь, выворачивает со дна Квадауры камень за камнем. Под камнями живут рачки, похожие на кузнечиков. Надо, одной рукой держа голыш, другой схватить шустрого рачка, упрятать в мешочек, висящий на шнурке с крестом. Дядя Дато наставлял:

— Рачок для цоцхали все равно, что шашлык для джигита. О, цоцхали! Рыба рыб!

В предвкушении удачной ловли мальчик выбирается на берег. Размотана леска — волосы для нее сам бесстрашно надергал из хвоста Мерани. Насажен рачок. Поплюем на счастье. И-э-эх! Заброс. Ожидание... Посмотри, цоцхали, какой вкусный рачок приготовлен для тебя.

Да, это вам уже не детские забавы. Сегодня дядя взял Серго с собой на дело, достойное мужчины. Мальчик гордится этим, хотя и не очень верит в успех. Вся вода в реке насквозь, до камушка на дне, до песчинки, прозрачна. Какой тут добычи ждать? Откуда?

«Ну, приходи же, цоцхали! — молчит Серго. — Приходи, форелька! Приходи!..» Ему делается до усталости тоскливо, он оглядывается. Дядя стоит посреди реки в засученных выше колен шароварах, с бамбуковым удилищем, и у него тоже не клюет. Жестами он показывает: зайди в воду, как я, иначе рыба тебя видит, кто рыбы хочет, тот и ноги мочит. Неохота заходить в холодную воду, но ради любимого дяди...

О чудо! Леска дрожит, натягивается, гнет удилище. За камень зацепил? Нет, нет, нет — стучит сердце. Леска подается, напрягаясь, содрогаясь вместе с сердцем живой натужной тяжестью. Тук-тук-тук — по руке. Тук-тук-тук — сердце.

Выпрыгнув из воды трепещущей радугой, цоцхали срывается с крючка — и нет ее. С трудом превозмогая слезы, с удесятеренной страстью мальчик продолжает ловлю. А если вон в той круговерти за камнем попытать счастья?.. Есть! И опять рыба срывается.

— Подсекай резче,— шепотом, слышным, наверное, на Казбеке, советует дядя. — Тссс!

Вновь напряжение, самозабвение. Холодная вода? Нет холодной воды. И босых ног нет. Есть только руки, ставшие удочкой.

Говорят, новичкам бог помогает. Видать, Серго не исключение, ловит и ловит. А у дяди не клюет. И чем больше племянник ловит, тем завистливее топорщатся чудесные дядины

усы. Не выдержав, он откидывает удилище на берег:

— Испробуем старый солдатский способ.— Как был, в закатанных штанах и рубашке, ныряет туда, где за большущим камнем река пенится, кипит. Выныривает. Отфыркивается. Мотает головой. Старается прежде всего вытряхнуть воду из богатырских — фамильная гордость — усов. Как-то странно, прихрамывая, припадая на один бок, выбирается к берегу.

— Ушибся? — участливо переживает Серго.

В ответ дядя поднимает руки: в каждой по большой форели. Ну и ну! И под коленкой зажата рыбина. И еще одна — под мышкой.

Дядя Дато воевал, когда Серго и на свете еще не было. И не просто воевал — герой, георгиевский кавалер. Веселиться любит не меньше других, а работает, пожалуй, побольше. Неутомимый плясун. А рассказчик!.. Как начнет про сражения под Плевной, на Шипке,— до утра слушал бы и слушал, если б тетя Эка не прогоняла спать. Дядя научил Серго не бояться стрелять из охотничьего ружья, больно отдающего в плечо. Научил скакать верхом в седле и без седла, не натирая ноги.

Счастье... Квадаура, несущая воду горных родников сквозь ущелье, поросшее буком и каштаном. Холмы, украшенные кукурузой и виноградом. Родная Гореша. Простор. Приволье. Один дом от другого за версту, а то и за две. Среди них — вот он! — дом Константина

Николаевича Орджоникидзе, известного односельчанам как Котэ-дворянин. По этому поводу дядя Дато постоянно шутит:

— У нас из трех жителей пятеро — князья, и всем кушать нечего.

Кукурузы с «владений» Котэ едва хватает до нового года. Чтобы кормить семью, он уходит на заработки — возит на быках руду из Чиатур. «Поместье» унаследовал в начале восьмидесятых годов и женился на столь же благородной и — увы — столь же нищей Евпраксии Григорьевне Тавзарашвили. В восемьдесят втором Евпраксия осчастливила его первенцем — Павлом, или Папулией, а двадцать восьмого октября тысяча восемьсот восемьдесят шестого года подарила Григория, крещенного в честь деда. Однако родня называет мальчика Серго. Так повелела бабушка: никакой он не Григорий, а Серго.

С мамой удалось ему прожить всего полтора месяца. Грустны семейные предания: когда умирала Евпраксия, она подозвала к себе сестру Эку и сказала: «Поручаю тебе своего маленького мальчика. Ты должна его воспитать. Знаю, что тебе будет трудно, но у тебя есть дочь Катия. Она девочка большая и поможет...»

Взяв осиротевшего младенца, Эка подыскала ему кормилицу. Когда у той пропало молоко, выпаивала коровьим. Катия нянчила малыша, случалось, с утра до ночи не спускала с рук. Потом Катия играла и резвилась с ним, тешила его сказками о прекрасных царевнах и богатырях, песнями, стихами о великом и бесстрашном Амирани, добром к людям, непокорном злым богам, водила в лес по ягоды, орехи, по грибы. Серго вырастал крепышом, здоровяком и, как ей казалось, красавцем. Особенно хороши были его пышные золотистые кудри.

Через год после смерти мамы отец женился на тетеньке Деспине. Серго бегал к отцу и мачехе поиграть с Папулией. Мачеха... Это не очень-то подходило к тетеньке Деспине. Она относилась к Серго, как к своим детям. Всегда встречала его улыбкой, вниманием, лаской. И он неизменно отвечал любовью на любовь. Окруженный добром, он и сам рос добрым. Даже когда умер отец и Серго стал круглым сиротой, сердце его не ожесточилось. И дядя Дато, и тетя Эка по-прежнему берегли его, заботились о нем, ничем не отличая от своих кровных Тарасия с Катией.

С утра до вечера из двора Дато Орджоникидзе доносился детский смех, а то и крики спорщиков: мальчишки со всей Гореши хотели играть в лапту только на той стороне, где Серго. Когда надоедал мяч, вскакивали на коней, которыми служили фундуковые палочки. Игра в лошадки часто оканчивалась слезами: кто-нибудь из лихих всадников расшибал нос. И Серго первым бросался его утешать. Если же сам Серго падал, то старался поскорее подняться, смущенно оглядывался, как ни в чем не бывало снова «седлал коня», и уж, конечно, никто никогда не видел его ревевшим.

Верно, и потому, что рядом была Мзия — зеленоглазая, огненнокудрая, милая. Даже имя ее рождало очарование. «Мзе» — по-грузински «солнце». И порою Серго воображал, будто с ним играла сказочная красавица Мзетунахави, появляющаяся на свет из цветов розы.

О златовласой Мзетунахави рассказывала и пела Катия. В сказках и песнях Мзетунахави оказывалась узницей неприступных крепостей или бывала превращена в лань, в голубя. Чтобы вызволить ее, герой совершал захватывающие подвиги — совершал благодаря мудрости, доброте, прозорливости Мзетунахави. Она загодя наделяла его солнечным зайчиком или солнечным яблочком и другими волшебными плодами, с помощью которых он пролезал в игольное ушко, выбирался сухим из воды, мокрым из огня. И в конце концов прекрасная Мзетунахави выходила за него замуж. В сказках и песнях у героя, наверно, было иное имя, но Катия неизменно называла его Серго.

Первая любовь. Она всегда обращена к возвышенному. Любовь Мзии и любовь к Мзии обогащали Серго неизменным ощущением добра, красоты, силы, поднимали в собственных глазах, побуждали к молодечеству. Даже увлечение верховой ездой шло от Мзии — от стремления выказать себя перед нею мужчиной. Однажды Серго упал с лошади и ушибся так, что лежал без чувств. Его подобрал сосед, смыл кровь со лба, проводил домой. Серго кусал губы, чтобы не плакать от боли, и не плакал.

— Униженье беззащитных недостойно храбреца,— любил повторять дядя строку из поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

И в характере мальчика это сказывалось. Ни разу пальцем не тронул тех, кто слабее. Зато бросался на выручку малышам, если их обижали старшие ребята. Приходил домой избитый, но это его не останавливало, и на следующий день снова заступался за слабых.

Повзрослев, он полюбил вместе с дядей ловить рыбу, ходить на охоту. Но больше всего увлекала его верховая езда. Как-то во дворе другого дяди, Авксентия, он загляделся на красавца Мерани. Смотрел и смотрел на драгоценного коня, который подрагивал, будто в нетерпении, в предвкушении скачки.

Не в силах отвести взгляд, Серго сунул палец за подпругу, привычно проверяя надежность седлания. Мерани покосился на дерзкого пришельца огненным глазом — недобро, вызывающе и вместе с тем поощряя, приглашая. Оскалился в недоверчивой улыбке, прижал ухо. Плавным и резким толчком Серго достал до кованого стремени. Легко вскинул себя на скрипнувшее седло, с трудом дотянул правую ногу до другого стремени.

Мотнув длинной шеей, Мерани отобрал поводья сколько мог, понес седока на упругой и гибкой спине. Старался перехитрить непри-

вычно легкого всадника — то с одной стороны, то с другой вырывал поводья.

Напрасно Серго увещевал его, и совестил, и гладил по благородно лоснившейся холке. Мерани уносил мальчика все дальше от Гореши. Уносил с удовольствием, восхищаясь и наслаждаясь несдержимостью своего бега. Вот он вскинул ногу, замахиваясь на галоп, но удила врезались в губы. Мерани удивился: ну и твердая рука! Вот уж не чаял, не гадал. По-новому, уважительно, ощутил легкого всадника с такой твердой рукой.

Что за счастье скакать на горячем коне по глухим каменистым тропам навстречу горному ветру! Жадно вдыхал Серго воздух, настоянный на медовых травах. Вглядывался в синюю беспредельность, в расплывчатые, призрачные очертания деревьев, лужаек, потоков, рушившихся с утеса на утес.

Железо узнается в ковке, добрый конь — в беге. Стороннему, верно, могло показаться, что одинокий всадник скакал без нужды и цели. Но он-то, всадник, и Мерани под ним не были сторонними — они летели за счастьем, сами были воплощением счастья. Как здорово! Одно имя лошади чего стоит! В сказках, которые любит Катия, Мерани — крылатый скакун, быстрый, как молния.

Однако судьба всегда держит в одной руке сахар, в другой соль. Счастье не столько отравляется извне, сколько носит отраву в самом себе. Спохватился: «Дядя Авксентий!.. Я свел у него коня». Осадил Мерани, погнал обратно уже не по дороге, а напрямик. Скорей! Мерани без понукания прибавил ходу.

Впереди река. Вместе с Мерани Серго еще издали увидел ее. И обоих, всадника с лошадью, охватило мимолетное сомнение. Серго занес руку, свободную от поводьев, чтобы ударить по крупу, но тут же понял: сомнения и тревоги напрасны — Мерани приближался к берегу, плавно сбавляя ход. И все-таки придется спешиться, иначе распаленный конь может напиться, и тогда... Тогда плохо дело. Не выпуская поводья, соскочил с седла, взял Мерани под уздцы и свел его в воду, которая была не выше колен.

Осторожно ступая, двигались наискосок против течения. Переправляясь через горные речки, нельзя смотреть на воду: может закружиться голова. Знал Серго и то, что мелкие горные речки самые коварные: где вчера был камень, сегодня яма. Не предвидел он только одно. На середине брода Мерани вырвал поводья и припал, жадно хлюпая, к воде. Серго в ярости ухватился за поводья.

Уже не было ощущения счастья — было сознание вины, непоправимости, предчувствие беды. Мерани похрипывал, покрывался пеной. Солнце скрылось в туче, разлегшейся по западной гряде гор.

В теснине стало темно и сыро. Квадаура, шурша камнями, ревела смятенно и угрожающе. Серго уже не скакал, а ехал шагом, задыхаясь от нетерпения и горя. Молился,

проклинал себя, горько насмехался над собою. Возможность потерять доверие людей превращала это доверие в самое дорогое на свете. И так жаль было Мерани! Говорят, коня его же ноги воруют. Нет! Ты украл коня. Ты — вор.

Когда молния расколола черное небо, озарив округу, ослепив одинокого всадника, он словно очнулся, приметил, что конь тяжелее дышал. Вот он споткнулся на ровной дороге...

Уже виден был дом дяди Авксентия. Огибая излучину на выезде из ущелья, Серго вдруг почувствовал, что падает. Правая нога его коснулась земли — едва успел выдернуть ее из уже прижатого стремени, как лошадь грянулась на правый бок. Мерани надсадно хрипел, старался подняться, мотая взмыленной шеей. Бился у ног Серго — точно так бьется подстреленный фазан. Выгнув к мальчику голову, смотрел на него дивным, но уже не огневым глазом.

— Вайме! — закричал Серго. — Что я наделал!..

Слабый стон вырвался через стиснутые зубы коня — и он затих. Мальчик бросился к селению, пробежал несколько шагов, ноги не слушались. Он упал в придорожный бурьян и заплакал.

Долго он лежал так, вздрагивал от раскатов грома, от рыданий. Вся его твердость исчезла, душа изнемогла, разум потух. «А ведь можно никому ничего не говорить,— вдруг словно избавление, осенила мысль. И он ощутил свое сердце, которое не слышал с тех пор, как пал Мерани. — Никто не знает, что коня увел я...»

Когда хлесткий дождь освежил его разгоряченную голову, он поднялся, пришел к дяде Авксентию и признался во всем...

И снова настало счастье: тетя Эка отвела его в школу. Светло помнится скромное зданьице на холме возле церкви. В нем умещались всего две классные комнаты, где три преподавателя и священник обучали шестьдесят детей.

До чего ж интересно каждый день узнавать новое, замечательное! А все, что он узнавал, было замечательным, хоть буквы, хоть дважды два, потому что все он открывал для себя с восторгом — как бы с распростертой душой. С гордостью чувствовал, как становился сильнее. Еще вчера не мог прочесть вывеску на духане, а сегодня... А завтра и книгу прочтет!

Без конца задавал вопросы, озадачивая учителей необычной для его сверстников пытливостью, поражая памятью. Если на прошлом занятии что-то оставалось ему неясным, то уже сегодня не отстанет, пока не выведает все «до точки». Любит писать. Любит читать и слушать, когда читает первый его учитель, уважаемый батоно Виссарион. Особенно нравятся рассказы о природе, о грозных ее явлениях — извержениях вулканов, наводнениях, землетрясениях. Слушаешь, и так жутко делается, что невольно зажмуришься, и упоительно — хочется самому побороться, как те люди, что жили до тебя, что не сдались, выстояли, победили.

Больше всего увлекают мальчика история, естествознание, география. С удовольствием воображает себя то в океане, то в песках Сахары, то на Северном полюсе. Только закон божий не любит. Старается увильнуть от занятий почтенного мамао — батюшки Чумбуридзе. Но поди отвертись от закона божьего в церковноприходской школе. Впрочем, библейские легенды и притчи захватывают, возбуждают воображение, заставляют задуматься о том, например, почему у дяди Дато так много всего — и земли, и кукурузы, и денег, а у соседа, пришедшего косить траву, не хватает на рубашку для сына. Почему, когда Серго дарит мальчику свою рубашку, дядя косится настороженно, а добрейшая тетя Эка говорит: «Всех голых не оденешь, всех голодных не накормишь»?

Почему, зачем так? Разве земля, большая и прекрасная земля наша бедна? Разве люди не работают на ней, обливаясь пóтом? Как здорово было бы дать всем, всем, кто работает, и красивую одежду, и сладкую кукурузу, и виноград — сколько душа пожелает!

С учителями ему везло. Уважаемый батоно Виссарион был вдумчивым и опытным педагогом. Когда Серго поступил в школу, Виссарион учительствовал уже седьмой год. Но главное — он любил детей, умел незаметно для них заставить серьезно работать.

Священник — почтенный мамао Чумбуридзе — оказался весельчаком, жизнелюбом, острословом. Весьма вольно толковал библейские легенды и притчи, отчего они походили на анекдоты. С первых дней он не скрывал симпатию к Серго, одобрял за то, что смекалист, улыбчив, не ленив, за то, что наделен живым разумом и наблюдательностью, прощал озорство и недостаток почтения к вере, называл не иначе, как Сержан.

Не раз отец Чумбуридзе предсказывал:

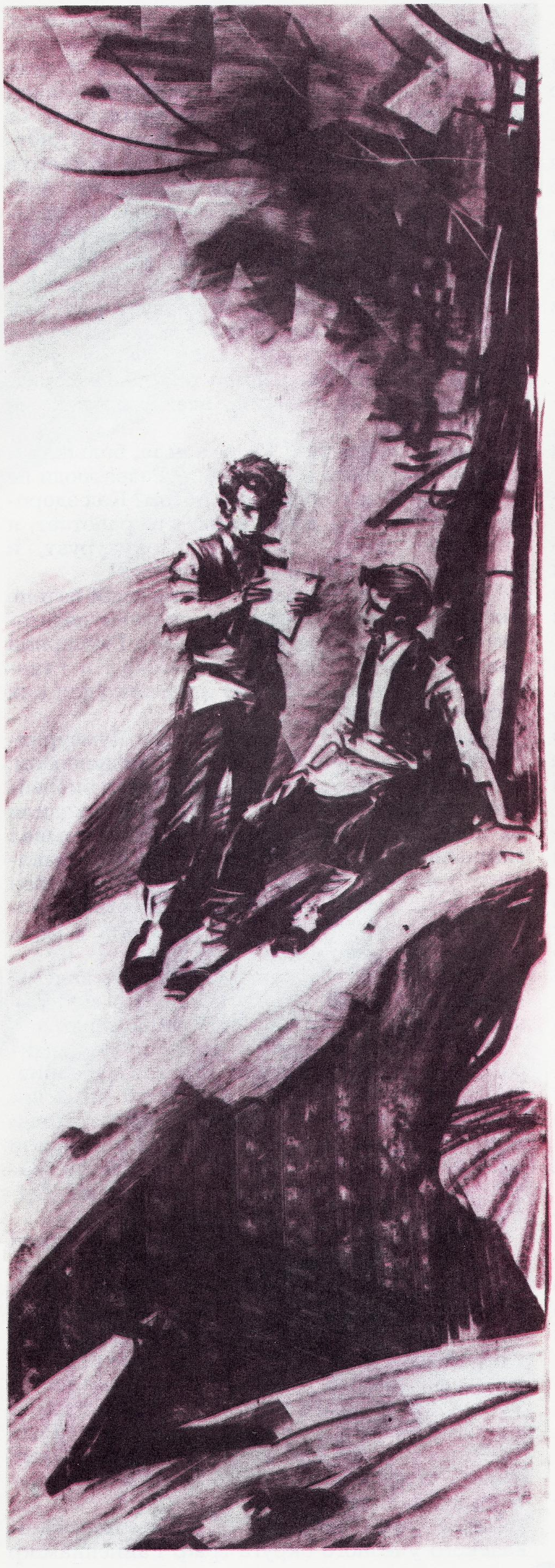
— Кто доживет — увидит, что этот маленький Сержан станет большой личностью.

Способности «Сержана» отметил сам надзиратель церковноприходских школ губернии. Он предложил, чтобы одаренный мальчик продолжил образование в том учебном заведении, какое выберут родные. Они выбрали школу, где учительствовал любимец и гордость обширной семьи Симон Георгиевич Орджоникидзе.

Недруги так отзывались о нем: «Грузинский народоволец, волчий билет ему обеспечен, умрет под забором»,— и строчили на него доносы. Друзья говорили: «Прогрессивный интеллигент, народный в подлинном смысле учитель». Суть всего этого пока что была не очень ясна Серго, но он уважал Симона.

Верноподданные коллеги, сторонясь и побаиваясь Симона, следили за ним. Ведь он — шутка ли?! — учит детей грузинскому языку, что строжайше запрещено их императорским величеством.

После очередного доноса попечитель Кавказского учебного округа граф Ранненкампф



великодушно не прогнал Симона умирать под забором с волчьим билетом в кармане, а строжайше предупредил и перевел в Белогорское училище — неподалеку от Гореши. Но и здесь Симон не унялся. Родной край называл не иначе, как Сакартвело. Как принято в Грузии, только трех человек величал без отчеств: Шота — Руставели, Илья — Чавчавадзе, Акаки — Церетели. И Серго казалось, будто все они были близкими друзьями учителя. Симон Георгиевич умело направлял его чтение: первое место классикам — Гурамишвили, Пшавеле, Казбеги, Пушкину, Грибоедову, Шевченко.

Больше всех волновал Руставели. Верно, потому, что стихи «Витязя в тигровой шкуре» больше всего были созвучны душевному ладу Серго.

Кто друзей себе не ищет,
тот враждует сам с собой...
Что раздашь — твое,
что скроешь, то потеряно навек...
Смелость, счастье и победа —
вот что смертным подобает!

Как-то Серго спросил Симона Георгиевича:
— Почему вас называют националистом?
— Националистом? Какая пошлость! И какая гадость! Послушай, бичо, за меня тебе ответит властитель наших дум, наш дорогой Акаки. Всегда помню его слова. Разбуди меня ночью — присягну ими. Вот они: «Из слов Шевченко я впервые понял, как нужно любить свою родину и свой народ...» Ты слышишь, бичо? Из слов Шевченко! «Прежде всего я грузин, так как я грузин, так как я рожден грузином, но это не означает того, чтобы я стремился построить свое счастье на несчастье другого народа. Моей мечтой является всеобщее счастье всех народов». Ты слышишь, бичо? Всех!

В училище Серго встретил Самуила Буачидзе. Сначала было сочувствие к нему: отец его, крестьянин соседней деревни, сидел в тюрьме за то, что заготавливал дрова для своей большой семьи в казенном лесу. Потом сдружились. Самуил много читал, интересно думал. Как Серго, он увлекался историей. Любимый его герой — Георгий Саакадзе — поднял восстание против шахского ига за свободу народа. Страдая, рассказывал Самуил о том, как после поражения Саакадзе бежал в Турцию, а там его казнили.

От Самуила Серго впервые узнал имена Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, слова «революционеры», «демократы». Самуил сочувствовал тем, кто «устает на работе так, что мясо от костей отходит, а живет хуже собаки». Когда он вспоминал своего отца, у Серго слезы наворачивались на глаза и кулаки сжимались. «Ну, погодите,— грозил он кому-то еще неведомому, но воплощавшему начала зла и горя,— дайте срок!»

Случай не заставил ждать. В училище пожа-

лoвал попечитель Кавказского округа. Он заявил:

— Мужицкие дети, сколько их ни учи, останутся тупицами. Дворянскому сыну расти — умнеть, крестьянскому — ослеть.

И тогда крестьянский сын Самуил Буачидзе, дрожащий, бледный, встал, крикнул, срываясь:

— Ложь!

— Эт-то еще что за петух?! — изумился граф и повелел немедля исключить дерзкого бунтовщика.

Серго вскочил на парту:

— Пусть исключают всех или никого!

Того, что последовало, еще не видывали старые стены училища. Свист. Призывные выкрики. Стук — словно барабанная дробь. Заперли входную дверь, завалили ее партами, забаррикадировали лестницу на второй этаж. Серго сорвал со стены портрет молодого царя и начал топтать. Потом подскочил к окну, хватил по стеклу, крикнул стоявшим внизу учителям:

— Верните Буачидзе, не то все уйдем!

Смотритель училища отрядил для переговоров с бунтовщиками батюшку, но тому не отперли дверь. Серго снова потребовал:

— Пусть придет Симон Георгиевич, его впустим.

Переговоры были недолгими. Симон Георгиевич несколько успокоил ребят, пообещал уладить дело и сдержал слово. Самуила не исключили. Никто не был наказан — даже Серго, столь непочтительно обошедшийся с портретом царя.

Потом будут в жизни и революционные кружки, и демонстрации, и сражения. Но то было впервые. И впервые он с радостью понял: единение людей ради благородной цели — великая сила. Почувствовал упоительную сладость вести за собой других, идти впереди, бороться, презирая опасности, и побеждать.

Вскоре Самуил уехал в Кутаис продолжать образование в сельскохозяйственном училище. Но друга не забывал. Чуть не каждую неделю приходили от него письма, посылки. Прислал книгу Дарвина о путешествии на корабле «Бигль» вокруг света, «Записки одного молодого человека» и «Кто виноват?» Герцена.

Через три года Самуил и Серго, ставший учеником фельдшерской школы, приедут домой на пасхальные каникулы, уйдут в горы. На тропе по свежезеленому склону Самуил остановится, обернется к Серго с важным видом:

— Можешь хранить политические тайны? — И улыбнется: — Еще бы! Не обижайся, что спросил, но за это тюрьма. В училище у нас есть один... педагог. Познакомил меня с настоящими людьми. Я вошел в кружок социал-демократов.

— Да ну? — Серго позавидует, хотя толком еще не знает, кто такие социал-демократы. Самуил не назовет педагога, посвятившего его в социал-демократы. Лишь спустя годы Серго узнает, что им был Миха Цхакая — один из первых марксистов России, агент ленинской «Искры». Шагая вверх по тропе, Самуил горячо и взволнованно говорил, что после бунта в училище многое передумал, много достойных людей повстречал.

— Не так надо драться с царем, как мы дрались! Один замечательный русский студент... Был в Сибири на каторге за политику, теперь ссылка на Кавказ. Рассказал о Герцене. Когда Герцену было столько лет, сколько нам с тобой, он с лучшим другом поднялся на самую высокую гору в Москве и перед лицом всей Москвы — понимаешь? поклялся посвятить себя самому дорогому и прекрасному, что есть в жизни,— борьбе за свободу и счастье. Никакие невзгоды, изгнание, гибель родных и друзей не заставили его отречься. До последнего удара сердца остался верен... Вот бы и мы... Хочешь?

— Давай.

Они поднялись на гребень, с которого видны были окрестные долины, холмы, горы, касавшиеся облаков.

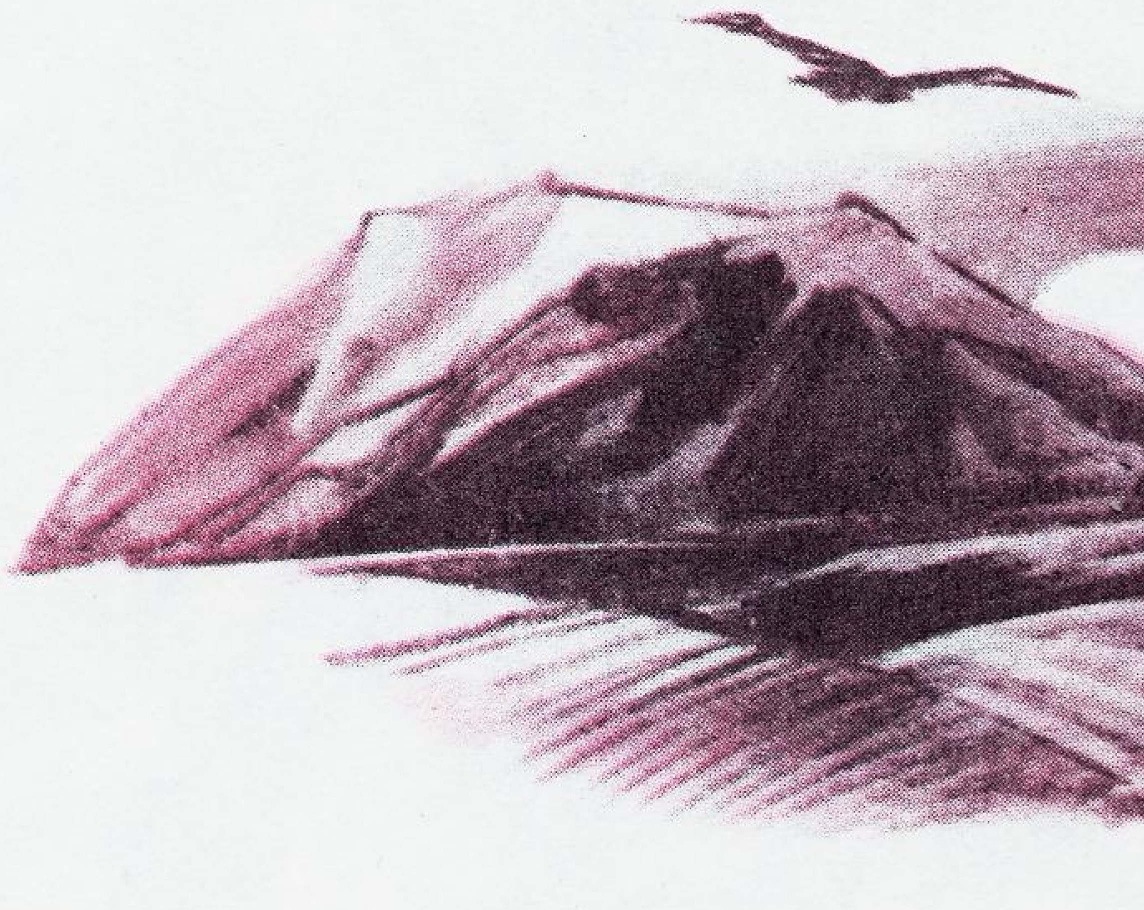
— Кавказ подо мною. — Серго хотел сказать, что они перед лицом Кавказа, перед лицом Земли, всей Вселенной, но побоялся, что строгому Самуилу это покажется напыщенным, вдохнул легкий весенний воздух и молча сжал руку друга.

Самуил ответил на его пожатие. Подумав, достал из-за подкладки форменной тужурки тетрадь:

— Обязательно прочитай. Говорят, это написал Ульянов, брат казненного в Шлиссельбурге за покушение на царя.

Ни о чем не спрашивая, Серго взял напечатанные синими чернилами листы, оглянулся. Крепко держа, чтоб не вырвал ветер, перебрал страницы, прочитал в конце: «...русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» — это были первые слова Ильича, которые дошли до Серго.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



Алексей ШЛЫГИН

Птица над морем

На корму спустилась птица —
Кто ее обидит тут?
Ведь корабль — земли частица,
Что отечеством зовут.

Кто-то кинул крошки хлеба,
Кто-то высыпал пшена...
Но глядела птица в небо,
Торопилась в путь она.

И сказали ей матросы:
— Знаешь, лучше не лети...
Хочешь, в Африку подбросим?
Все равно нам по пути.

Вон как ветер свищет люто...—
И добавили шутя:
— Отведем тебе каюту,
Бесприютное дитя...

— Нет, покамест держат крылья,—
Им ответила она,—
До последнего усилья
Я сама лететь должна!

Пусть придется встретить грозы
И немало всяких бед...

И бывалые матросы
Долго ей смотрели вслед.

* * *

Не держу я в доме клеток,
Не ловлю я в роще птиц.
Мне бы только в гуще веток
Слушать посвисты синиц.

Мне бы только видеть в небе
Перелетных журавлей.
Разогнать ненастье мне бы,
Чтобы стало им светлей!

Не хочу ручной синицы
Даже в клетке золотой,
А хочу свободной птице
Помахать вослед рукой.

В осеннем саду

Листопад, листопад...
Загрустил осенний сад.
Словно птицы перелетные,
Листья по ветру летят.

Дней прошедших не вернуть.
В небе облачная муть...
Машут ветками деревья,
Провожая листья в путь.

Листопад, листопад...
Но живет надеждой сад,
Что весною, словно птицы,
Листья снова прилетят.

Листок среди зимы

В голом парке
В черной сетке
Хрустких веток
Снег лежит.
Лишь один листок на ветке,
Как воробышек, дрожит.

Что же, что его от стаи
Отсекло, оторвало?
Что ж он с ветки не слетает?
Или сломано крыло?..

Что же он, решил остаться?
Иль не страшен снеговей?
Иль никак не мог расстаться
С веткой — родиной своей?..

Рисунки А. ГРИШИНА.

ЗВЕЗДОЧКА СВЕТЛАЯ, ЗВЕЗДОЧКА ЯРКАЯ!

Когда с неба падает звезда, люди загадывают желание. А так как люди всей Земли смотрят на одни и те же звезды, то неудивительно, что желания загадывать принято во многих странах мира. Конечно же, и вы, и американские дети давно знают, что такое метеориты, но даже те, кто с детства запросто болтает с компьютером и успел прочитать много самых умных книжек, нет-нет да и затаит дыхание и, глядя на яркую полоску света, проговорит про себя заветное: «Звездочка светлая, звездочка яркая, сделай так, чтобы...» — дальше, конечно же, секрет, а то не сбудется.

Недавно небо над Атлантикой прочертили несколько рукотворных звездочек — бортовых огней самолета. В нем летела в Советский Союз американская девочка по имени Стар Роу. Конечно, в двенадцать лет немного страшновато лететь в чужую страну, на другой конец света, но спокойнее себя чувствуешь, когда знаешь, что прямо в аэропорту тебя будет встречать подруга, которая хорошо говорит на твоем родном английском.

Как вы уже, наверное, догадались, советскую девочку звали Катя Лычева, а Стар сопровождала ее в поездке по Соединенным Штатам Америки. Теперь роль хозяйки выпала Кате.

«Стар» по-английски значит «звезда». «Звездой» в Америке обычно называют какую-нибудь знаменитость — скажем, киноактрису или хоккеиста. Чем же знаменита и интересна Стар Роу? Да тем, что она — простая девчонка, такая же, как миллионы других девчонок. Учится в школе, любит играть и танцевать, не очень любит в хорошую погоду делать уроки (но делает), не зазнается даже после того, как ее и Катины фотографии появились на первых полосах многих газет. «Меня просто так зовут — Стар, — улыбается она, — и никакая я не звезда».

Обыкновенная девочка приехала в гости к обыкновенной девочке — что, казалось бы, особенного. Так и должно быть. Люди должны жить в мире и ездить друг к другу в гости.

Все верно, но для этого нужно сначала, чтобы все дети мира дружили, — считает Стар. «Дети как миротворцы», — написано на огромном значке, который она почти никогда не снимает. Это название организации, основанной женщиной по имени Патриция Монтандон. Ее Стар называет своей второй мамой. У членов этой организации (а стать им может любой ребенок) очень важная и ответственная работа — дружить со всеми детьми Земли. Для этого и приехала Стар в Советский Союз.

В Ленинграде и Стар, и Катя были впервые. Уже к середине первого дня шеи с трудом поворачивались после очередного «посмотрите налево», «посмотрите направо». Рты от восхищения не закрывались, глаза — совсем наоборот — слипались. Это не помешало подружкам в свободную минуту свести вничью партию в электронную игру, где курица с молниеносной быстротой несет яйца, которые должен ловить в лукошко волк из «Ну, погоди!».

— Как будет по-русски «мальчик, дай удочку подержать?» — спрашивает Стар на Стрелке Васильевского острова и, не дождавшись ответа, переходит на язык жестов — «рыба», «ловить», «большая». Все понятно, все смеются, рыба почему-то не ловится...

— Времени нет, — объясняют с серьезным видом. — Так бы поймали.

В Ленинграде во время белых ночей звезд не видно, но если бы... да еще если бы одна упала... Точно могу сказать, что знаю желание, которое загадала бы Стар после того, как посмотрела «Жизель» в театре оперы и балета имени Кирова: выйти когда-нибудь на его сцену. Стар уже несколько лет занимается балетом и мечтает приехать учиться в Москву, в хореографическое училище при Большом театре. В Ленинградском хореографическом училище она преподнесла свой подарок — специально подготовленный «Танец мира». Правда, танцевать пришлось под ту музыку, которую, глядя на нее, подобрал аккомпаниатор: привезенную из Америки кассету с записью забыли в гостинице, вместо фонограммы из магнитофона раздалось: «Я рада быть в Советском Союзе» — это оказался урок русского языка.

Стар подарили розовые балетки, и все увидели слезы радости в ее глазах.

— Я приеду, обязательно приеду учиться! — повторяла она, прижимая к груди туфельки...

Трубач исправно трубил, да еще умудрялся улыбаться и подмигивать — мол, погодите, закончу — поговорим. Поговорить в Ленинградском Дворце пионеров хотели все: и юные космонавты, и кидовцы, и поэты, и художники. Вопросы — и серьезные, и веселые на обоих языках сыпались как из ведра.

Пресс-конференцию прервал только шуточный танцевальный конкурс. Танцевать должен был тот, в чьих руках после свистка затейника останавливался передаваемый по кругу мяч. Уже после второго свистка стало ясно: «подловить» решено одну из гостей. Не тут-то было! Они весело переглянулись и взялись за игру серьезно. А когда мяч в пятый или шестой раз замер в руках соседки Стар,

та «предложила ничью» — танцевать всем сразу. За руки в том хороводе решили не браться: Стар и Катя держали подарки, а хозяева дворца — карточки, официально объявляющие их всех детьми-миротворцами с единственным условием — помнить всегда, что дети всех стран одинаковы, должны дружить и делать все, что в их силах, для дела мира. Возражений не было.

Примерно та же сцена повторилась и в Московском Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах в День защиты детей. Примерно потому, что улыбки и смех всегда немного разные, как и все мы, а еще... немного грустнее были глаза Стар: на следующий день ей уже пора было лететь домой...

— Сколько же мне всего придется рассказывать, мамочки! Это самые интересные дни в моей жизни... пока.— Она улыбается.— Думаю, что когда вернусь — нет, не сейчас домой, а учиться в СССР — все будет еще интересней, ведь я еще так много не успела сделать и посмотреть!

Это было сказано в самом конце поездки, а пока Стар и Катя бегали по аллеям Петродворца, обсудив мимоходом, что жить в самом дворце, даже таком прекрасном, они не хотели бы — слишком уж велик, разве что всех друзей, а еще всех собак и кошек поселить вместе с собой. Они вымокли до нитки в фонтане «Шутиха», причем, не замочившись в первый раз, упорно искали «тот самый» коварный камень, включающий струю воды: «Как же это, быть здесь и не промокнуть!»

В самом дворце узнавшая девочек смотрительница разрешила осторожно потрогать пальцем глобус самого Петра Первого. Глобус понравился: границы, разделяющие страны, на нем не были обозначены.

— Дети всего мира одинаковы, и все они должны иметь право на счастливую жизнь,— сказал как-то американский певец Джон Денвер. Я вспомнил об этом сейчас потому, что из Ленинграда и он, и его маленькая соотечественница вернулись с одинаковым настроением. Даже слова они говорили похожие — о том, что люди не должны забывать, что бывают не только белые, но и черные ночи. Такие, как черные ночи блокады, унесшие сотни тысяч человеческих жизней...

— Пусть эта маленькая свечка, которую мы зажгли рядом с Вечным Огнем, станет маленьким символом мечты двух простых девочек о мире. Мы всегда будем думать об этом, мы не хотим войны! — слова эти едва можно было прочитать по губам Стар и Кати, когда они стояли в центре мемориала «900 дней, 900 ночей», воздвигнутого в память жертв блокады Ленинграда. Они глядели на бронзовую звезду и загадывали самое сокровенное желание. То, о котором они не боятся и не перестают говорить вслух. То, которое обязательно сбудется.

«Дети как миротворцы» посвящают все свои дела памяти Саманты Смит. Девочки, чья звездочка, ярко вспыхнув, трагически рано погасла. Но ведь все мы знаем, что звезды не падают, и, вспоминая короткую жизнь Саманты, смотрим на небо, на звезды, которые светят и нам, и американцам, и загадываем желание. Самое главное:

— Звездочка светлая, звездочка яркая, сделай так, чтобы мы всегда жили в мире!

Андрей ОРЛОВ

Фотография А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО.

Л. СИМОНОВА

Урок, который запомнился

Маршрут моего путешествия по Венгерской Народной Республике привел меня на остров Чепель, который славен знаменитым заводом «Красный Чепель». А еще тут есть очень интересная школа, она дружит с этим заводом. И в ней идут уроки семейного воспитания. Вот я и хочу рассказать, какой разговор на тему «ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО КОНФЛИКТОВ В СЕМЬЕ?» мне довелось услышать.

Учительница Юнаш Миклошнэ сказала:

— Общество состоит из маленьких ячеек. Эти ячейки — наши с вами семьи. Можно ли разрушить ячейку, не причинив вреда всему обществу?

А вот что подумали и как высказали свои мысли ребята:

— Хорошо, когда существует хорошая, добрая, крепкая семья. Дети чувствуют себя спокойно и уверенно под защитой такой семьи.

— Нельзя уничтожать и разрушать семью. Нужно воспитывать сознание людей таким образом, чтобы они никогда не поднимали руку на свою семью, не пытались нанести ей непоправимый удар.

— Если в семье что-то случилось, появилось пусть хотя бы малое неблагополучие, надо к этому отнестись как к болезни и скорее начинать ее лечить, чтобы не запустить, чтобы не стала болезнь хроническим недугом.

— Чтобы семья не болела, все члены семьи должны заниматься профилактикой болезни. Должны изживать эгоизм, зазнайство, равнодушие. Нам всем надо стремиться быть внимательнее друг к другу, к младшему, к старикам, к сестре, брату, родителям.

— Хорошо, когда в семье каждый готов помочь другому. Умеет чувствовать настроение, переживания, желания другого, считается с его характером, привычками, вкусами, просьбами.

— В дружной семье каждый знает свои обязанности и старается выполнять их как можно лучше. Стремится увидеть сам, кому, когда и чем стоит помочь, готов пойти навстречу. В такой семье всем хорошо вместе.

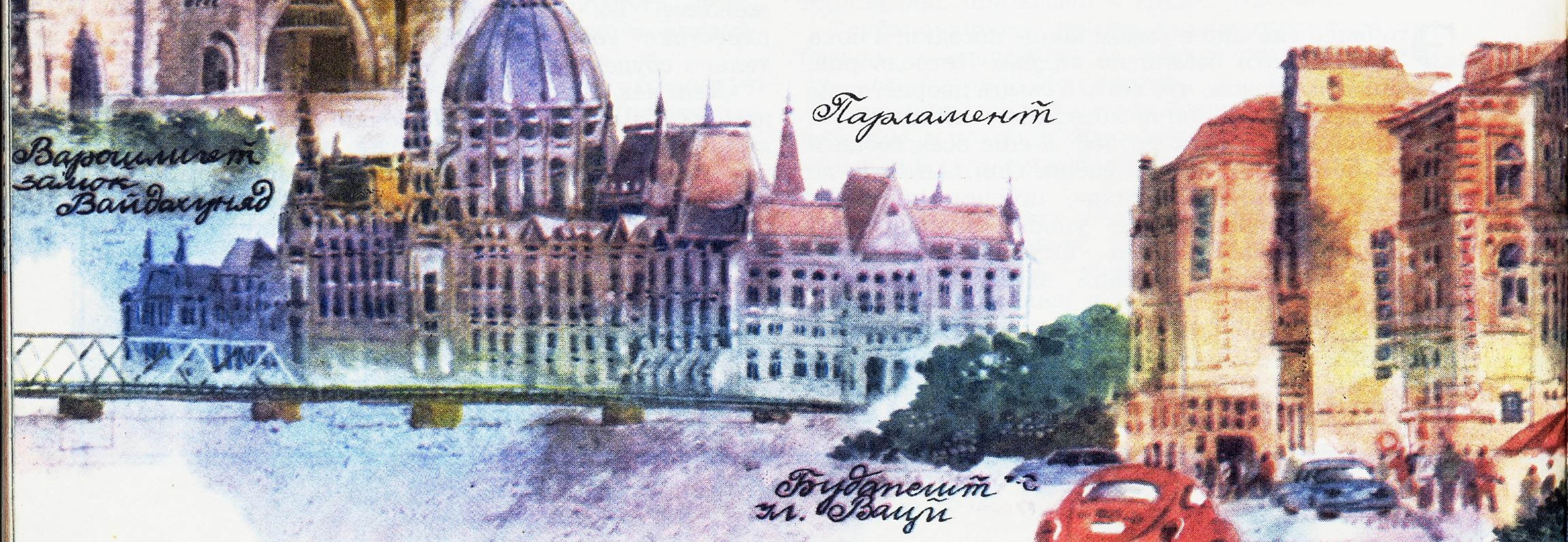
Учительница сказала:

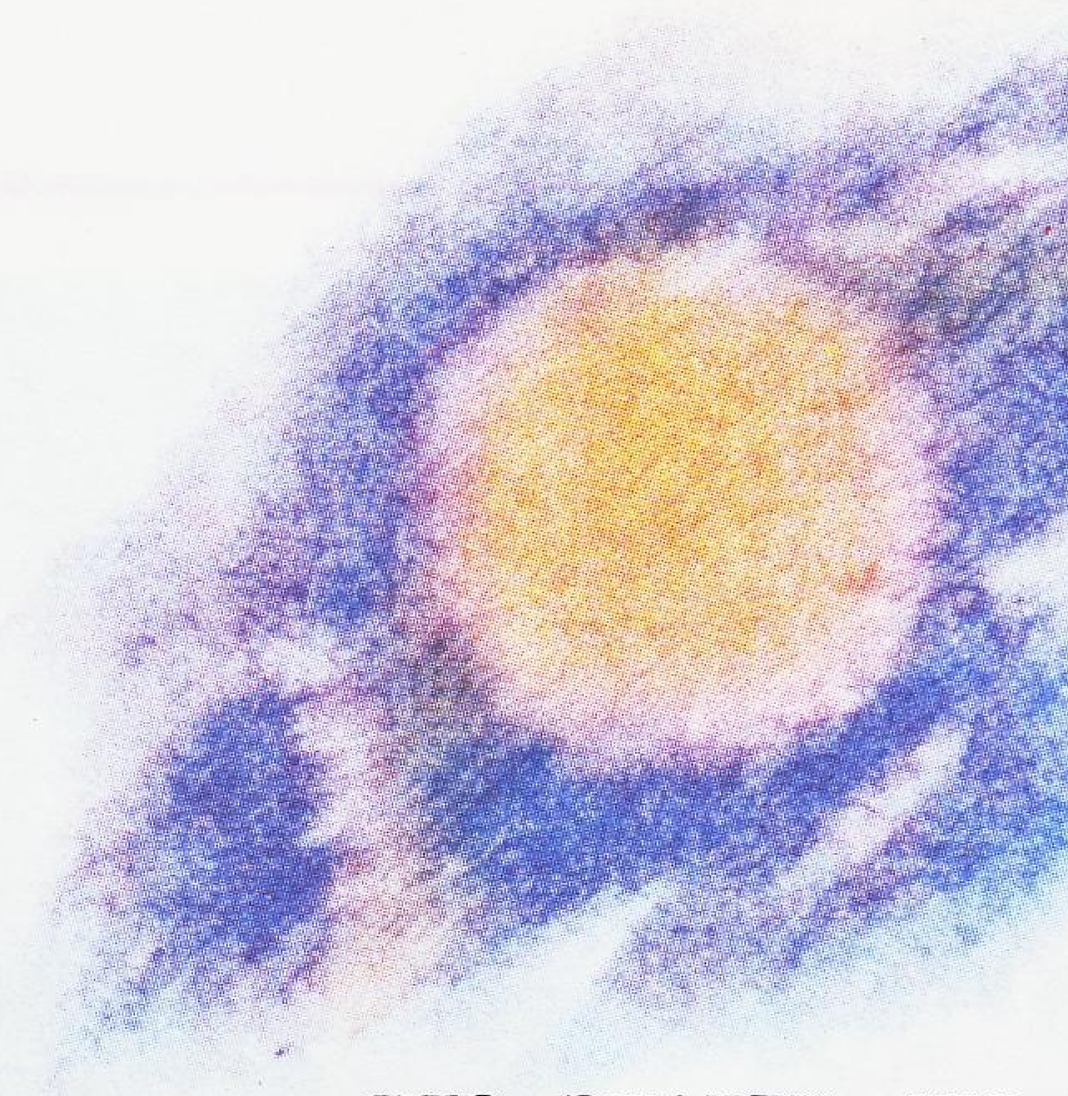
— Вы думаете правильно, говорите убедительно, остается только помнить обо всем этом в жизни, в поступках, в действиях.

Если человек научился добрым отношениям в семье, он сумеет достойно вести себя и в обществе. Все разумное, что получил человек от семьи, он сумеет передать другим людям. Теплота, любовь, переданные родными, живут в человеке — для других, для всех, с кем сведет его жизнь.

Потом на любопытном этом факультативном уроке мальчики и девочки ответили на вопросы друг друга.

Какой бы вы хотели видеть свою будущую жену? — спросили у мальчиков. И они не замедлили с ответом:





ТИБОР СЁКЕ. Симпатичной. Аккуратной. Любящей детей.
АТИЛЛА ШАЛЛАИ. Красивой. Хозяйственной. Хорошо ухаживающей за наследниками.
АТИЛЛА ВАШКУ. Красивой. Но не обязательно, главное — доброжелательной к людям. Прилежной. И чтобы меня понимала.
ТОМАШ ХУСАК. Внешность, конечно, не последнее дело, но очень важны и человеческие качества. Отношения должны быть гармоничными.
ПАВЕЛ МИРАН. Жена должна чувствовать ответственность за детей. Быть терпеливой, вежливой. Хочется, чтобы она понимала меня.

Какой будет ваш избранник? — задали вопрос девочкам. Они подумали и сказали:
ЭЛИЗАБЕТ ПИНТЕР. Внешность, мне кажется, не столь важна, главное — взаимное понимание. Хочется, чтобы муж был человеком надежным. Думал о семье, заботился о жене и детях. Готов был во всем помочь. А проблемы, если возникнут, чтобы решали вместе.
МОНИКА ВЕРЕШ. Мне хотелось бы, чтобы мой муж пользовался уважением на работе, у друзей. Чтобы любил детей, уделял им много внимания. Понимал меня и помогал мне разрешать все жизненные проблемы.
ХЕНРИЕТ ТОВТ. Хорошо, если на мужа можно надеяться, опираться в любой жизненной ситуации. Хотелось бы так построить отношения с мужем, чтобы во всем идти друг другу навстречу. Взаимопонимание, мне кажется, главное в союзе двух людей.

Учительница Юнаш Миклошнэ подвела итог разговора:

— В хорошей, доброй, дружной семье растут хорошие, доброжелательные, достойные дети. Ответственность за детей все члены семьи несут перед обществом. Вступление в брак — серьезный шаг, он должен быть сделан обдуманно. Брак не только личное дело, это поступок общественный.

Вот какой сложился, на мой взгляд, интересный для всех разговор. ***Если кто-то из вас захочет его продолжить, милости просим! Присылайте нам письма, нам любопытно знать и ваши размышления! ЖДЕМ!***

Рисунок И. ПАНКОВА.

ЧТО ЗНАЕШЬ ТЫ О ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ? О ПИОНЕРАХ ВЕНГРИИ?
Из книг?
Из газет и журналов?
Из телепередач?
Из рассказов взрослых, побывавших в ВНР?
Из писем твоих друзей — венгерских пионеров?
Из окружающей тебя жизни?
Из фотографий, значков, марок, эмблем?
Ты помнишь, такими вопросами в июньском номере журнала «Пионер» началась викторина, посвященная 40-летию Союза пионеров Венгерской Народной Республики.

Мы получаем от ребят много писем с ответами. ***Но есть одна очень важная просьба:*** *пишите поподробнее.*

Не только то, что узнали из книг, газет и журналов, но и из каких? Что вас поразило, заинтересовало в прочитанном? Если сведения вы получили из письма венгерского друга или от взрослого человека, побывавшего в ВНР, то расскажите о своем друге или о том человеке, который рассказывал вам о Венгрии. Нам интересно было бы знать, как попали к вам значок, марка или эмблема, знакомящие вас с ВНР?

Пожалуйста, вносите в свой рассказ ***побольше личных впечатлений, свое отношение к тому, что узнали о дружественной стране и ее пионерах.***

ВИКТОРИНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Юля ПИСКУНОВА
живет во Владимире,
учится в 6-м классе.

Осень

Птицы улетели,
Осень подошла.
Листья пожелтели,
В школу ты пошла.

Старая рябина
Вновь красным-красна.
Распустила кудри
Прямо у окна.

Снова ночью ветер
И шумит, и злится,
Тучи собирает
И в окно стучится.

Все деревья желтые,
Рыжие, багряные.
Очень клен красивый
С листьями румяными.

Красота осенняя
Долго не останется,
Вся она осыплется,
Только снег появится.

В зимнем лесу

Речку льдом сковал мороз,
Ветер снег кругом нанес.
Наст скрипит в ночной тиши,
Нет следов в лесной глуши.

Снегири в кафтанах красных
Ищут корм разнообразный:
Семена, калину,
Ягоды рябины.

Очень лес красив зимой:
Снег идет, пурга порой.
Будто землю спеленало
Кружевное покрывало.

«С 8 лет я пишу стихи, когда у меня хорошее настроение. Я пишу их о том, что чувствую и хорошо знаю... Моя мама три года работала в Чехословакии. Мы с папой ее очень ждали и наконец встретили... Стихи написаны о том, как мы с мамой делали конфеты и были счастливы. Катя Широкова».

Кате ШИРОКОВОЙ 12 лет, она живет в Москве, учится в 6-м классе.

Мы с мамой

Мы с мамой делали конфеты,
А за окошком дождик шел.
Мы с мамой думали при этом,
Как вместе быть нам хорошо.

На кухне лампочка горела,
Стояла в доме тишина.
Я в те минуты так хотела,
Чтоб не грозила нам война,

Чтоб в доме гости собирались,
Конфеты ели, пили чай.
Чтоб нам в окошко улыбались
Деревья в солнечных лучах!

*

Эти веселые игрушки сделали ребята из г. Марганца, о которых мы рассказывали в 9-м номере нашего журнала. 12-летняя Оля Воронецкая смастерила эту замечательную Сову.

Андрей БОБЫЛЕВ — москвич, ему 12 лет.

Дом, в котором мы живем

Тот дом,
Большой, красивый, стройный,
В котором мы сейчас живем,
Был раньше просто стройкой.
И стоило огромного труда,
Чтоб жить потом приехали туда.
Строители кричали:
«Раз — плита... Два — плита...
Левей, пожалуйста, сюда...»
И вот стоит высокий дом,
Построенный с большим трудом.
Светло, тепло, уютно в нем.
Такого дома мы еще не видели.

Узнаете? Это Глобусенок. У него, точнее, у первого образца этой игрушки, целых три автора: Света Давыденко, Юля Гуцаленко (им по 14 лет) и Мирослава Морозова, которой 12 лет.

А на этой фотографии вы видите персонажей сказки «Золотой ключик». Карабаса Барабаса сделала Наташа Константинова, Буратино — Лена Рогова, Мальвину — Ира Куриленко. Всем девочкам по 12 лет.

*

Лена МЕССЕРЛЕ — восьмиклассница, живет и учится в городе Алма-Ате.

Должны ли птицы в клетках жить?

Должны ли птицы в клетках жить,
Чтоб жизнь свою там погубить?

На мой вопрос один ответ:
Нет птицам места в клетках!
Нет!!!

*

Денис КОТЕЛЬНИКОВ

Дети, боритесь за мир!

Счастливые дети Советской страны,
Нам жить интересно на свете:
Дворцы, стадионы Отчизной даны,
Все лучшее отдано детям.

А в странах, где правит сейчас капитал,
О детях заботы нету,
Он против мира снова восстал:
Плодит за ракетой ракету.

Нам надо поэтому мир защищать —
Включиться в борьбу, хоть мы дети:
С песней, рисунком, стихом выступать
За счастье, за мир на планете.

Не падали чтобы и впредь никогда
Ракеты на нас с небосвода,
На мирные нашей страны города,
На наши дома и заводы.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

РОДОМ ИЗ НОВОГО ПЕТРОГРАДА

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 9.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Сказ седьмой

Березовский пленник

Прежде чем начать новый сказ, дедушка обычно вынимал из кармашка своих брюк медную цепочку с часами, похожими на луковицу, и шутливым тоном говорил:

— А ну-ка, глянем, сколько натикало на наших, чапаевских...

Как-то я спросил:

— Почему ты, дедушка, свои часы называешь чапаевскими?

— Василий Иванович самолично преподнес эти часы мне в Березове, когда мы белогвардейский мятеж подавили,— ответил дедушка.— Вот с той поры они и тикают без устали. На-ка, послушай!

Он прижал чапаевские часы к моему уху.

Я замер, слушая.

И затем дедушка начал свой новый сказ:

— Так уж случилось, о мятеже в селе Березово я прежде всех узнал.

Ни свет ни заря кто-то постучал в окно. Выбегаю на мороз и вижу — а это Петька Козлов, конторский писарь.

— Что спозаранку по стеклу барабанишь?— говорю я Петьке.— Заходи в избу. Замерзнешь.

А он мне:

— Не до этого! Беда, дядя Костя! Я в Березово ездил, и там Тужилкина встретил.

— Какая же в том беда?— не понял я.— Самовар я ему все одно не отдам. Он мой по праву.

А Петька в ответ:

— При чем тут самовар?! Тужилкин белогвардейский отряд в село привел. Председателя избили и в подвале заперли.

— Надо Топоркова будить,— сказал я.— Дело не шутейное.

И мы вдвоем поспешили к Илье Васильевичу.

Наше сообщение встревожило его. Он велел Петьке бежать по дворам и звать в Совет членов Штаба охраны революции.

Вскоре все они явились.

Топорков заявил:

— В Березово скачу. На месте выясню...

Семен Кузьмич Рязанцев покачал головой:

— Одному рискованно. Пошлем отряд с тобой.

От большого отряда Топорков отказался. Взял с собой десятерых надежных кавалеристов.

Мы с Петькой тоже попросились в отряд к Топоркову. И он согласился.

— Ладно,— говорит,— беру с собой. Петьке, правда, по возрасту еще рановато. Но с вами, Константин Иванович... У вас к тому же бинокль. Для разведки вещь необходимая.

Потом Илья Васильевич так распорядился: до окраины Березова мы скачем вместе. Дальше он с бойцами направится в Совет, а мы с Петькой, таясь, должны со стороны наблюдать, как события будут разворачиваться дальше. Если увидим, что Топорков в опасности, то немедленно скачем обратно в Новый Петроград за подмогой.

Когда наш конный отряд приблизился к Березову, Топорков взял у меня бинокль, оглядел местность.

— Сгоняют народ на площадь,— сказал.— Не иначе, готовится митинг. Двинем напрямую туда. Самое время.

А мы с Петькой подождали немного, как нам было велено, и, оставив своих коней на привязи у сарая, зашагали на митинг.

Там, на площади, Илья Васильевич Топорков и его товарищи вели жаркий спор с белыми офицерами. Наши настаивали, чтобы белые убирались вон из села. А офицеры до хрипоты кричали, что с Советами покончено и отныне они сами будут здесь хозяевами.

Толпа бурлила:

— Не хотим буржуйской власти!

— Долой офицеров! Хватит, покомандовали...

Появились солдаты с винтовками и стали грубо отпихивать мужиков все дальше и дальше от Топоркова и товарищей.

Между военными суетливо мельтешил, перебегая от одного к другому, какой-то пузатый субъект в шубе и шапке из лисьего меха. Шапка наползала ему на глаза, и лица не было видно. Толстяк грозно махал руками, орал на толпу. Потом подбежал к полковнику и что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул и, вскинув наган над головой, выстрелил в воздух.

Стоявшие рядом офицеры тоже вынули наганы, а солдаты набросились на наших товарищей.

Топорков упал окровавленный на землю.

Всех наших красногвардейцев тут же связали и вместе с Топорковым поволокли с площади.

Мужики березовские бросились было им на помощь. Но солдаты закричали на всю площадь:

— Расходись!— и начали палить в воздух.

Потом и офицеры открыли стрельбу из наганов.

Обратно в село мы неслись быстрее ветра. Кони

Тужилкин побежал от меня что есть духу. А я — за ним вдогонку.

аж взмокли. Да и мы с Петькой долго отдышаться не могли, когда в сельский Совет вбежали.

Там нас поджидал Семен Кузьмич Рязанцев. Доложили мы все, как было.

Он тут же принял решение отправиться в Березово на выручку с отрядом в шестьдесят человек, включая и нас с Петькой.

Я сказал Семену Кузьмичу, что этого мало. Белогвардейцев там втрое больше. Надо бы прихватить и Плясунковский красногвардейский отряд. Иначе неприятеля не одолеть.

Но Рязанцев ответил с сожалением: Иван Плясунков только что отбыл со своим отрядом в Кунью Сарму, где тоже нуждаются в нашей поддержке, и вряд ли он скоро вернется.

Добирались мы до Березова пешим ходом. Лишь больного Рязанцева усадили на коня. Он всю дорогу глухо кашлял. Видно, старая болезнь вернулась.

Еще издали, на подступах к селу, разглядел я в бинокль, что площадь опустела. Но ближе к нам, возле самой больницы, было многолюдно.

Рязанцев послал Петьку Козлова в село разведать, что там происходит и почему народ возле больницы топчется.

Петька из разведки возвратился очень скоро. Сообщил, что в больнице теперь офицерский штаб, а в подвале у них — тюрьма. Туда час назад доставили арестованных: избитого вчера председателя местного Совета и схваченных сегодня Топоркова с красногвардейцами.

Беляки согнали к штабу жителей, чтобы у них на глазах расстрелять пленников.

Семен Кузьмич выслушал все это. Потом передал Петьке своего коня и приказал:

— Скачи галопом в Пугачев, в уездный ревком! Отыщешь там комиссара Чапаева и передашь вот это.— Он вручил Петьке наскоро составленную записку на клочке бумаги.

Ускакал Петька, а мы стали готовиться к наступлению.

Неожиданно я разглядел в бинокль мужиков у сельской околицы. Они гуртом двигались в нашу сторону.

Что бы это означало?

Протянул бинокль Рязанцеву. Он посмотрел и тоже удивился:

— Зачем они к нам? Может, от белых убегают?

— Да нет,— говорю,— не похоже. Медленно идут.

И вдруг... Что это? Позади мужиков — только в бинокль и разглядеть можно — прячутся вооруженные белогвардейцы. Как это я сразу не сообразил?!

Офицеры и солдаты штыками толпу подгоняют. Под дулами винтовок и наганов мужики идут.

Белогвардейцы верно рассчитали: мы не станем стрелять по безоружным людям. Скрываясь за их спинами, белые надеялись вплотную приблизиться к красногвардейскому отряду и атаковать его.

Так бы, наверное, оно и случилось, если бы не

Вдоль села с гиканьем мчалась конница. Впереди — Чапаев.

мужество и сообразительность людей, которых белые гнали впереди себя, как стадо.

Внезапно один из мужиков во весь голос крикнул:

— Ложись!

И сам упал первым. За ним и остальные рухнули в снег. И стал виден белогвардейский строй.

— Огонь!— скомандовал Рязанцев.

Защелкали выстрелы, затараторил пулемет.

Воспользовавшись паникой в офицерских рядах, крестьяне стали торопливо переползать к нам.

Мы ворвались в Березово.

Впереди, за железной оградой,— больница, ставшая офицерским штабом. Там в подвале томятся наши товарищи...

Тут больничные ворота распахнулись, и нам навстречу, сверкая саблями, выскочили офицеры на конях.

Я вскинул винтовку и выстрелил. Передний всадник выронил саблю и вывалился из седла. Лошадь поволокла его за собой: нога застряла в стремени. Остальные же офицеры помчались прямо на нас и врезались на полном скаку в наши ряды.

Я побежал, чтобы подобрать саблю, и вдруг вижу: лошадь с подстреленным офицером ко мне скачет. Недолго думая, я отцепляю офицера, вскакиваю на коня и галопом — к нашим.

И вдруг слышу выстрел. Совсем рядом. По мне стреляют? Оглядываюсь — дуло винтовки из плетня торчит.

Поворачиваю коня. И тут — новый выстрел. Снова мимо! «Ну,— думаю,— сейчас задам перцу!»

Подскакиваю к плетню и вижу — на снегу съежилось что-то рыжее. Шерсть вздыблена. Должно быть, со страху. Зверь? Склоняюсь с коня и кончиком сабли пытаю, что за диковина.

И тут «зверь» как вскрикнет человеческим голосом и вприпрыжку от меня.

Гляжу — да это бывший управляющий Тужилкин Иван Павлович! Сразу-то и не признаешь! Ишь как вырядился — в лисьей шубе и лисьей шапке.

Побежал он от меня что есть духу. А я — за ним вдогонку.

Все-таки настиг я его. А он, раз — шубу накинул на голову лошади. Она на дыбы.

Тужилкин воспользовался нашей заминкой и шмыгнул в ближайшую калитку.

Не стал я догонять Тужилкина. Шубу его на плетень бросил и сам поскакал туда, где главная схватка. Там стена белогвардейцев — и пеших, и конных — на односельчан моих наваливалась.

Новопетроградцы бились бесстрашно.

А сил становилось все меньше и меньше...

И тут услышал я голос Рязанцева:

— Товарищи! Еще немножко поднатужьтесь. Одолеем мы их, проклятых...

А за ним другой голос:

— Ура! Подмога спешит!..

Я обернулся. Вдоль села с гиканьем мчалась к нам конница. Впереди — Чапаев. И наш Петька летит следом.

Клинки чапаевских кавалеристов обрушились на белых. Они — врассыпную. Да где там! Разве от чапаевской конницы скроешься!

Стали беляки в плен сдаваться.

Возле офицерского штаба Чапаев спрыгнул с коня, спросил нетерпеливо:

— Где Топорков? Кто знает?

Петька Козлов тут как тут:

— Я знаю, товарищ Чапаев!

— Веди!— приказал Чапаев и зашагал за Петькой.

Мы с Рязанцевым — следом.

Петька вел нас сначала по больничному коридору. Потом спустились по каменным ступенькам. Остановились перед железной дверью с надписью «Морг».

На двери тяжелый замок. Я трижды ударил по нему прикладом, и дужка отскочила. Дверь открылась со скрипом. На нас дохнуло холодной, затхлой сыростью с примесью тяжелого сладковатого запаха.

Во мраке было трудно что-либо разглядеть. Я чиркнул спичкой, и мы увидели перед собой страшную картину.

На земляном полу рядом со смертельно исхлестанным нагайками председателем Березовского Совета лежали наши односельчане. Они едва могли двигаться.

Топоркова можно было узнать с трудом. Лицо изувечено, над опаленной бровью густо запеклась кровь. Шинель вся изодрана.

От пленных мы узнали, что полковник вместе с Тужилкиным жестоко пытали Илью Васильевича, горящей свечой обжигали ему лицо. Топорков держался стойко, о пощаде не просил. Просил о другом — не истязать пленных товарищей.

Вышли во двор. Там отдыхали после боя чапаевцы. Молодой чубастый кавалерист в окружении красногвардейцев что-то весело рассказывал, потрясая лисьей шубой.

Шубу эту я сразу признал и сказал Чапаеву:

— Да тут, по-моему, ваши кавалеристы делят одежку Тужилкина.

— Это того, кто у вас, Константин Иванович, самовар с медалями отобрал?— вспомнил Чапаев.

— Его самого!— подтвердил я.

— А ну-ка, глянем, что за шуба у него.

— Лисья,— объяснил я.— Тужилкин бросил ее, когда от меня удирал.

Чапаев засмеялся:

— Выходит, обхитрил он вас, Константин Иванович? Скрылся? А жаль. Коли убежал, может против нас снова пойти. Нельзя было упускать его.

Кавалерист тем временем набросил шубу на свои широченные плечи и, подбоченясь, насмешливо воскликнул:

— Чем не ухарь-купец?

Чапаев подошел к весельчаку и приказал строго:

— Отдай шубу вон ему.— Он кивнул в мою сторону.— Это его трофей.

Я не взял шубу. Сказал Чапаеву:

— Пусть Топорков ее носит. Она ему нужнее.

Чапаев согласился:

— Верно рассудил, Константин Иванович!

Чапаев забрал у кавалериста лисью шубу и накинул на плечи Топоркова.

— Носи!— сказал.— А то, чего доброго, простудишься. С кем тогда мне песни петь?

И тут Василий Иванович снова глянул в мою сторону:

— А вам, Константин Иванович, за то, что вы в нынешнем бою отменно орудовали саблей, дарю вот это.

Василий Иванович вынул из кармана часы на цепочке и преподнес мне.

Вечером Чапаев с эскадроном поскакал обратно к себе в Пугачев, а мы под водительством Семена Кузьмича Рязанцева вместе с освобожденными березовскими пленниками двинулись в Новый Петроград.

В полночь были уже дома.

Илья Васильевич Топорков, как только чуток поправился, сразу же пошел в сельский Совет и

отдал шубу председателю Семену Кузьмичу Рязанцеву.

— Тебе,— сказал,— тепла больше моего надобно. Ты все болеешь. Барская шуба согревает, все одно что горячая печь. Так что будь здоров!

Шубу Семен Кузьмич принял. Но поступил с ней так. Уговорил жену сшить из шубы шапки-ушанки для бедняцких детишек.

Из лисьего меха было сшито пятнадцать шапок. Одна досталась моему сынишке — Васятке. Он три зимы ходил в ней.

Сказ восьмой

Красные соколята

Под нижней полкой с обувью дедушка Костя хранил небольшой сундучок, обитый железом. Порывшись в сундучке, он достал какой-то пожелтевший документ и протянул мне.

— На-ка, прочти, внучек,— сказал.— Это приказ нашего уездного ревкома. Еще в восемнадцатом году чапаенок Петька Козлов на машинке перепечатал и мне подарил. На память о Чапаеве и красных соколятах, с которыми мы в Липовке познакомились. Нас с Петькой Штаб охраны революции направил тогда в чапаевский отряд бороться с липовскими контрреволюционерами.

Я взял бумагу и, с большим трудом разбирая поблекшие буквы, стал медленно, по слогам читать: «Ввиду возникшего в Липовском районе контрреволюционного восстания, сопровождавшегося убийством некоторых руководителей местных Советов, революционный комитет объявляет, что с 1-го сего марта, впредь до особого распоряжения, Липовский район объявлен на военном положении. Для подавления контрреволюционного восстания мобилизуется вся Красная гвардия Липовского района. Вся власть в этом районе принадлежит военному комиссару Чапаеву, командированному Советом для подавления восстания. Все вооруженные силы этого района подчиняются его распоряжениям. Местные общественные и правительственные организации тоже обязаны беспрекословно подчиняться распоряжениям военного комиссара Чапаева. Не подчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся Советской власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Пугачев».

— Грозный приказ, не правда ли?— спросил дедушка, когда я, взмокнув от напряжения, закончил чтение.— Мы с Петей, конечно, гордились, что нас позвали на такое важное боевое дело.

В Липовке, как и в Березове, чапаевцы очень быстро утихомирили мятежников. Крестьяне не знали, как и благодарить нас, своих спасителей.

Казалось, революционный порядок установили и можно отменять военное положение в районе.

В штабе был уже и приказ такой заготовлен.

И вдруг где-то неподалеку от штаба взрыв ухнул, пулемет застрочил. В чем же дело?

Выбежали мы вслед за Чапаевым на крыльцо, а нам навстречу местная учительница:

— В школе на чердаке с пулеметом кто-то засел. Кинул гранату, потом строчить начал.

Учительница повела нас к школе задворками. Пришли. Петька увидел лестницу на земле, мы ее подняли и приставили к чердаку. Осторожно взобрались наверх. Глядь, а там ни души. Пулемет перевернут, отстрелянная патронная лента валяется.

— Наверное, он в школе!— воскликнула учительница.— А там детишки перепуганные...

И она бросилась к школьному крыльцу. Мы с Чапаевым — за ней.

Открываем дверь в класс и кого видим? Рыжего Тужилкина Ивана Павловича! Лежит он на полу в офицерской шинели и со связанными руками. На него грозно наседает веснушчатый пацан с ученической линейкой. Машет ею, словно саблей, кричит:

— Только у меня пикни!

Но тому и пикнуть нет мочи: рот заткнут тряпкой, которой мел с доски стирают. Мычит что-то невразумительное и ногами дрыгает. Они у него тоже спутаны веревкой.

— Это и есть наш управляющий Тужилкин,— сказал я Чапаеву.— Но уже без лисьей шубы.

— Сколько лиса ни блудила,— ухмыльнулся Чапаев,— а в наши руки угодила.

Рядом, насупившись, стояли ребятишки. Кто палку в руке держал, кто полено, а кто и табурет. А бородатый школьный сторож охотничью двухстволку на пленного наставил.

— Крепко скрутили бандита,— похвалил Чапаев.

Сторож на это ответил:

— Сообща, всем классом крутили. Мальчишки на чердак словно чертенята ворвались, с диким визгом. Бандит не ожидал. А тут еще и я на него с ружьем. Он и руки вверх. Сдернули мы его с чердака и стали вас ждать. В таком вот виде.

Чапаев глянул на школьников, улыбнулся.

— Спасибо за доброе дело, за отвагу!— сказал.

Потом учительнице:

— Отличных соколят воспитали!

Учительница ответила:

— Когда-то у меня и Илюша Топорков учился...

— Да? То-то Илья Васильевич такой командир отменный!— пошутил Чапаев.

Связанный Тужилкин вновь зашевелился, что-то промычал сквозь тряпку.

Василий Иванович нагнулся, выдернул кляп у него изо рта. Сурово спросил:

— Как в Липовку попал?

Тот не ответил. Отвернулся от Чапаева.

Школьный сторож сказал за него:

— Вчера из Березова в Липовку на тачанке примчался. С офицерами. Пытался склонить мужиков к новому бунту. Да ничего не вышло.

В тот же день под усиленным конвоем отправили Тужилкина в уездный ревком.

А на двери чапаевского штаба вечером мы с Петькой увидели бумажку, подписанную самолично Василием Ивановичем. Там было напечатано, что с контрреволюцией в селе раз и навсегда покончено, военное положение в Липовском районе отменяется.

Сказ девятый

Лихого солдата и смерть боится

Наступила весна. Шумливые грачи возвратились с юга, стали вить гнезда в лесу, на берегу Большого Иргиза.

И вдруг ранним утром басовитый гудок ворвался в грачиные переговоры.

— Пароход!— радостно закричал я и потянул дедушку за рукав.— Побежим смотреть!

Пароход «Чапаев» на нашей мелководной речке,

Лежит Тужилкин на полу со связанными руками и ногами. А на него грозно наседает веснушчатый пацан.

бегущей к Волге, появлялся лишь в пору большой воды. Его ожидали с нетерпением. Особенно мы, мальчишки. Как только загудит, все бегом к реке.

Мы с дедушкой заняли место возле сходней.

— Кто желает прокатиться до Пугачева,— объявил с палубы матрос,— покупайте билеты!

— А не поехать ли и нам с тобой, внучек?— спросил дедушка и махнул рукой.— Была не была! Беру билеты. А ты, Вова, быстренько мчись домой, попроси бабу Катю приготовить узелок с едой нам на дорогу. Да не забудь бинокль прихватить!

Никогда я не бегал так быстро, как в то утро. Возвращаюсь с узелком и биноклем, а дедушка уже ждет меня с билетами.

Вот это было путешествие! Если бы не дедушка, я бы ни на секунду не оторвался от бинокля. Так бы смотрел и смотрел. Столько красоты вокруг: цветут сады, зеленеют поля, солнце сверкает!

Но как только наш «Чапаев» оказывался возле какого-нибудь села, дедушка брал у меня бинокль и смотрел сам.

Это были те самые села, которые в революцию чапаевцы от белых освобождали. Дедушке очень хотелось посмотреть, какие они стали теперь.

И вот наш «Чапаев» причалил к пристани города Пугачева.

Мы сошли на берег, и дедушка первым делом повел меня к небольшому дому у реки. Оказалось, что здесь жила семья Василия Ивановича.

Теперь здесь музей. Под стеклом на стенах и столах много-много разных фотокарточек.

На одной большой фотографии я сразу узнал дедушку Костю и даже запрыгал от радости.

Потом мы бродили по городу, и когда вышли на широкую площадь, дедушка вдруг взял меня на руки и сказал:

— Запомни, внучек, это место. Мы с чапаенком Петькой и другими односельчанами находились тогда, весной восемнадцатого, вот тут, где стоим сейчас с тобой. Отсюда повел нас Чапаев в первый поход на Уральск.

Как сейчас помню, примчался из Пугачева в Новый Петроград гонец с недоброй вестью. В соседней Уральской области взбунтовались богатые казаки. Разгромили они революционный Совет и принялись сколачивать огромное войско для похода на Москву.

Красногвардейским командирам — Илье Топоркову и Ивану Плясункову — велено было немедленно прибыть с красными добровольцами в город, чтобы оттуда отправиться боевым маршем в Уральск, где люто бесчинствуют казачьи атаманы.

Прибыли мы со своими командирами в город Пугачев. У кого винтовка за плечом, у кого сабля на боку, и лишь у некоторых — и то, и другое. Одни явились верхом, другие — на повозках, третьи — пешком. Оба наших отряда выстроились на площади рядом с чапаевским полком.

Посмотрел Василий Иванович на добровольцев: и старики есть, и пацаны. В дырявых шубейках, поношенных фронтовых шинелях, в лаптях и сапогах истоптанных. На лошадях вместо седел подушки, пух из них лезет. Зато в конские гривы вплетены алые ленты. И сами бойцы глядят браво.

Понравились Чапаеву добровольцы.

— Сколько же вас, соколики?

Отозвался командир первого отряда, серьезный кареглазый Илья Топорков:

— Триста бойцов Нового Петрограда ждут твоего приказа, Василий Иванович!

Иван Плясунков громко дополнил:

— Умрем за власть Советов!

— Зачем же умирать?— возразил Чапаев.— Лихого солдата и смерть боится.

Подозвал он к себе наших командиров, меж ними встал и обнял обоих.

— Будьте знакомы!— громогласно представил их всей площади.— Это первые мои заместители в боевых делах. Командиры что надо! Правая моя рука — Топорков, левая — Плясунков. Надежный народ!

Обходя боевой строй, Василий Иванович вскоре и к нашему конному ряду приблизился. По правую сторону от меня по-геройски восседал на сивой лошади коренастый Петька Козлов.

Петьку и меня Чапаев сразу признал. Почтительно по имени-отчеству назвал. Руки нам пожал.

— Вот таких молодцов мне и надо!— сказал звонко.— Налетят красны соколы на белое воронье — только перья посыплются!

Прибыли мы со своими командирами в Пугачев. На лошадях вместо седел подушки. Зато в гривы алые ленты вплетены.

Сказ десятый

Кто был героем

Много, очень много лет прошло с той поры, как умер дедушка Костя. Умер, не досказав самого главного.

Я за эти годы сам стал дедушкой и давно уже живу не в маленьком Новом Петрограде, а в большом городе. Но дня не проходит, чтобы не вспомнил родного дедушку, родное село.

В Новом Петрограде уже не осталось тех, кто в гражданскую служил в Чапаевской дивизии. Значит, не найти больше человека, который бы смог продолжить дедушкины сказы...

Так думалось мне. И вдруг однажды дочь Наташа пригласила меня в школу на октябрятский утренник, посвященный памяти Чапаева.

— К нам придет настоящий чапаевец! — гордо сказала дочь.— Зовут его Петр Федорович. А фамилия — Козлов.

Я сразу же догадался:

— Да это же тот самый чапаенок Петька, с которым дружил дедушка! Помнишь, я тебе рассказывал?

— Конечно, он самый,— поддакнула Наташа.— Петр Федорович родом из Нового Петрограда.

Вот тогда, на октябрятском утреннике, мы и познакомились с чапаевцем Козловым.

Он выглядел, несмотря на свои седины, браво.

Октябрята восторженно слушали его рассказы о легендарных походах на Колчака.

Вспомнил Петр Федорович и дедушку Костю. С ним они, оказывается, прошли от Пугачева до казачьей станицы Семиглавый Мар.

Как только утренник закончился, мы с Наташей прямо из школы повели Петра Федоровича к себе.

В комнате на столе возвышался, поблескивая, самовар. Петр Федорович увидел его и воскликнул изумленно:

— Вот так встреча! Ваш самовар — мой старый знакомый. Мы, Наташа, с прадедушкой твоим еще в гражданскую из него чай пили.

Потом высмотрел полевой бинокль на полке. И снова обрадовался, как ребенок:

— Ему, биноклю, за боевые дела тоже медаль полагается!

Он нежно погладил старый бинокль. Не было у него, как прежде, ремешка и черная краска давным-давно облезла, обнажив желтовато-медные бока. Лишь круглые стекла — с одного края большие, с другого маленькие — не поддались времени.

Петр Федорович осторожно поставил бинокль на полку и вздохнул:

— Да-а, горячее было времечко! Повоевали. Когда близ станицы Семиглавый Мар дядю Костю ранило в ногу и его в госпиталь отправили, он свой бинокль мне оставил. Крепко пригодился он мне на войне! А как только в Новый Петроград с победой возвратился, то вернул ему бинокль. И вот надо же... Снова с биноклем встретился.

И тут я рассказал Петру Федоровичу, как еще в первом классе получил в подарок чапаевский бинокль и как дедушка просил меня сохранить его для будущего сына.

— А у меня, как видите,— кивнул я на Наташу,— дочка родилась. Зачем ей бинокль?

Петр Федорович не согласился:

— Девчата в войну не хуже парней Родину защищали. Бинокль Наташе принадлежит по праву.

Я взял бинокль с полки и протянул дочери:

— Возьми. Раз такое дело, дарю тебе.

Потом Наташа позвала дорогого гостя к столу, где уже был накрыт чай.

До самого вечера мы проговорили, ели вкусный торт и запивали его душистым чаем из дедушкиного самовара.

Уходя, Петр Федорович оставил Наташе на память о встрече изрядно потрепанную, без обложки, пожелтевшую от времени книжку. На первой странице крупно было напечатано ее название: «Как мы боролись за Советы».

— Берег ее с давних лет,— сказал Петр Федорович.— Книгу эту про Чапая и про Новый Петроград наши земляки-чапаевцы еще в гражданскую написали.

Листая книгу, Наташа прежде всего обратила внимание на портреты Ильи Топоркова, Ивана Плясункова и Семена Рязанцева. Они помещены в заключительном книжном разделе, который называется: «Кто был героем».

Под портретами несколько строк о них, героях Нового Петрограда:

Топорков Илья Васильевич. В феврале 1918 года принимает деятельное участие в организации Первого Николаевского отряда в городе Пугачеве для борьбы с уральскими белоказаками. В марте избирается начальником отряда, ведет наступление на станцию Озинки и занимает Семиглавый Мар, Шипово, Зеленый Деркуль. Когда сформировалась бригада, ее командиром был избран Чапаев, а Топорков — его заместителем. Вместе они повели успешное наступление на Уральск. На Уральском фронте Илья Васильевич был тяжело ранен и умер от ран в больнице города Саратова.

Плясунков Иван Михайлович. В детстве остался круглым сиротой и воспитывался у бедного крестьянина А. Капустина. В ноябре 1917 года вместе с другими товарищами организует в селе ячейку Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), революционный Совет и красногвардейский отряд. В марте 1918 года уезжает на Уральский фронт и становится помощником товарища Топоркова, командовавшего батальоном. После смерти Топоркова принимает на себя командование батальоном, затем — полком и бригадой. За взятие Уральска Иван Михайлович награжден именным оружием, золотыми часами и орденом Красного Знамени.

Плясунков принимал участие в боях под Уфой — с колчаковцами,— на врангелевском фронте. В бою с бандитами под станцией Ртищево в апреле 1921 года лошадь под Иваном Михайловичем была убита, а он окружен врагами и, не желая сдаться, последней пулей покончил с собой.

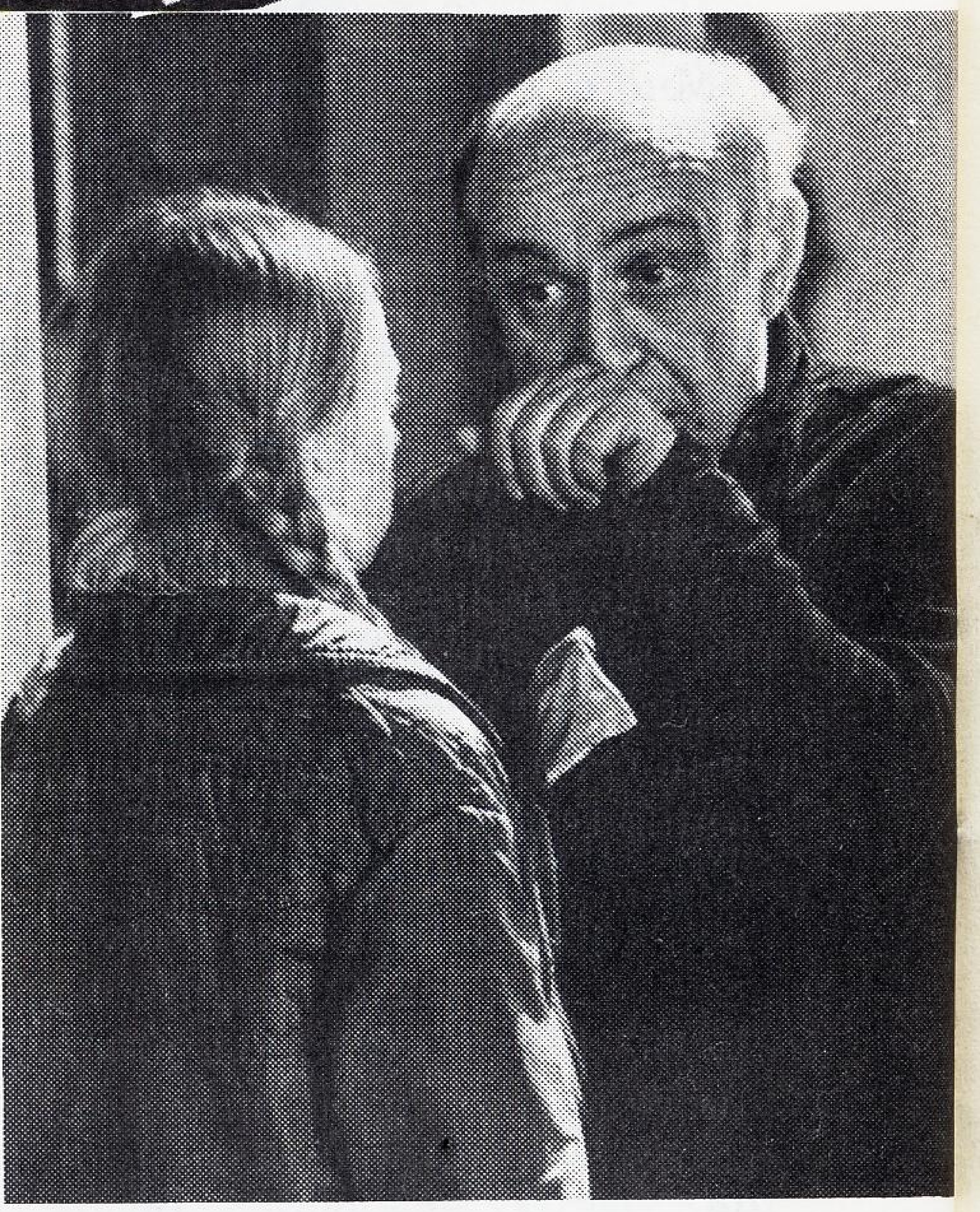
Рязанцев Семен Кузьмич. Сын крестьянина-бедняка. Во время действительной военной службы в городе Варшаве в 1908 году был осужден по обвинению в политической деятельности и посажен в Варшавскую крепость, где провел одиннадцать месяцев одиночного заключения. В 1917 году Семен Кузьмич принял участие в организации сельской ячейки РСДРП (б) и стал ее руководителем. Командовал также отрядом Красной гвардии. Будучи председателем первого Совета в Новом Петрограде, вел борьбу за расширение влияния Советов в районе. 15 ноября 1918 года Рязанцев умер от туберкулеза легких, полученного в сырой и темной одиночной камере Варшавской крепости.

Вечная память героям!

ЗЕРКАЛО МИРА

Об искусстве, его назначении, его роли в нашей жизни размышляет актер и режиссер кино

Ролан БЫКОВ.



Ролан Антонович Быков репетирует с исполнительницей главной роли в фильме «Чучело» Кристиной Орбакайте.

Ролан Быков. Мне очень давно хотелось ответить на вопросы читателей журнала «Пионер», к редакции которого я испытываю чувство огромной благодарности и признательности. В «Пионере» впервые была опубликована повесть Владимира Железникова «И всего-то несколько дней», по которой я поставил фильм «Чучело».

Когда повесть попала ко мне в руки, я взял ее, чтобы полистать перед сном, да так и не смог оторваться. А дочитав к утру, в сердцах запустил книжкой в потолок. Жена, увидев слезы в моих глазах, спросила:

— Что, будешь ставить?

— А куда денешься,— ответил я.

Есть такое понятие — социальный заказ. Это значит, что художник чувствует свою кровную связь со временем, с жизнью своего народа. В повести В. Железникова я ощутил с о ц и а л ь н ы й п р и к а з. И хотя был готов сценарий автобиографического фильма «Мама, война!», который я мечтаю поставить вот уже 20 лет, сценарий комедии «Похождения Васи Куролесова», хотя десятками роились другие интереснейшие замыслы, я понял, что ставить буду именно это. И именно сейчас.

— Ролан Антонович, всю свою жизнь вы занимаетесь искусством для детей: девять лет играли на сцене Московского ТЮЗа, и, хотя снимаетесь вы во многих взрослых фильмах, сами ставите только детские. Что побуждает вас всю жизнь сохранять верность детству?

Ролан Быков. Я чувствую, что я детскому кино необходим. Лично я. Это может показаться нескромностью, но я говорю правду. Я ощущаю в детях, в детском зрителе и своих детей. Порой мне кажется, что без меня, без моей работы им было бы хуже.

Задача художника, который отдает свое творчество детям, в том, чтобы помочь человеку стать счастливее. Я, конечно, не могу указать номера дома, этажа и квартиры, где человек обретет свое счастье, не могу указать такой профессии или способа жить. Искусство может только одно: образами разбудить желание добра, внушить веру в добро, в человека, в чистые отношения между людьми, веру в то, что мы называем нравственностью. Искусство может помочь любить — своих родителей, товарищей, Родину. Может пробудить интерес к познанию мира, к учебе. Искусство может помочь человеку поверить в себя. Но это не надо понимать буквально: искусство воздействует не прямо, а через образы и вызванные ими чувства — стыда, гордости, жалости, ненависти, презрения. Бесчисленные оттенки переживаний — это и есть те кирпичики, из которых строится душа. Может быть, даже точнее будет сравнить искусство с катализатором, ускоряющим реакции в душе, помогающим созреть доброте сердца, чувству собственного достоинства.

— А может ли художественный образ повлиять на человека впрямую?

Ролан Быков. Бывают образы, которые могут потрясти. Я это помню по своему детству. На меня чрезвычайно сильно повлияли книги. Во-первых, сказки, былины. Любовь к этому жанру осталась у меня на всю жизнь. Мечтаю снять фильм по мотивам русских былин,

реалистическую сказку. Большое впечатление произвели книги наших советских писателей, такие, как «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля. Во время войны я сам был «Тимуром» тимуровской команды в городе Йошкар-Оле.

Каждому в жизни попадается «своя» книга, в которой он открывает для себя какие-то возможности. Когда мне было 14 лет, мне очень хотелось иметь сильный характер. В серии «Жизнь замечательных людей» я прочел книгу В. Н. Владимирова о Франклине и начал ему подражать. Я стал сознательно вырабатывать почерк, нарисовал «таблицу претензий к себе», где были такие графы, как «ложь», «трусость», «смелость», «поступок»... Я ставил себе каждый день «плюс» или «минус» в той или иной графе. И мне до сих пор не кажется это смешным — ежедневная проверка своего дня. Я часто повторяю себе одну сказанную Франклином фразу: «Я побит — начну сначала». Она стала для меня формулой отношения к неудаче, помогла и помогает по сей день закалять свой характер.

Когда художественное произведение оказывает прямое влияние — это, конечно, самый счастливый случай. Я испытывал огромную радость, когда в письмах, которых после «Чучела» получил более тысячи, находил примеры именно такого прямого воздействия. Чистый и светлый образ Лены Бессольцевой, мужественно выстоявшей в борьбе со злом, не предавшей себя, заставил многих ребят задуматься. Ребята писали о разных историях, которые случались в их классах. И тех, кто, бывало, поступал с ближним жестоко или равнодушно проходил мимо жестокости, фильм заставил критически отнестись к своему поведению.

В том и состоит сила искусства, что оно помогает отличить добро от зла, истинное от ложного, понять, что такое подлинная красота человеческой души. Не случайно многие ребята пишут Кристине Орбакайте, сыгравшей роль Лены, обращаются к ней, как к близкому другу, просят совета и помощи.

— Ролан Антонович, многие взрослые — родители, учителя — писали вам: «Так не бывает! Это не наши дети!» Говорили, что «Чучело» — это урок жестокости. Что вы можете им ответить?

Ролан Быков. Меня такая постановка вопроса, признаться, удивляла и мучила. Сказать «так не бывает» — значит сказать неправду. Мы решили узнать мнение науки и обратились к одному из крупнейших советских психологов и социологов, профессору И. С. Кону. Вот что Игорь Семенович ответил на этот вопрос:

«Тема, которая звучит в фильме и которая удивляет и даже пугает многих,— это тема подростковой жестокости. В переходном возрасте это, к сожалению, бывает.

Понятие доброты многозначно. Встречается и природная доброта, и ее отсутствие. Люди в этом отношении всегда были, есть и будут отличаться друг от друга. Доброта в более сложном, нравственном смысле — это результат воспитания, обучения, тренировки...

Труднее всего она дается подросткам, недаром этот возраст называют трудным.

Значение такого фильма, как «Чучело», в

На этой и всех остальных фотографиях — кадры из фильма «Чучело». Этот фильм, в котором снимались ваши сверстники, рассказывает о добре и справедливости, о жестокости и милосердии. И заставляет зрителей задуматься о жизни. Постарайтесь и вы, если еще не смотрели, посмотреть фильм «Чучело».

том, что он служит как бы зеркалом. Нам всем, не только подросткам, очень иной раз важно увидеть в самих себе дурное. Нравственное самовоспитание начинается с того, что человек ужасается своим слабостям и недостаткам. В фильме все преувеличено. Но это важно ребятам, потому что человеку необходимо постоянно иметь перед собой зеркало, пусть даже увеличительное. Главное, это зеркало не должно быть льстивым».

— Ролан Антонович, а как вы относитесь к обиде некоторых учителей, которые пишут: «Я вышла из зала с таким чувством, что «чучело» — это мы, учителя»? Или: «Чего можно требовать от учеников, когда у них такие учителя, как у вас в картине? Вместо того чтобы заниматься ребятами, учительница заботится только о том, чтобы устроить свою жизнь?!»

Ролан Быков. Меня коробит эта фраза «устроить свою жизнь». Что же тогда любовь? Замужество? Семья? Разве учительницы не имеют на это права? Почему у других свадьба — чуть ли не самый главный день в жизни, а у Маргариты Ивановны — «устройство личной жизни»?

Упрек учительнице в том, что она променяла свой долг на «устройство личной жизни», я слышал от школьника на обсуждении фильма. Я тогда вместо ответа обратился к девочкам: «Девочки, не верьте ему, если он комунибудь из вас будет говорить о своих чувствах и предлагать дружбу,— он не уважает любовь, он пренебрегает таким важным событием, как свадьба!» Над шуткой смеялись, но меня сильно печалило все это. Я подумал о том, что мы любим искать виноватого. Что мы скоры подчас на суд и расправу. Что не умеем поставить себя на место другого, понять, простить! Кто виноват — семья или школа, родители или учителя? Нет, не может быть «виноватых по должности»! Виновны те, кто виновны,— иногда это семья, иногда школа, но чаще — все вместе, потому что каждый посвоему не научился размышлять, задумываться, быть добрым...

Маргарита Ивановна «виновата» вовсе не в том, что едет в Москву на собственную свадьбу. Ей и по закону положен отпуск, да и не каждая учительница в такой день вообще пришла бы объясняться с учениками.

Маргарита Ивановна добра, полна благих намерений, весела, бодра, энергична, умеет наладить контакт с ребятами, может и отругать их, и поработать с ними в колхозе, и песню у костра спеть... Ее беда в том, что она видит свою учительскую любовь к детям в снисходительном к ним отношении — и там, где дружит с ними, и там, где ссорится.

Мы меньше всего хотели указать на вину Маргариты Ивановны. Нам хотелось только одного — чтобы было ясно, в чем проблема. Поэтому мне очень грустно, если кто-то обиделся. Ведь создатели фильма «Чучело» вовсе не «против учителей», а «за них». На врачей, устанавливающих диагноз, не обижаются — за это благодарят. И не случайно очень многие учителя поддержали фильм, мы получили от них много писем.

— Ролан Антонович, ваши герои всегда так легко находят общий язык с детьми, что невольно думаешь: наверное, вы знаете, как

это делается. Есть ли в этом какой-то секрет или дети просто чувствуют вашу любовь к себе?

Ролан Быков. Мне кажется, что нелюбовь к детям — одно из высших проявлений духовного мракобесия. Не любить детей — это значит не любить людей, не любить род человеческий.

Но любовь моя к детям вовсе не означает, что я люблю всякого и каждого, что я не вижу дурных людей среди детей, которые ничем не лучше дурных взрослых. Но я убежден, что нет и не может быть бездуховных детей, потому что ребенок все время что-нибудь узнает, чему-нибудь учится. Наверное, поэтому с ним легко найти общий язык.

Я помню, как на пробу в фильме «Внимание, черепаха» ко мне привели девочку с огромными глазами-маслинами, которая заявила мне, что она не хочет сниматься. Она не хотела даже со мной разговаривать, и я попросил ее нарисовать что-нибудь — ну, просто чтобы познакомиться с ее внутренним миром. «А что рисовать?» — спросила она тихим голосом. «Нарисуй то, что ты видишь». «А вы меня тогда отпустите?» Я сказал: «Да, тогда отпущу».

И вот она стала рисовать то, что видела: перед ней стоял шкаф — нарисовала шкаф, слева было окно — нарисовала окно, за окном были облака — она нарисовала облака. Но все у нее было с глазами: и облака, и окно, и шкаф. И чтобы я понял, кто на кого смотрит, из глаз в глаза были нарисованы стрелочки, шкаф глядел на окно, окно смотрело на облака, облака через окно — на шкаф.

Я спросил у нее: «Что же у тебя никто друг на друга-то не смотрит?» Она вздохнула, посмотрела на свой рисунок и сказала: «Да, вот такая получилась грустная картинка». Ну как было не взять девочку, которая знает, что у облаков есть глаза?!

— Да, считается, что каждый человек в детстве — художник. А вы сами, Ролан Антонович, когда стали артистом?

Ролан Быков. У меня в детстве была кличка — Ромка-артист. А прозвище для человека в четыре года — это уже должность! В нашей общей квартире было сорок три комнаты, и они были моими сорока тремя театрами, потому что не было дня, чтобы меня не звали в одну из них и не говорили по-свойски: «Ну-ка, артист, заходи, изобрази что-нибудь». И я пел, плясал, что-нибудь «изображал».

Вообще, должен сказать, мое детство для меня чрезвычайно значительно. Оно сложилось удивительно и счастливо. Во-первых, я был студийцем городского Дома пионеров. У нас в студии были замечательные ребята, многие из них сейчас стали известными актерами, режиссерами. У нас была настоящая дружба, единые интересы. Мы очень много пели. И я помню, какое единство с товарищами я ощущал, когда мы вместе пели песни.

— Ролан Антонович, от ваших детских впечатлений до сегодняшней работы с детьми в кино — полвека. Изменились ли за это время ребята? И что вы думаете о ваших сегодняшних героях и зрителях?

Ролан Быков. Должен сказать, что мне очень заметно, как меняются дети, как решительно отстаивают они свое детство в нашем взрослом мире.

Когда говорят, что нашим ребятам сегодня легче, чем было нам, потому что мы жили в голоде, в холоде, были плохо одеты, я с этим не могу согласиться. Сегодняшним ребятам приходится испытывать не меньшие трудности, правда, трудности совсем иного порядка. Во время войны нам случалось и голодать, и мерзнуть, отцы наши были на фронтах, а у некоторых, как у меня, на войну ушли и старшие братья... Приходилось много трудиться, во многом себе отказывать.

Теперь дети сыты, обуты, одеты, у детей велосипеды, телевизоры, у детей мотоциклы, у детей совершенно невиданные для наших времен развлечения...

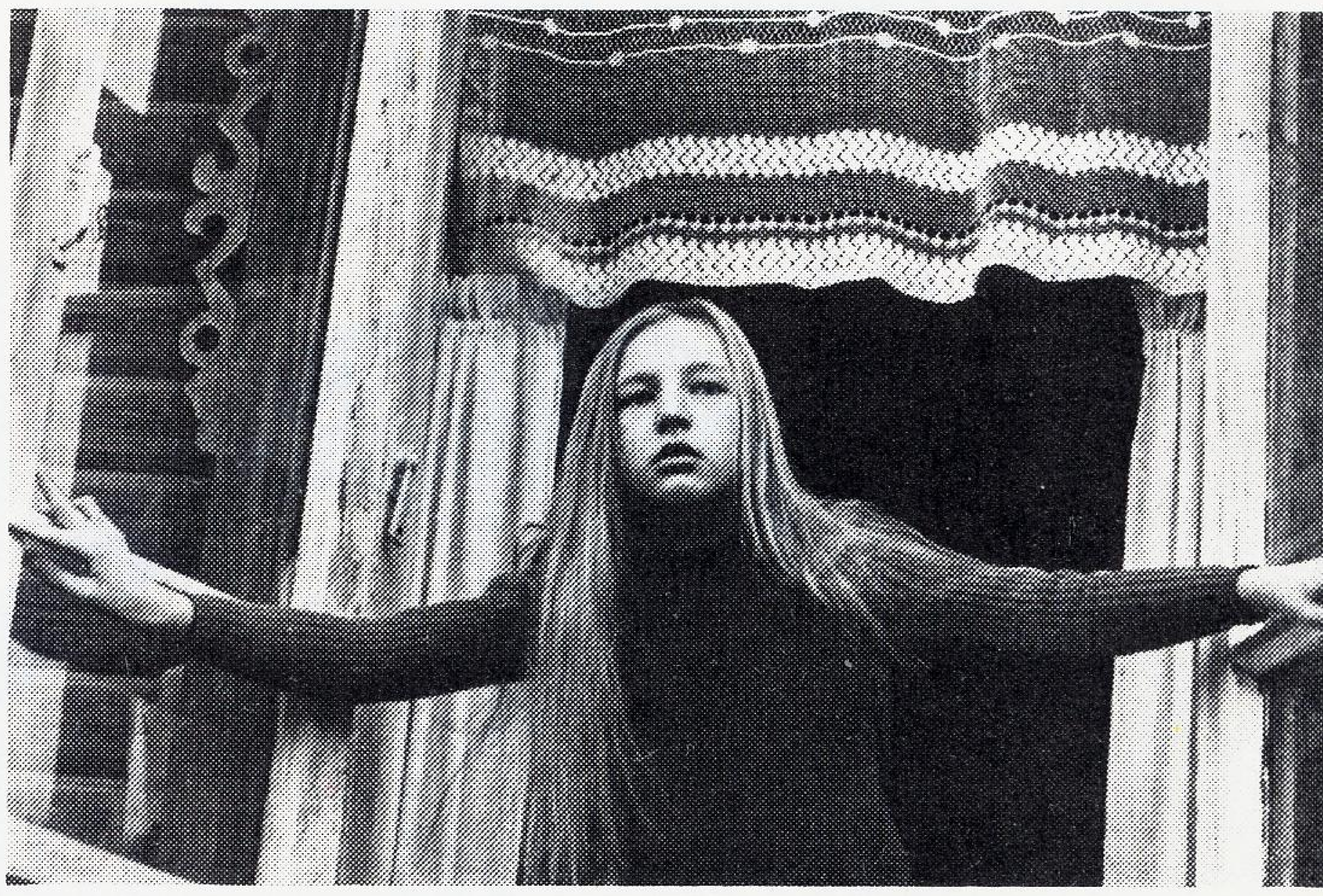
И тем не менее я не считаю, что нашим детям сегодня легче, чем было нам. Материальных благ стало больше, быт стал проще, зато намного сложнее стали человеческие отношения. Сейчас иногда, как я замечал, ребята испытывают больший душевный голод, моральный холод, «нравственную неодетость», если можно так сказать.

Сейчас честный разговор — искренний, душевный, откровенный — ребятам всего нужнее.

Я много раз с горечью думал о том, что отношение взрослого мира к детям сводится к унылому назиданию, идет вразрез с товарищеским рыцарством, с законами благородства, которые мы иной раз легко нарушаем в так называемых «педагогических целях». Какое бы возрастное расстояние ни разделяло старшего и младшего, этими законами пренебрегать нельзя.

— Было бы интересно узнать, над чем вы работали в последнее время?

Ролан Быков. Обо всем, конечно, не расска-



жешь. Одной из самых интересных и самых трудных была работа над ролью профессора Арлсона в фильме «Письма мертвого человека» режиссера К. Лопушанского. Фильм этот — о последствиях ядерной катастрофы. Есть миф о Персее, который победил Горгону Медузу, фурию войны. Никто не мог этого сделать, ибо взглянувший на нее тут же превращался в камень. Персей отрубил Медузе голову, глядя на ее отражение в щит. Отражение спасло Персея и мир от войны. И сегодня катастрофу можно предупредить, воспользовавшись тем, что она отражается в духовном сознании: в искусствах, в науках. Пришло, я думаю, время взорвать бомбу в сознании людей, потому что, когда она взорвется на самом деле, будет поздно. Герои фильма живут в ситуации, подобной концу света. По их представлениям, мир уже погиб от всеобщей ядерной катастрофы. И для нас важно представить, что может быть в этих условиях с людьми, с их характерами, с человеческими отношениями.

Я все время старался ставить себя в положение героя и понял, как это мучительно: Арлсон сталкивается с людьми иной реальности, которые практически уже живут в противогазах, стали как бы какими-то новыми «хоботными» существами: трудность разговора в противогазе рождает новый, упрощенный язык, который волей-неволей упрощает и сознание. Идея Арлсона состоит в сохранении человечности в совершенно новых условиях, рождающих нечеловеческое существо.

Мне кажется, что в сегодняшней нашей жизни сложилось много условий для потери человеком его человеческого лица. Я с грустью вижу, как падают во всем мире духовные ценности, как верх берет психология потребления, психология обывательская, как великие идеи гибнут в стихии мещанства. И об этом тоже наш фильм. Просто напугать людей будущей катастрофой, конечно, можно. Но гораздо важнее, если вдруг человеку станут ясны истоки, причины возможной трагедии.

Мы в картине пытаемся разобраться в том, что ведет к войне.

Только в волнении и беспокойстве наше спасение.

Сейчас, кроме обычной, творческой, у меня прибавилось много общественной работы. Это работа секретаря Союза кинематографистов, работа председателя комиссии детского кино и работа председателя секции театра и кино в Совете эстетического воспитания Академии педагогических наук.

Забот очень много. Надо в первую очередь бороться с серым, неинтересным и безыдейным кино, помочь сказке, приключенческому фильму проложить себе дорогу на экран. Эти заботы и заставили меня на ближайшее время отказаться от своих сокровенных творческих замыслов.

Думаю, что в настоящий момент эти заботы важнее.

Беседу записали Елена ВОИНОВА
и Дмитрий ЛЕСНОЙ.

Фотографии И. ГНЕВАШЕВА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Составь предложение, где были бы слова «кот» и «смотреть»!

Ученик: Когда я случайно наступил коту на лапу, он закричал: «Смотреть нужно, куда наступаешь!»

Алексей Санин,
Молдавская ССР.

* * *

Учитель: Приведи пример деепричастного оборота.

Ученик: Он шел, прихрамывая на левую руку.

Таня Николаева,
Удмуртская АССР.

* * *

Учитель: Составь предложение со словом «водянистый»!

Ученик: Вода в реке оказалась очень водянистой.

Виталий Кузнецов,
Павлодарская обл.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Что ты знаешь о древних мифах?

Ученик: В древних мифах рассказывается о мифических богах, которые овладевали разными профессиями.

Вера Редькина,
Амурская обл.

* * *

Учитель: Как в древности люди использовали сосуды, именуемые амфорами?

Ученик: Амфоры использовались для хранения жидкостей — фруктовых соков и пепси-колы!

Володя Курчатов,
Минская обл.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Что ты знаешь о Красной книге?

Ученик: Красная книга — это список дефицитных животных.

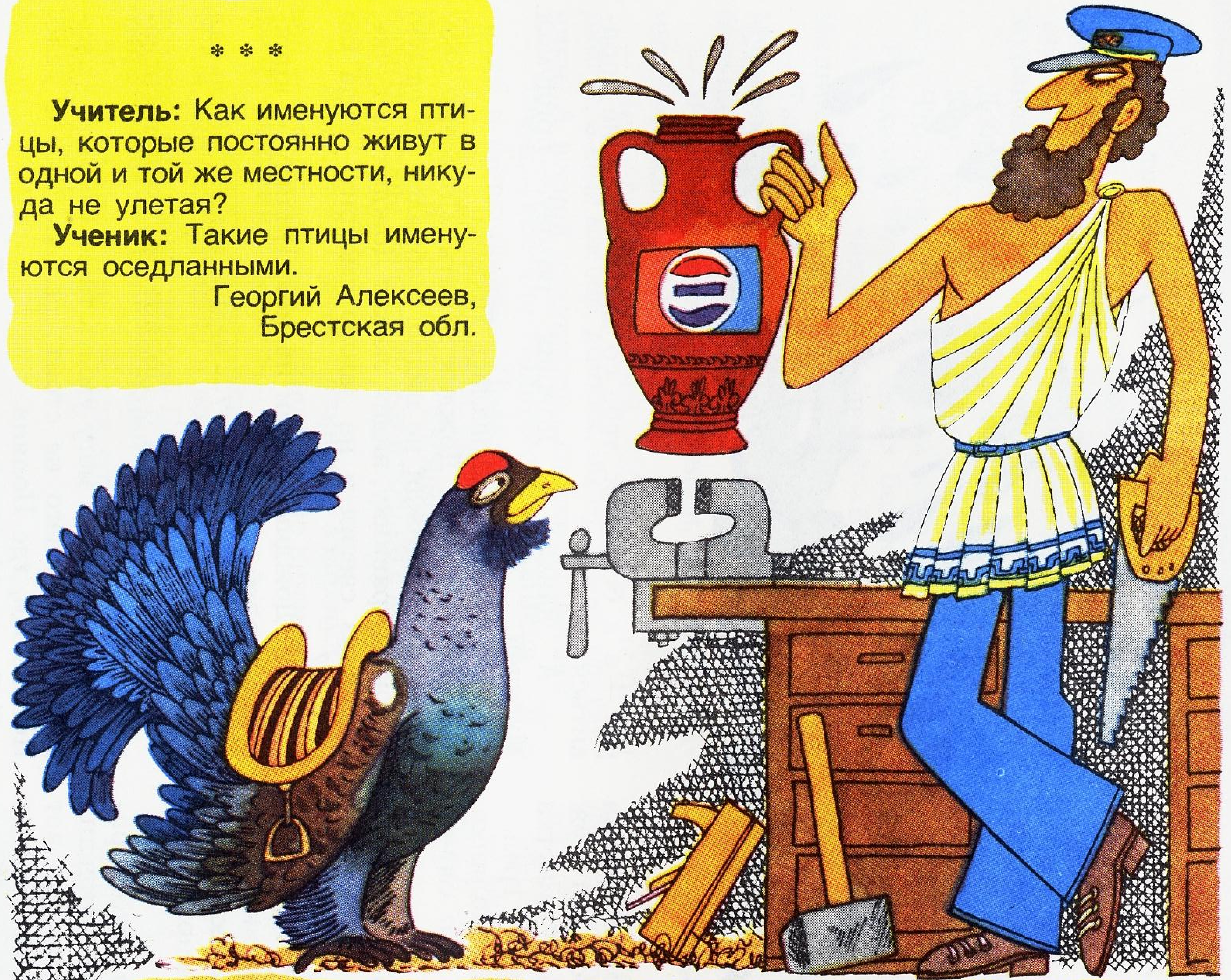
Ольга Баушева,
Томская обл.

* * *

Учитель: Как именуются птицы, которые постоянно живут в одной и той же местности, никуда не улетая?

Ученик: Такие птицы именуются оседланными.

Георгий Алексеев,
Брестская обл.



Из школьных сочинений

«Обезьяна вцепилась в дерево задними руками».
«Оля съела бублик вместе с собакой, которая бежала впереди...»
«За кустом белело что-то синее».
«Андрей закинул чуб за голову».
«И тогда он взял нож и застрелился».
«В своей картине «Зима» художник воспевает красоту русского лета».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Светлана ЛЕТТ

Муравей и Поляна

Жил Муравей недалеко от Поляны, много раз за день по ней пробегал, цветами любовался — уж очень хороши они были. Когда свободная минутка выпадала, на травинки взбирался, спинку грел.

А тут вдруг заметил, что пожухла Полянка, травы на ней от пыли потускнели. «Что случилось?» — думает.

— Эй, Поляна, ты почему приуныла? — крикнул Муравей.

Поляна вздохнула и ответила:

— Я умываться росой люблю. К ней руки протяну и собираю на листья и травинки столько росы, что не только умыться, но и напиться вволю хватит. Вот роса на меня и обиделась, что много воды забираю, и теперь стороной обходит.

Решил Муравей Поляне помочь. Из сухой травинки коромысло сделал, из цветков ландыша ведра смастерил и заторопился к пруду. Черпает ведрами воду у берега, но в ведра все ил да водоросли разные попадают. Чуть не плачет Муравей: разве Поляну такой грязной водой чисто умоешь?

— Что ты здесь делаешь? — вдруг раздался над Муравьем голос.

Поднял Муравей голову, а над ним Водомерка стоит — водный клоп. Ноги у Водомерки высокие, коленчатые. Стоит Водомерка на своих удивительных ногах и в воду не погружается.

«Мне бы такие ноги,— подумал Муравей,— я бы Поляну быстро умыл».

— Вот,— говорит,— Поляна без воды задыхается, умыть ее надо, а у берега чистой воды не зачерпнешь.

— Давай свои ведра,— предложил Водомерка,— я на середину пруда сбегаю.

И побежал, да ловко так! Как по льду, по воде скользит. Не успел Муравей и глазом моргнуть, а Водомерка уже назад бежит. Ведра перед Муравьем поставил и говорит:

— Приходи, когда надо, я всегда рад доброму делу помочь.

— Мне каждое утро надо,— вздохнул Муравей.

— Приходи каждое утро,— согласился Водомерка.

И стал Муравей каждое утро к пруду бегать. Моет травинки, тряпкой тычинки у бутонов протирает. Снует по Поляне туда-сюда, к вечеру с ног валится, а глядит: меньше половины Поляны умыл.

Видит Поляна, что как ни бьется Муравей, а толку мало.

— Спасибо тебе, Муравьишка, но ты мал,— говорит,— а я большая, тебе со мной никак не управиться.

— А давай я Дождик позову,— придумал Муравей.

— Позови,— обрадовалась Поляна.

Пошел Муравей Дождик искать. По всему лесу бегал, нигде Дождя не видно. Забрался на самую высокую травинку, видит, лежит Дождик на тучке, усы вниз свесил и на землю смотрит — куда бы упасть?

— Эй, Дождик! Упади на мою Поляну! — крикнул Муравей.

— Кто там кричит? — недовольно забулькал Дождик.

Рассказал Муравей о Поляне, и Дождик согласился помочь.

— Я добрый, я могу умыть твою Поляну,— сказал.— Мне ничего не стоит сделать доброе дело. Показывай, где Поляна.

Побежал Муравей по земле, а Дождик за ним на тучке плывет и знай покрикивает:

— Муравей, где ты там?

Муравей голову приподнимет:

— Тут я!

— Со зрением у меня неважно — люди недаром слепым меня называют,— признался Дождик.— Да и маленький ты, тебя в высокой траве не разглядишь.

Умыл Дождик Поляну, посидел на пенечке, своей работой полюбовался, вскочил на тучу верхом, пятками ее в бока ударил, словно лошадь, и поплыл дальше.

А на другой день говорит:

— Некогда мне маленькими полянами заниматься, у меня и так дел полно.

— Ты же сказал, что тебе ничего не стоит доброе дело сделать,— напомнил Муравей.

— Для меня самое доброе дело — огороды и сады поливать,— проворчал Дождик.— А мелкие добрые дела мне не под силу: слишком много их.

Пригорюнился Муравей. Думал, думал да и надумал в город сходить, попросить Поливальную Машину умыть Поляну — слышал он, есть такие в городе.

— Ну что ты,— вздохнула Поляна.— Город так далеко, а ты такой маленький...

Но Муравей собрал узелок и быстро зашагал в сторону города.

Шел через бугры и кочки, бежал через шаткие мостки, наконец, добрался до города. Город оглушил Муравьишку — машин много, ног еще

больше, только успевай увертываться от них.

Отыскал Муравей городской парк и увидел там Поливальную Машину. Важная, тяжелая, она стояла возле клумбы и поливала розы. Подобрался Муравей поближе, оробел чуток, но бодро крикнул:

— Добрый день, тетушка Машина!

— Кто тут? — недовольно пробурчала Машина.— Что непрошеным гостям надо?

Рассказал Муравей о своих бедах.

— А что такое — Поляна? — басом спросила Машина.

— Ты никогда не видела Поляну? — изумился Муравей.— Ну это... это — как твоя клумба, только больше.

— И на ней растут розы, левкои, флоксы? — заинтересовалась Машина.

— Нет,— сказал Муравей.— На ней всякие травы растут, а еще клевер, донник, подорожник, одуванчики. А весной кукушкины слезки зацветают.

— Фи-и,— сказала Поливальная Машина.— Я о таких и не слыхивала. Правда, с одуванчиками я знакома. Такие сорванцы — выстроятся у дороги и машут желтыми шляпами, словно хотят меня остановить, чтобы поболтать. Но я только с красивыми клумбами дружу.

— А я дружу с моей Поляной,— вздохнул Муравей,— она маленькая и скромная, но ничем не хуже расфуфыренной клумбы...

— Эй, полегче! — возмутилась Поливальная Машина, потом подумала и добавила: — Ни за что не поверю, что из-за простой Поляны ты не побоялся отправиться в такой дальний путь.

Муравей ничего не ответил, спрыгнул на землю и пошел прочь.

— Постой! — крикнула ему вслед Машина.— Согласна я умыть твою Поляну. Далеко она?

Обрадовался Муравей, взобрался на капот, и покатила Машина, быстро так, что дух у Муравья захватывает!

— Ф-фух-х! — вздохнула Поливальная Машина, добравшись до муравьиной Поляны.— Никогда такой красоты не видела, век бы тут жила!..— Хоть сердце у нее было механическое и пахло бензином, но толк в красоте она знала.

Умыла она Поляну, по-дружески распрощалась с Муравьем и помчалась обратно в город.

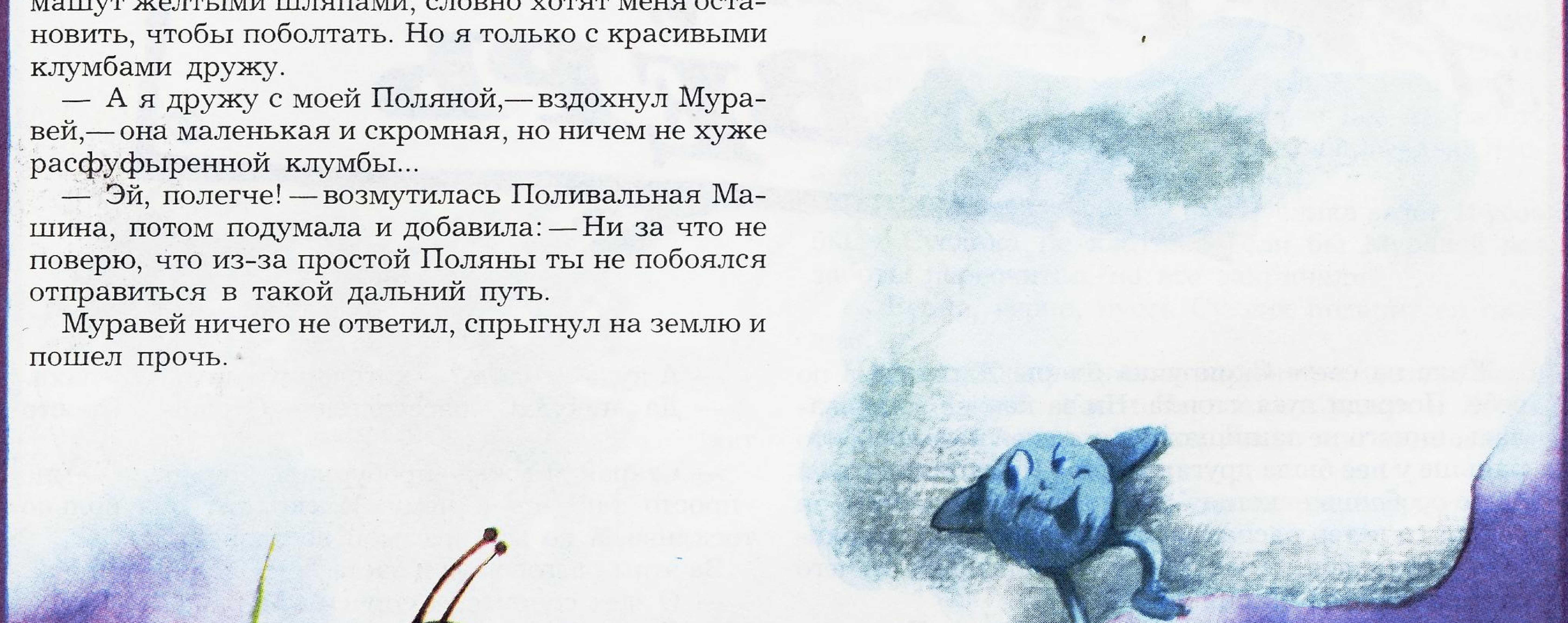
А Муравей снова задумался: как завтра Поляну умывать?

Вдруг рядом Бабочка-сенница на подорожник села.

— Ты,— говорит,— Муравей, зря пригорюнился. Лучше пойди утром на Дорогу и попроси у нее росу. Дороге она особенно не нужна.

Муравей от изумления рот раскрыл:

— Откуда ты, Бабочка, обо всем знаешь? Жизнь ведь у тебя короткая, всего один день живешь?



— Да уж знаю,— улыбнулась Бабочка и улетела.

Ночью поспешил Муравей к Дороге, стал Дорогу просить, чтобы отдала она росу, которая собирается на рассвете упасть.

— Собирай, сколько хочешь,— сонно пробормотала Дорога,— только спать не мешай. Днем покоя нет и ночью отдохнуть не дают.

Обрадовался Муравей, стал ждать, когда роса упадет. Да задремал и пропустил момент. Открывает глаза: батюшки! Дорога вся от росы потемнела. Что делать?

Вдруг видит, вдоль дороги маленькие огоньки снуют и в траву ныряют. Что такое? А это братцы-муравьи на помощь пришли. Каждый по капельке росы подхватил.

А тут солнце показалось, и в каждой капле его лучик отразился. И получилось, будто муравьи фонарики несут.

Посмотрела на работу муравьев роса, покосилась на усталого счастливого Муравьишку, стыдно ей стало — вон как душа у него о Поляне болит. И на другой день опустилась на Поляну.

Жила на свете Скрипучая Дверь. Жила сама по себе. Посреди луга стояла. Ни за кем не закрывалась, никого не защищала. Иногда ей казалось, что раньше у нее была другая жизнь. Но вспоминать ей было особенно некогда — то дожди ее со всех сторон секли, то ветер распахивал да захлопывал. Прохожие поглядывали на нее с неприязнью: и чего скрипит, тоску нагоняет?

Бежал по тропе Муравей, увидел Дверь. Кто здесь живет? Шмыгнул в Дверь и... окаменел от изумления: за Дверью продолжалась тропа. А где же дом? Постоял, постоял Муравей... и дальше побежал. Но решил на обратном пути заглянуть — может, дом объявится?

Полз по своим делам Уж, остановился в недоумении, удивился, что хозяева не откликаются, обошел ничейную Дверь стороной — слишком громко она скрипела, даже у Ужа мороз по коже пошел от этого скрипа.

Бежал Суслик, увидел Дверь. Сначала обрадовался: в гости очень любил ходить,— но потом смекнул, что Дверь без дома. «Эй,— думает,— а вот у меня дом есть, да двери настоящей нет». Ну, а если живет Дверь одна на свете, все равно она должна кого-то впускать и выпускать. И стал Суслик по утрам ходить через эту Дверь.

Встретила однажды Черепаха у Двери Суслика, заинтересовалась:

— Сколько лет на свете живу, а такого не видывала, чтобы Дверь одна, без дома, жила...

Суслик предложил Черепахе Дверью воспользоваться.

— А зачем? — трудно соображала Черепаха.

— На то ведь и Дверь,— сказал Суслик,— чтобы в нее входить.

— А куда входить? — хотела уточнить Черепаха.

— Да никуда! — рассердился Суслик.— Просто так!

— Старая я уже,— пробурчала Черепаха,— мне «просто так» ни к чему. И скрипит она больно тоскливо, а во мне и самой веселья мало...

За этим разговором и застали их Муравей и Уж.

— О чем спорите? — спросил Муравей.

— Да вот,— пожаловался Суслик,— не желает Черепаха в Дверь входить, говорит, ни к чему ей это.

— Не желаю,— подтвердила Черепаха.— Я через пустые двери не приучена ходить. А ее скрип мне нервы расшатывает.

— А вы спросили у Двери, почему она скрипит? — подал голос Уж.— Может, у нее завтра день рождения, а об этом никто не знает. Я вон какой гибкий, из меня хоть веревки вей, а от такой беды тоже заскрипел бы.

— У тебя, Дверь, в самом деле завтра день рождения? — недоверчиво спросил Муравей.

— За-автра,— печально проскрипела Дверь и горько вздохнула, потому что, порывшись в своей обветшавшей памяти, она не нашла такого дня.

Но разве дело в этом? Главное, что такой день должен быть у каждого.

Стали все совещаться, что бы такое Двери завтра подарить. Может, тоски у нее поубавится, скрипеть перестанет.

— Давайте подарим букет полевых цветов,— предложил Суслик.

— Зачем Двери полевые цветы? — прошамкала Черепаха.— Баловство одно.

— А я знаю, что ей подарить,— прошелестел Уж,

свиваясь в кольцо.— Замок! Закроем на замок, сразу скрипеть перестанет.

Дверь чуть не заплакала от отчаяния: если новые приятели подарят ей замок, тогда совсем станет она одинокой. Кому нужна запертая Дверь?

Черепаха посмотрела сквозь очки, которые делали ее очень солидной, и сказала:

— Надо подарить ей дом. И тогда Дверь будет счастлива.

— Мне в муравейнике нужна Дверь,— повеселел Муравей,— вот братцы-муравьи обрадуются!

— Слишком много в вашем муравейнике ходов, одной Дверью все не закроешь,— возразила Черепаха.

Почесал Муравей затылок, вздохнул:

— Ты, пожалуй, права. Пусть тогда Дверь возьмет Уж.

Уж отказался:

— Я слишком длинный. Буду через нее проходить, а она вдруг подумает, что я весь уже вышел, и прищемит мне хвост. Я этого не люблю.

— Ну тогда ты, Черепаха, забирай Дверь, чего ей тут одной пропадать,— согласился Муравей.

— Мне Дверь ни к чему. Я, старая, всю жизнь без двери прожила и привычек менять не собираюсь,— прошамкала Черепаха.

— Пусть Суслик ей свой дом подарит,— посоветовал Уж.— Дверь ему нужна: он через нее ходит.

— Верно,— поддержал Муравей.— Даже если Суслику в другую сторону бежать, он все равно сюда заворачивает.

Суслик чуть не подпрыгнул от радости.

А Черепаха сказала:

— Неправильно это. Стояла себе ничейная Дверь, а вроде для всех она была: кто скрип послушает, кто просто так пробежит мимо, а кто и в гости к ней придет. А теперь все одному Суслику достанется?

«И правда,— подумал Суслик,— обидно другим».

Но Муравей в этом споре мудрее Черепахи оказался.

— Ты сама, Черепаха, только что утверждала,— напомнил он,— что если бы Двери подарили дом, она была бы счастливой. А почему? Да потому, что каждому нужны свои заботы. Чем больше ты нужен другим, тем радостнее жить. А зачем Суслику нужна Дверь? Чтобы он через нее на работу ходил — раз! Чтобы петли ей смазывал — два! Чтобы нас, друзей, принимал — три!..

Считает, а сам счет на усах Суслика ведет. И усов бы у Суслика не хватило, если бы Муравей все заботы пересчитал, но все закричали:

— Верно, верно, пусть Суслик подарит ей свой дом!

На другой день пришли на день рождения Двери гости: Муравей, Уж и Черепаха. Суслик и Дверь гостеприимно их встречали. Дверь при этом совсем не скрипела.

Может, Суслик хорошо смазал ржавые петли? А может, по другой причине?

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Мир яростный и прекрасный

Открыла я сегодня читальный зал, и тут же вошел читатель — растерянный и расстроенный. Протянул мне книгу рассказов Андрея Платонова «У человеческого сердца». «Вот, возьмите назад,— сказал он.— Странный какой-то писатель, непонятный. Ходят герои его разутые, раздетые, не пьют, не едят, а ни холода, ни голода не замечают. Работают до поздней ночи, по ночам изобретают вечный двигатель, а зачем? Почему нет им покоя? Отчего не сидится дома, даже если гроза бушует на улице? Почему мир этот назвал писатель прекрасным и яростным?»

Не взяла я у читателя книгу Андрея Платонова, а сняла с полки другие книги этого писателя, и сели мы читать их вместе, медленно и внимательно. Все ясней и ближе становился нам писатель, его жизнь, мечты.

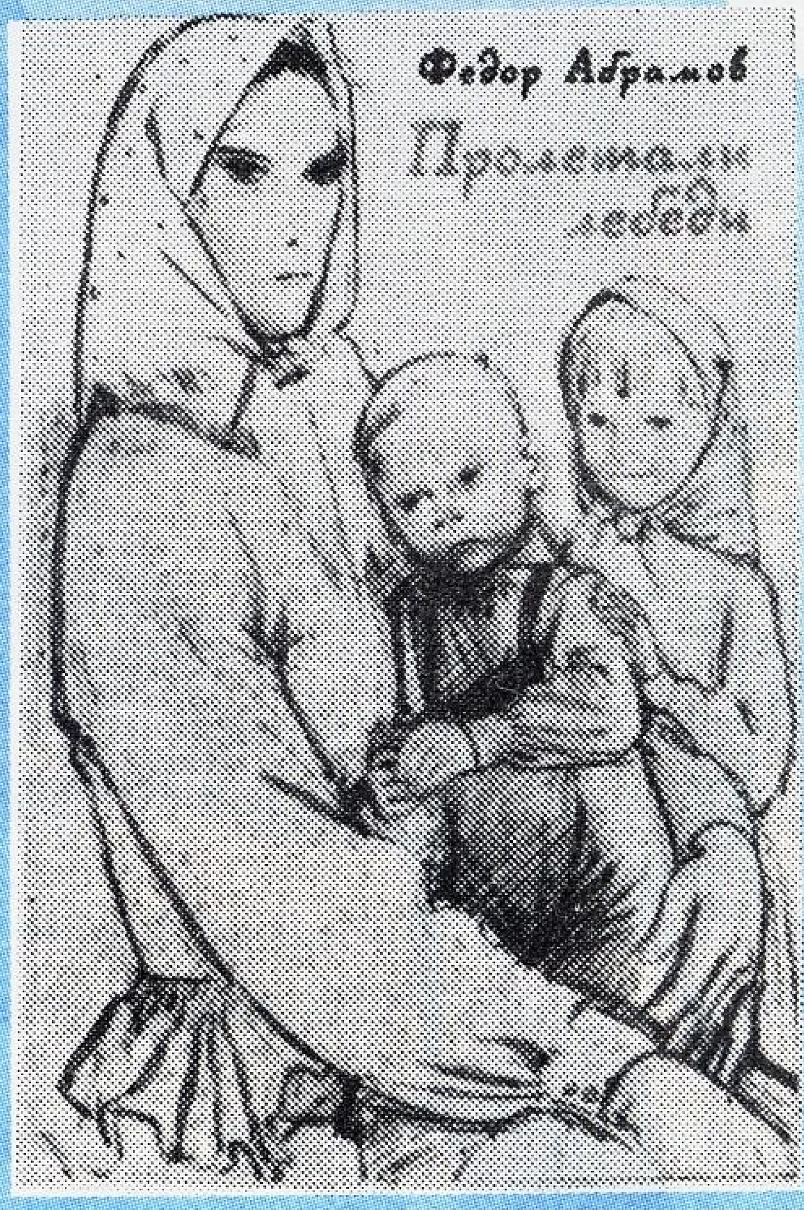
Незадолго до революции умерла мать Андрея Платонова. Он остался старшим среди десяти сестер и братьев. Знал Андрей Платонов: чтобы выжили братья и сестры, кто-то должен заботиться о них, маленьких и беспомощных. Позже написал об этом рассказ «Семен»... Надел Семен длинное платье матери и сказал растерявшемуся отцу: «Давай я им буду матерью, больше некому». Маленький Захарка засмеялся: «Теперь ты дурочка, а не мальчик». Семен будто не слышит, начал распоряжаться по хозяйству.

Чтобы выжила большая семья, Платонов трудился рабочим на заводе, помощником машиниста, посыльным... По ночам, возможно, как герой его рассказа «Маркун», изобретал вечный двигатель, который спасет от нужды все человечество. Понимал Андрей Платонов: не изобрести такой двигатель. Но не давала покоя мысль: мир никогда не вмещался в одном человеке, больно одному — больно всем. И не мог он спать спокойно, пока ходят вокруг нищие и голодные люди.

Многие говорили: «Что толку-то в этих мечтателях? Зачем они? Не справиться одному с нищетой на земле». Но горе людей ранило писателя сильней своих бед. И это острое болевое ощущение мира поднимало его на помощь к далеким и близким людям. В тяжелые для страны 20-е годы Андрей Платонов бросился на борьбу с голодом в Поволжье. Отправился в далекие степные села. Голодал со всеми и, как все, работал не покладая рук. Помочь людям и означало для него взять на себя часть беды, чтобы другим меньше досталось.

Молодая учительница Мария Никифоровна из рассказа Платонова «Песчаная учительница» приехала работать в глухое село на границе с мертвой среднеазиатской пустыней. Ничего не растет здесь на сухой песчаной почве. Люди устали бороться с засухой, смирились, вымирало село. Горько и тяжело было Марии Никифоровне видеть слабых и худых детей. И начинает она осваивать неведомую ей науку борьбы с песками. Учится сама и

Выставка новых книг



Сегодня на книжной выставке — новые книги. Вышли они в издательстве «Детская литература» в прошлом году...

Книга Вл. АМЛИНСКОГО **«След»** — документальная. Она о путях-дорогах писателя, о городах и полустанках, о людях и встречах, о проблемах, которые волновали писателя в юности и тебя, быть может, волнуют...

Автор книги **«Пролетали лебеди»** — Ф. АБРАМОВ. Он родился и вырос в деревне. Когда поселился в городе, жил с вечной тоской и думой о ней, писал о той счастливой, порой тяжелой

учит этому делу детей и взрослых. Наконец отступили пески, и зазеленели в селе деревья. Вот, казалось бы, дело сделано, живи теперь спокойно и радуйся. Но отправляется молодая учительница дальше, в другое село, к диким кочевникам. Как же можно жить безмятежно, если умирают где-то люди от голода и засухи.

Писатель настойчиво убеждал, что даже в голод и разруху человек должен думать о других, к ним мчаться на помощь. А утратит человек душевную чуткость — пропадет.

В письме к жене Платонов как-то писал: «Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем. Он любил невозможное и неизъяснимое, что всегда рвется в мир и не может никогда родиться». Платонову близок и дорог был этот странный человек, с такой редкой, но необходимой способностью слышать зов не только людей, но и безлюдных степных дорог, тоскующего весеннего ветра, гудка паровоза и даже чего-то далекого и неизъяснимого.

Вот и герои Платонова ходят разутые, раздетые, но богатые мечтами и думами, неимущие, голодные, почти бестелесные — кожа да кости остались,— но живые и деятельные. И чем меньше вещей разных у человека, тем светлее его мысли, добрее человек, а значит, богаче.

Над героем рассказа «Юшка» смеялся весь городок. Он работал помощником кузнеца, но ходил всегда босой, а чай без сахара пил. Дети бросали в него камешки, разный сор. Он не обижался, будто не живой. Раз в год Юшка уходил из города. Никто не знал, куда брел он с котомкой за плечами. По дороге он гладил траву, поднимал с тропинки мертвых бабочек и жуков, долго всматривался в их «лица», чувствуя себя без них осиротевшим. После смерти Юшки узнали, что ходил и он в Москву. Жила там девочка-сиротка, которую Юшка устроил в школу. Носил ей сахар и деньги, бережно собранные за год. Когда выросла девочка, стала врачом. Приехала в Юшкин город помогать людям.

Так и живут герои Платонова, трудом и любовью к людям продолжая жизнь.

«Это мне давно известно, это я много раз слышал, что трудиться надо и людям помогать»,— сказал мой читатель. Слышать-то слышал, а ты на деле попробуй, как герои Платонова, как сам писатель...

Во время Отечественной войны уже тяжело больной Платонов работает во фронтовой газете. Не болезни и смерти боялся писатель, а бездействия и больничной тишины. Разъезжает по фронтам — сражается, смотрит, запоминает, рассказывает об увиденном в очерках и рассказах. В ту суровую пору написал А. Платонов рассказ «Цветок на земле». Маленький мальчик Афоня выведывает у деда, что самое важное в жизни. А дед Тит показал на маленький голубой цветок, который рос на сухой, мертвой земле. Афоня не понял, думал: пошутил дедушка. Старик же серьезно сказал: «Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь». В этом и есть главная мудрость жизни.

«Разве об увиденном и пережитом на войне рассказ? — удивился мой собеседник.— Нет здесь ничего о боях и сражениях!»

Но понял эту мудрость Платонов на фронтовых дорогах: как бы тяжела и безнадежна ни была жизнь, новая, лучшая жизнь все равно трудом и борьбой пробьет себе дорогу.

Вскоре после войны Андрей Платонов умер. Но живет прекрасный и яростный мир его произведений. Мир яростный, потому что писал Платонов об эпохе ожесточенных боев с врагами, голодом и разрухой. Мир прекрасный, оттого что человек всегда готов был броситься на помощь другому, забыв о своей боли и беде. Работал, не зная отдыха, чтобы лучше жилось на свете всем далеким и близким людям. И живая жизнь всегда пробивалась из мертвой почвы.

Пришло время закрывать читальный зал. Мы попрощались с читателем, и он ушел, захватив несколько книг Платонова. Остальные я расставила на полке. Книг Андрея Платонова в нашем читальном зале немного. Писал он в основном для взрослых. Книги, которые есть, редко стоят на полке: я часто выдаю их читателям. Вот и тебе советую прочитать. Когда прочтешь, напиши, кто из героев произведений тебе понравился, кто нет. Над чем задумался, какие вопросы возникли.

Н. ДАВЫДОВА.

и горестной жизни, рассказывал с искренней болью и радостью. Поэтому так тревожат его рассказы...

Ю. КАЗАКОВ любил бродить по подмосковным лесам, охотиться на Севере. Об этом и его книга **«Арктур — гончий пес»**. Нет в ней захватывающих дух, острых сюжетов. И все же с таким увлечением слушаешь тихое, неторопливое повествование и не можешь прервать — закрыть книгу...

«Дарю тебе велосипед» назвала Л. МАТВЕЕВА историю про задумчивого, застенчивого мальчика Сашеньку и боевую, решительную девочку Сашу. Разные они люди. Но что-то сблизило, сдружило их. А что? Попробуй-ка разобраться!..

Отдел оформила
Н. ДОБРОХОТОВА.

Электронная яблоня

Октябрьский воскресный день начинался безрадостно. Сережа и Чип уныло глядели в окно — небо хмурилось, того и гляди дождь пойдет. Делать было нечего, все игры по десять раз переиграли, скучно!

— Чип, а ты не можешь наколдовать, чтобы погода исправилась? — лениво протянул Сережа.

— Ну, нет, над вашей погодой я не властен, вот с электронами я что хочешь наколдую.

— Что хочу? Прекрасно! Наколдуй в телевизоре, чтобы получилась специально для нас с тобой интересная передача. Ведь в телевизоре электроны? Скажешь, нет?

Чип немного растерялся. Видно было, он не знает, что возразить, а признать себя побежденным ему не позволяет гордость. Но колебался он недолго, сверкнул глазами, нахлобучил свою шапочку, ринулся к работающему телевизору и, прежде чем Сережа успел его остановить, исчез за задней стенкой.

По экрану побежали полосы, раздалось гудение, и вдруг вместо диктора появилось улыбающееся личико Чипа.

— Готово! — весело крикнул Чип с экрана.— Теперь-то мы с тобой поиграем на славу![1] Вот этот маленький человечек будет за тебя.— Чип показал на смешного, карикатурного мальчика рядом с собой. Тот помахал Сереже рукой и улыбнулся до ушей.— Управлять ты им будешь с помощью ручек настройки телевизора. Поверти их и увидишь, что человечек будет двигаться, куда ты захочешь. А уж говори за него сам.

Сережа повертел ручки и скоро понял, как управлять мальчиком и как двигать его руками.

— Хватит без дела слоняться.— Чип взял мальчика за руку и повел за собой.— Пошли искать приключения! Кстати,— Чип обернулся и подмигнул Сереже,— посмотри, какая в моем электронном царстве прекрасная погода!

Действительно, на экране был замечательный день. Светило солнце, пели птички, Чип и мальчик шли по яблоневому саду.

Недолго думая, Сережа направил мальчика к яблоне и заставил на ходу сорвать самое румяное яблоко. И тут, как это часто бывает, когда нечаянно сорвешь яблоко, появился сторож.

— Я только попробовать хотел,— оправдывался Сережа за мальчика, который стоял, повесив голову перед грозным сторожем.

— Ах вот оно что,— пробасил сторож,— ты сорвал самое спелое яблоко,— значит, ты разбираешься в яблонях? Сейчас мы это проверим.— Он вынул из кармана черный шелковый платок и завязал мальчику глаза.— Вот тебе корзинка, полезай-ка на яблоню и собери все яблоки. Да смотри не подглядывай! А пропустишь хоть одно, полезай на следующее дерево и работай, пока не научишься.

Чип обернулся к Сереже, открыл рот, чтобы что-то сказать, но сторож так погрозил пальцем, что Чип прикусил язык и только умоляюще смотрел: не подкачай, мол.

Сережа подвел мальчика к дереву, и тот полез вверх, держа в одной руке корзинку. Изображение выросло во весь экран, так что было видно только место на яблоне, по которому полз мальчик. Вот он дополз до развилки.

«Так,— подумал Сережа,— полезем налево, там, помнится, было больше яблок. Только бы потом не забыть и про правую ветку».

Только на пятой развилке Сережа понял, что так дело не пойдет. Невозможно упомнить, на какую ветку мальчик уже забирался, а на какую — нет. Вконец замучившись, Сережа спустил мальчика с дерева. Сторож злорадно захохотал. Теперь, когда изображение уменьшилось, стало видно, что Сережа с мальчиком пропустили одну ветку, полную яблок.

Сережа задумался: «Прежде чем посылать мальчика на вторую яблоню, надо составить план. Вот полезет он на яблоню и вдруг — развилка. Тут надо действовать по порядку, чтобы ничего не спутать. Залез на одну ветку — обери ее до конца и уж только потом переходи к следующей. А на той ветке, где яблок уже не осталось, ниточку повяжи. Тогда хоть десять веток у тебя на развилке — все равно не перепутаешь. Спустился, например, с седьмой ветки, повязал ее у ствола ниточкой и оглядись: сколько еще не повязанных веток на этой развилке осталось. Ага, вот эти три, возьми любую и лезь на нее да яблоки собирай.

Итак, чтобы собрать яблоки со всего дерева, нужно добраться до первой развилки и поочередно обобрать каждую ветку. А как обобрать каждую ветку? Да точно так же: доползти до ее первой развилки и обобрать каждую из этих веточек. И так далее, пока ветки не кончатся. Смешно получается: я знаю, что мне делать на каждой развилке, но не могу заранее сказать, какое яблоко раньше сорву. А смогу я это сказать, только когда сверну к этому яблоку на последней развилке».

Сережа попросил у сторожа моток ниток и уверенно направил мальчика к дереву. На этот раз он не

---

[1] Ребята, Чип действительно может сделать такое чудо. Многие из вас видели электронные игры-приставки к телевизору. Этими играми управляют такие же маленькие чипы, что и сидят в компьютерах.

пропустил ни одного яблока. Даже строгий сторож улыбнулся, погладил мальчика по голове и подарил ему собранную корзинку яблок.

Выбравшись из телевизора, Чип гордо заметил: «Все-таки не зря я тебя учил рекурсивным сказкам и стишкам».

— А при чем тут они? — удивился Сережа.— Я просто составил план: добраться до первой развилки и по такому же плану просмотреть каждую ветку.

— Да это и есть рекурсивная программа, вернее, подпрограмма, потому что ее можно вставлять внутрь любой программы или подпрограммы. Вот как воспел ее один поэт, пожелавший остаться неизвестным.

Чип смущенно покашлял, принял торжественную позу и продекламировал:

Рекурсивный стих-подпрограмма
ОБИРАЕШЬ (ветку)
По стволу ты полезай, видишь яблоко — хватай.
На развилку вылез вдруг — ОБИРАЕШЬ (каждый сук).
Яблоки собрал — ВОЗВРАТ: лезешь по стволу назад.

Здесь все дело во второй строчке. Если ветка разветвляется, то и строчку тоже надо разветвить: заменить слова ОБИРАЕШЬ (каждый сук) на весь стишок для каждого сучка. Сколько сучков, столько и стишков. Если и те разветвятся, то и стишки размножатся. Вот смотри, как это нарисовал художник.

— Знаешь,— продолжал Чип,— после цикла «дерево» — самое важное в программировании. Конечно, не яблоня и не дуб, а «дерево», как схема выбора. Подпрограмма, которую мы составили, так и называется во всех учебниках: «обход дерева». Все программы, которые управляют сложными процессами, например, ведут воздушный бой или играют в шахматы, перебирают варианты, как и при сборе яблок с дерева. А компьютеры будущего, ученые называют их компьютеры пятого поколения, смогут сами перебирать варианты. Скажешь им: «Собери все яблоки»,— и они будут автоматически обходить все ветки, не пропуская ни одной.

Ну ладно,— закончил свои объяснения Чип,— небо-то прояснилось, надо тебе и погулять.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята, сегодня Чип вам дает задание составить рекурсивную подпрограмму для сбора плодов с дерева манго.

Представьте тропический лес, деревья, опутанные лианами, усыпанные гнездами попугаев. Лианы спускаются на землю, свисают над водой, а где-то оказывается, что это не лианы даже, а змеи...

Как собрать с дерева все плоды и не набрать в корзинку птичьих гнезд?

Один шаг Чип вам подскажет:

«Если сполз по ветке на землю, снова иди к дереву».

Лучшие подпрограммы будут напечатаны. На конверте напишите название задания: «ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ДЖУНГЛЯХ».

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В кают-компании «Кораблика»

Поэтическая речь

БОЦМАН: Разбор почты заканчивается, капитан.

ЮНГА: Осталось прочитать стихотворение москвички Маши.

БОЦМАН: Дайте-ка мне стихи, юнга. Я кратко перескажу содержание: девочка смотрит в окно, на улице идет дождь, падают листья. Предлагаю взять на борт!

ЮНГА: Чем же интересно стихотворение? О чем оно?

БОЦМАН: Юнга, если вы будете так невнимательны, мы сядем на мель.

ЮНГА: Разрешите прочитать стихи, капитан!

Я смотрю в окошко —
Грустная картина.
Меж землей и небом
Дождь, как паутина.

Он закутал рощу
Тонкой, серой шалью.
Он стучит по окнам,
Как по наковальне.

БОЦМАН: Вы убедились, юнга: мой пересказ краток, но точен.

КАПИТАН: Дорогой боцман, вы перевели стихи на язык прозы — разрушили их.

БОЦМАН: Разве поэты и прозаики говорят на разных языках?

КАПИТАН: Поэтическая речь более образна, выразительна... В стихах много эпитетов, сравнений, метафор.

БОЦМАН: Простите, капитан, я не заметил в стихотворении этих слов. Прошу назвать их.

КАПИТАН: Слово «эпитет» переводится с греческого как «приложение». Эпитет словно присоединяется к другому слову, придает ему особое настроение, окраску.

ЮНГА: Думаю, в стихотворении Маши эпитетом можно назвать слово «грустная». Оно присоединяется к слову «картина», уточняет его.

КАПИТАН: Сравнение помогает пояснить слово, сравнивая его с другим. Соединяются слова в сравнении часто союзами «как», «словно»...

ЮНГА: Наверное, сравнение в этом стихотворении — «дождь, как паутина».

БОЦМАН: Пожалуй, соглашусь с вами, уважаемый капитан. Сразу ясно, какой дождь идет за окном.

ЮНГА: Серый, мелкий, однообразный.

КАПИТАН: И метафоры помогают точнее определить значение слов, сближая их по сходству или, наоборот, по различию. Значение одного слова здесь как бы переносится на другое. Метафора так и переводится с греческого — «перенос».

ЮНГА: Маше показалось, что дождь похож на тонкую, серую шаль. Вот и возникла у нее метафора «он закутал рощу тонкой, серой шалью».

КАПИТАН: Как видите, боцман, слова в стихах живут в определенных отношениях, уточняя, поясняя друг друга. Нарушение этих связей разрушает настроение, содержание стихотворения.

ЮНГА: Поэтому язык стиха непереводим на язык прозы.

КАПИТАН: Предлагаем и вам, уважаемые читатели, подобрать эпитеты, сравнения к слову «ДОЖДЬ». Попробуйте написать и метафоры.

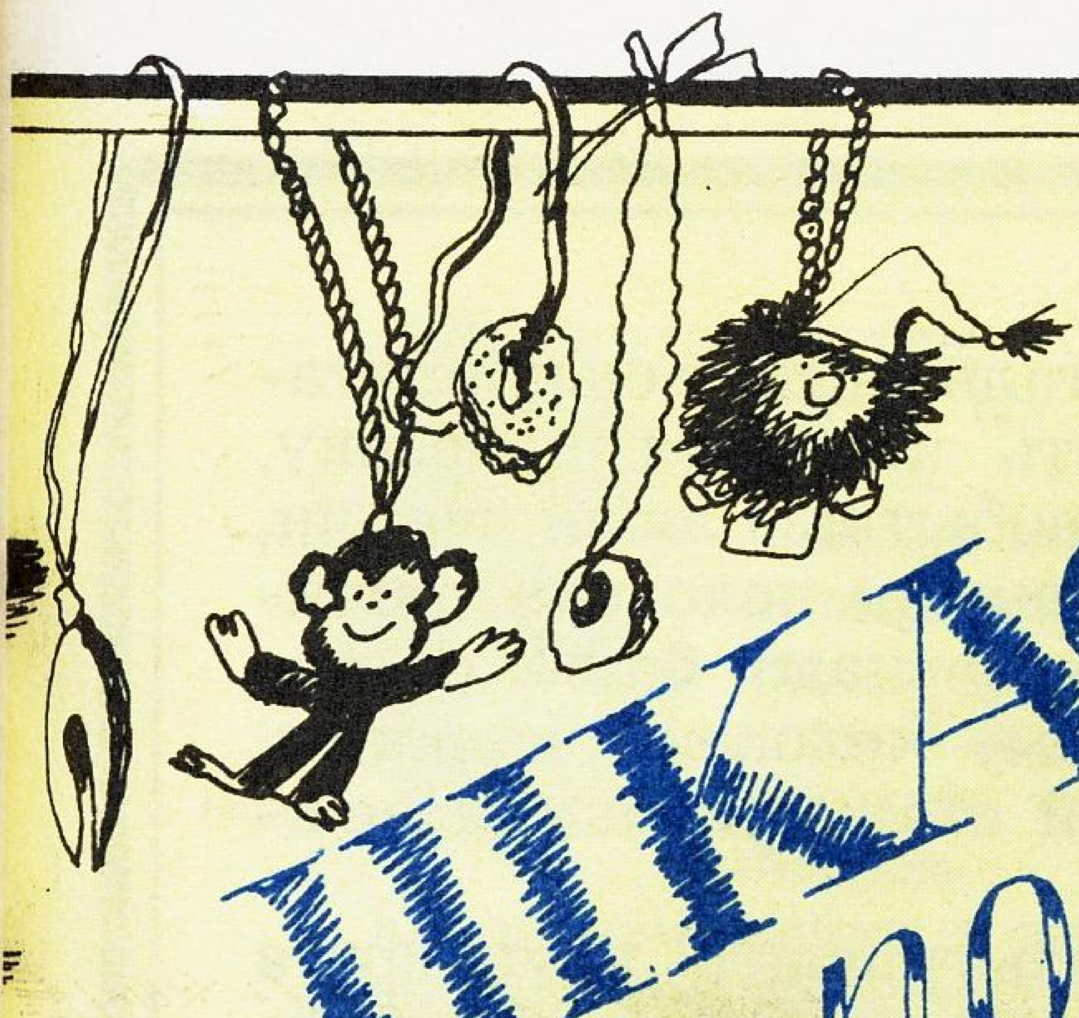
Представьте себе такую картину: три дня назад дорогу мне перебежал шкаф. Есть чему удивиться. После этого я пришел домой и рассказал обо всем дедушке. Дедушка подумал хорошенько, поскреб затылок и авторитетно сказал: «Примета такая есть, внучек. Ежели шкаф или сундук перебежит тебе дорогу, значит, быть тебе боцманом торгового флота».

«Такого не может быть», — скажете вы. А почему? Почему надо бояться черной кошки, а не рыжей собаки? Или какое отношение имеет упавший нож к гостю? Давайте попробуем разобраться.

Все вы учитесь в школе, учитесь по-разному. Есть среди вас и отличники, и двоечники. Неудивительно, что самыми суеверными бывают те, кто плохо учится. Пробегал, например, Саша весь вечер на улице, не выучил урока, а на следующий день идет в школу. Идет и боится, как бы его не вызвали к доске. Для этого у Саши есть несколько «верных» примет: держать весь урок пальцы сжатыми в кулак или не смотреть на учителя, тогда он не заметит тебя. И что ж, помогает... если учитель и не собирался вызывать Сашу.

А в старших классах. Чего только не делают выпускники на экзаменах! Надевают платье или костюм, в котором они уже получили хорошую оценку, не моют головы перед экзаменом, берут экзаменационный билет только правой рукой, а на шею вешают какую-нибудь безделушку — талисман. Так стоит ли тогда готовиться к экзаменам? Не проще ли повесить на себя несколько амулетов, взять билет правой рукой — и пятерка в кармане. К счастью, все обстоит иначе, и никакие безделушки не помогут двоечнику скрыть свое невежество.

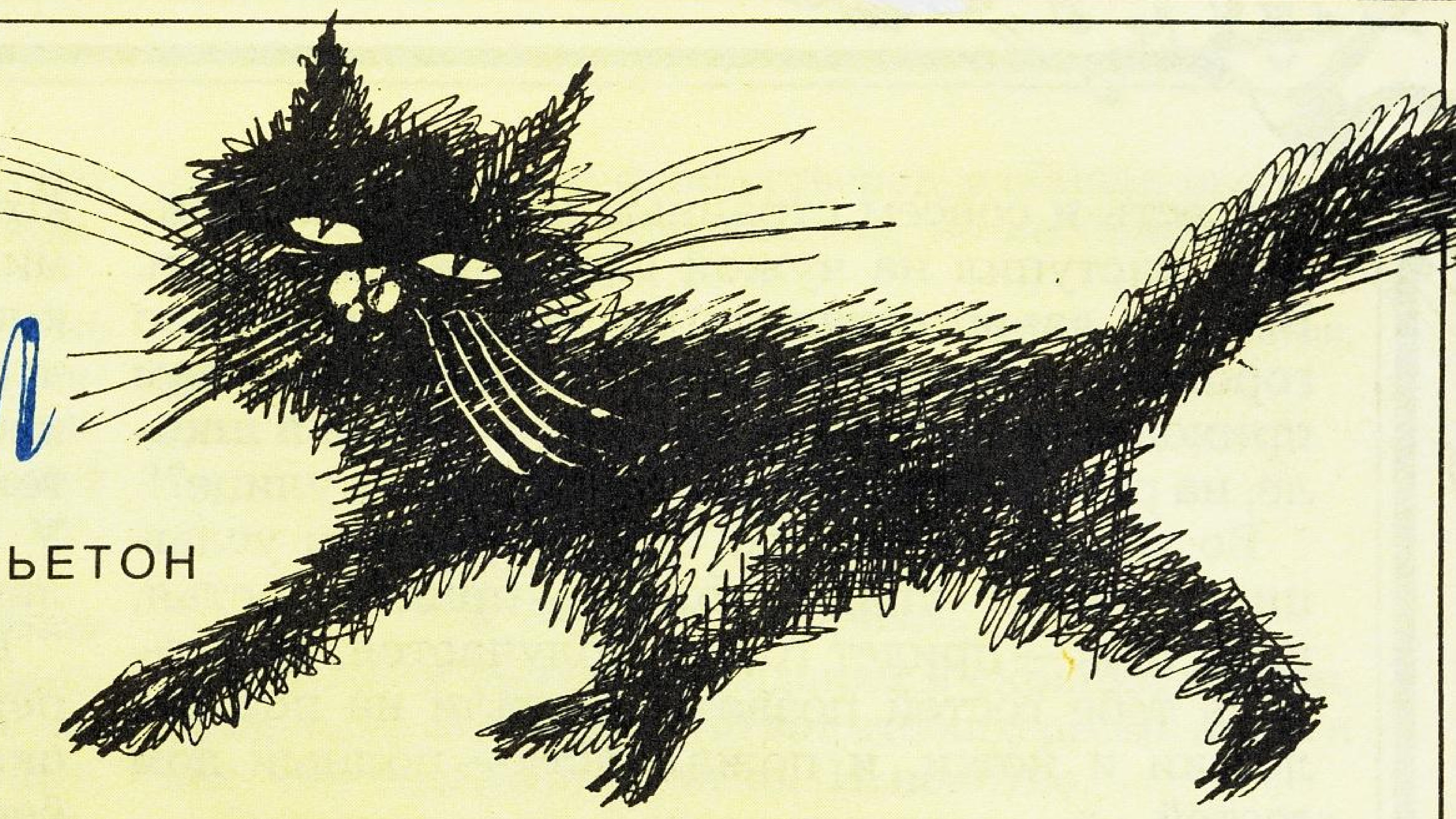
Далеко уходят корни суеверий. Какие-



А. САЛОМАТОВ

ШКАФ попутал

ФЕЛЬЕТОН



то — к первобытному человеку, другие — в средние века. Но у всех у них один родитель — страх. Страх перед неведомыми силами природы, перед смертью или неурожаем.

Когда-то древние славяне поклонялись духам умерших людей. Они хоронили своих родственников под порогом дома и думали, что духи могут вредить и помогать живущим. Поэтому не принято было разговаривать у порога, ведь духов можно было потревожить, а за это они могли поссорить хозяина с гостем. Давно уже многие перестали верить в духов, но примета не здороваться через порог до сих пор жива.

Мало кто задумывается, что лежит за теми или иными суевериями. Вот, например, некоторые из вас плюют через левое плечо, чтобы отвести от себя беду. А откуда взялась эта примета, знают далеко не все. Когда-то верующие считали, что у каждого человека есть два духа: «Ангел-хранитель» и «бес-искуситель». «Ангел-хранитель» помещался с правой стороны, а «бес-искуситель» — с левой. Стало быть, человек плевал в бяку беса, чтобы тот не помешал исполнению желания. Левый глаз также «ближе к бесу», значит, когда он чешется — это к слезам. Вспомчите и левую руку, которой на экзамене нельзя брать билет. И здесь, значит, может «бес» попутать. Так чем же в таком случае шкаф, перебегающий улицу, необыкновенней «беса-искусителя»? Видно, тот же самый страх, только перед плохой оценкой, заставляет нерадивого ученика искать защиты в суевериях. Но для таких учеников есть замечательная примета: надо хорошенько выучить урок. Можете не сомневаться — эта примета не подведет.

Коль уж я упомянул об амулетах, давайте поговорим и о них. Что такое «куриный бог», знает каждый. Это камешек с дырочкой. На пляжах Черного моря я много видел людей с такими камешками на шее. В детстве я сам носил клешню краба на толстой нитке. Мне ее подарил уже пожилой дядя. Он сказал, что это талисман для того, чтобы не утонуть в море. А позже я узнал, как много людей до сих пор верят в амулеты и талисманы. Многие из вас видели семь мраморных слоников, которые должны охранять домашний покой. А как часто владельцы автомашин вешают на лобовое стекло разных чертиков, обезьянок или матрешек. И не всегда это делается для красоты. Как раз чаще всего «на всякий случай», «а вдруг да поможет».

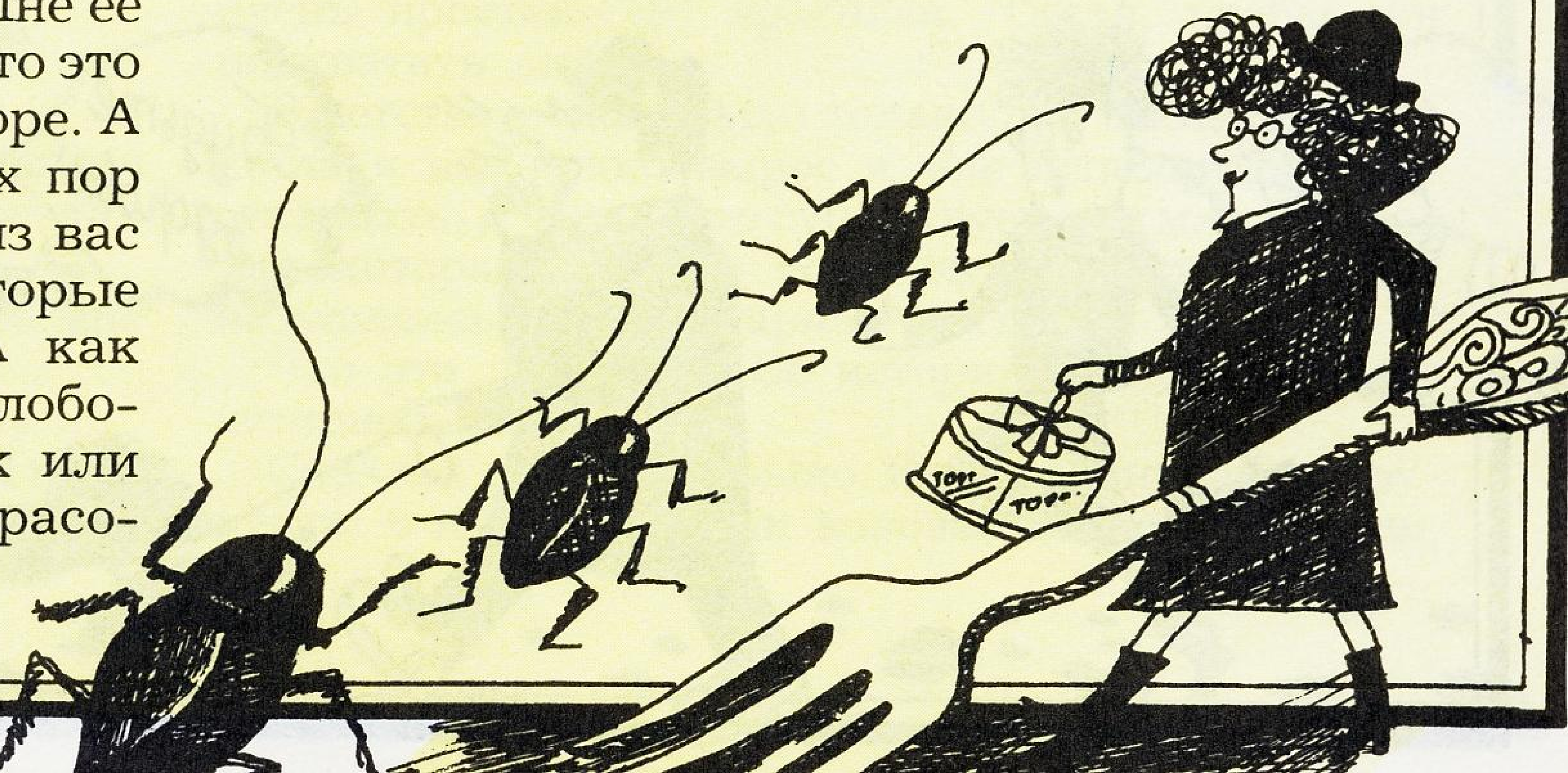
Вера в амулеты и талисманы берет свое начало от первобытного колдовства. Беззащитные перед силами природы люди наделяли некоторые предметы чудесными свойствами: защищать от злых духов, отводить болезни, приносить удачу. Например, нашел древний охотник камень, отдаленно похожий на какое-нибудь животное. Камень ему понравился, и человек взял его с собой на охоту. Охота оказалась удачной, и охотник приписывал удачу удивительному камню. Так камень становился талисманом. Подобные талисманы были в ходу у всех народов. Ими могло быть все что угодно: кусок шкуры, лапы или зубы убитого зверя. У некоторых народностей Сибири, например, перед домом вешали медвежью голову. Она отгоняла злых духов.

Колдуны Австралии носили блестящие камни, и чем больше таких камней было у колдуна, тем могущественней он считался.

Сверхъестественная сила приписывалась драгоценным и полудрагоценным камням. В средние века считалось, что драгоценные камни — живые и могут болеть. Считалось даже, что камни могут обижаться и поэтому теряют свой цвет и гладкость.

Согласитесь, легко было бы справляться с трудностями, если бы все эти приметы чего-то стоили. Запасся амулетами на все случаи жизни, и все в порядке: здоровье и безопасность тебе обеспечены. Все неудачи отведет нужный камень. Живи себе, ни о чем не думая, ничего не делай, все само придет.

А сколько нелепых примет до сих пор живет рядом с нами. Многие ребята считают, например, что если убить лягушку, то пойдет дождь. Не оттого дождь пойдет, что ты нечаянно лягушку раздавил. Это лягушки под ноги из-под каждой кочки лезут, потому что чувствуют: скоро пойдет дождь.



А есть и совсем странные приметы. Например, наступил на чужой след — заболят ноги. Все мы давно остались бы без ног, особенно горожане. Представляете, сколько раз нам приходится наступать на чужие следы в школе, на работе, в транспорте и просто на улице?!

Во многих домах до сих пор можно услышать такое: упала ложка — придет гостья, упал нож — придет гость. Получается, захотелось тебе гостей позвать, вывали на пол все ложки и ножи, и пожалуйста — полный дом гостей.

Многие ребята и взрослые считают, что нет ничего страшного в суевериях. Ну, подумаешь, на всякий случай плюнул через плечо. А что здесь такого? А «такое» здесь есть. Еще великий французский писатель Эмиль Золя сказал: **«Суеверие опасно, допускать его существование — в этом есть даже известная трусость. Относиться к нему терпимо — не значит ли это навсегда примириться с невежеством и возродить мрак средневековья? Суеверие ослабляет, оглупляет...»**

Не все суеверия безобидны. До недавних пор у некоторых народов существовали кровожадные предрассудки. Были племена, использующие «бобы правосудия». При помощи этих ядовитых бобов находили преступника. Население свято верило в силу растения — «судьи». Напуганный преступник старался съесть как можно меньше этих бобов и умирал потому, что именно малая доза и убивает, а большая просто вызывает рвоту. Но не всегда благополучно заканчивался поиск преступника. Отравлялись и ни в чем не повинные люди.

А зачем, скажите, бороться за счастье? Оторвал счастливый билетик в автобусе или трамвае и будь счастлив. Глупо.

Приметы мешают нам работать, учиться и жить полной, интересной жизнью. Они отнимают у нас веру в себя, в свои силы и заставляют искать защиты у пережитков прошлого. Они удаляют нас от настоящей жизни. Каким странным сейчас должно казаться: рассыпал соль — поссоришься. Когда-то это действительно было так. Триста лет назад пуд соли стоил столько же, сколько и дом. И если кто-нибудь просыпал эту дорогую приправу, то его ругали за это. Но сейчас-то соль можно купить в любом магазине, и стоит она несколько копеек.

Довольно много у нас примет и таких, которые как бы перестали считаться приметами. Например, желать здоровья человеку, когда он чихнул. Первобытные люди верили, что во время чихания внутрь человека проникает злой дух, поэтому надо было обязательно пожелать такому человеку здоровья. У нас же этот обычай стал признаком вежливости.

Или, например, разыгрывать друг друга первого апреля. Веселый обычай, если шутка окажется веселой, но он, как и все приметы, берет свое начало в первобытном невежестве. Когда-то во время празднования встречи весны люди хоронили чучело злого духа — зимы. А чтобы злой дух не узнал, кто виновен в его смерти, люди надевали маски, обманывали его. Так до сих пор и обманывают. Только теперь не злого духа, а друг друга.

И все же есть полезные приметы. Человек собрал их, веками наблюдая за природой. Выдающийся русский климатолог и метеоролог Александр Иванович Воейков когда-то написал: «...нужно торопиться записать народные изречения, касающиеся климата и погоды и ее влияния на хозяйство, затем разработать их критически и сохранить для потомства». «Нельзя не воспользоваться результатами народной мудрости, ведь наши земледельцы должны были подметить многие явления климата и погоды...»

Все вы знаете, как можно определить изменение погоды по полету ласточки. А наблюдательные люди могут предсказывать погоду и по поведению растений. Например, перед дождем одуванчик сжимает свой пушистый шар, ноготки закрываются, фиалка сгибает стебелек. Цветы полевого вьюнка перед дождем плотно закрываются, а шишки репейника наоборот — расправляют крючки. Если утром трава сухая, значит, к ночи жди дождя. Многие растения перед ненастьем начинают выделять больше нектара, сильнее пахнут, как, например, цветы желтой акации.

Но всегда даже к полезным приметам надо подходить критически и искать их научное объяснение.

Нужно ли тащить с собой в будущее давно отживший хлам — суеверия и предрассудки? В будущее, где вы станете рабочими и учеными, конструкторами и космонавтами, а я, может быть, писателем?

Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

МОЙ КОНЕК

Б. МИНАЕВ

Струны для тебя

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

С детства я считал, что у меня нет слуха. Ну нет, и все тут, что поделаешь.

Мама с папой, правда, никак не хотели мириться с этим вполне естественным и нормальным недостатком. И однажды мама отвела меня в детскую хоровую студию Дома пионеров.

Когда принимают в хор, слух проверяют таким образом. Экзаменатор стучит костяшками пальцев по столу или по крышке пианино: тра-та, тра-та-та, та-тра-та... А ты должен повторить. Я повторил. Экзаменатор — добрая, усталая женщина посмотрела на мою маму и, наверное, увидела в ее глазах такую мольбу, что ласково погладила меня по голове и сказала: «Ладно. Приходи завтра».

Завтра я пришел. Не помню, что разучивал хор. Какую-то мелодичную, звонкую песню. Руководитель иногда останавливал пение и, подняв руки, строго говорил:

— Не слышу «соль»! Сережа!

Или:

— Тянем, Света, эту нотку! Тя-янем! Еще раз!

И когда, наконец, все «соль» и «до» были отлажены, руководитель кивнул мне, и я запел вместе со всеми. Радостно, с удовольствием.

Но почему-то все сразу замолчали. И посмотрели на меня. Некоторые даже привстали на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Руководитель улыбнулся и сказал:

— Знаешь что? Спой теперь один. А мы послушаем.

Слова я уже успел выучить. И когда раздался вступительный аккорд, я... запел. Уже не так уверенно и бодро, но все-таки запел.

А на следующее занятие я не пошел. Жаль мне стало себя: обидно, когда нет слуха.

И все-таки иногда я пел вместе с мамой.

Было это на наших семейных праздниках. И пели мы всего две песни: первая — «Бригантина». Про расставание, море, флибустьеров, в общем, про все, чтобы было не очень понятно, но необыкновенно красиво и интересно.

А вторая песня — «Гренада». Вы все, наверное, ее знаете.

И яблочко-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...

Что такое смычки страданий и скрипки времен, тоже было непонятно. Но вот что интересно: когда я пел, все становилось ясно! И понятно.

Голос у моей мамы был удивительный: не густой, и не звонкий, не громкий и не тихий. Мне казалось, что в этом голосе жило все: и море, и украинская степь, и звезды, и флибустьерская тоска, и испанские страсти.

Когда я пел эти две песни, то совершенно забывал о мелодии и о своем голосе, и пел правильно, чисто, как надо. И еще я слушал маму. И голос мой чудесным образом сам выводил все нужные рулады, а если иногда где-то соскальзывал, я тут же его подправлял. Будто ластиком подтирал рисунок.

И еще, наверное, дело в том, что это были не просто песни. Это были песни для гитары. Для самодеятельного, а не профессионального исполнения. Их сочинили люди, которые не учились музыке, а просто любили стихи и песни. И они захотели услышать музыку именно этих стихов.

А когда они услышали — мелодия получилась очень простая. Но красивая. Такая, чтобы мог подхватить любой.

В детстве у меня было только две такие песни. А когда я немножко вырос и мне исполнилось шестнадцать, я узнал, что существует еще масса песен, для которых у меня есть слух и есть голос! И назывались они — гитарные песни.

Что это за песня? Ее история тесно связана с историей гитары.

Сначала гитары не было. Но деревянные инструменты с привязанными воловьими жилами были,

наверное, с самого начала возникновения искусства. У каждого народа есть свои аналоги и предшественники гитары. Цимбала, мандолина, ситар. Но самым распространенным предшественником гитары в Европе была, наверное, лютня. Лютня обладала изысканным, «аристократическим» звучанием, близким к гитарному.

Все эти инструменты служили для домашнего пения, пения во время народного праздника, пения в кругу друзей и близких.

Благодаря гитаре и лютне появилась песня, в которой важны были сами слова, поэзия. Рассказ о каких-то событиях, исповедь чувств. Это была песня негромкая, проникновенная, интимная. Песня о главных для человека вещах: о любви, мужестве, страданиях, о борьбе за справедливость. Были песни и веселые, ироничные.

Сочиняли их безвестные авторы, певцы из народа: барды, менестрели. Порою они становились бродячими артистами, зарабатывали этим себе на хлеб. Мало кто знал их имена, но песни знали.

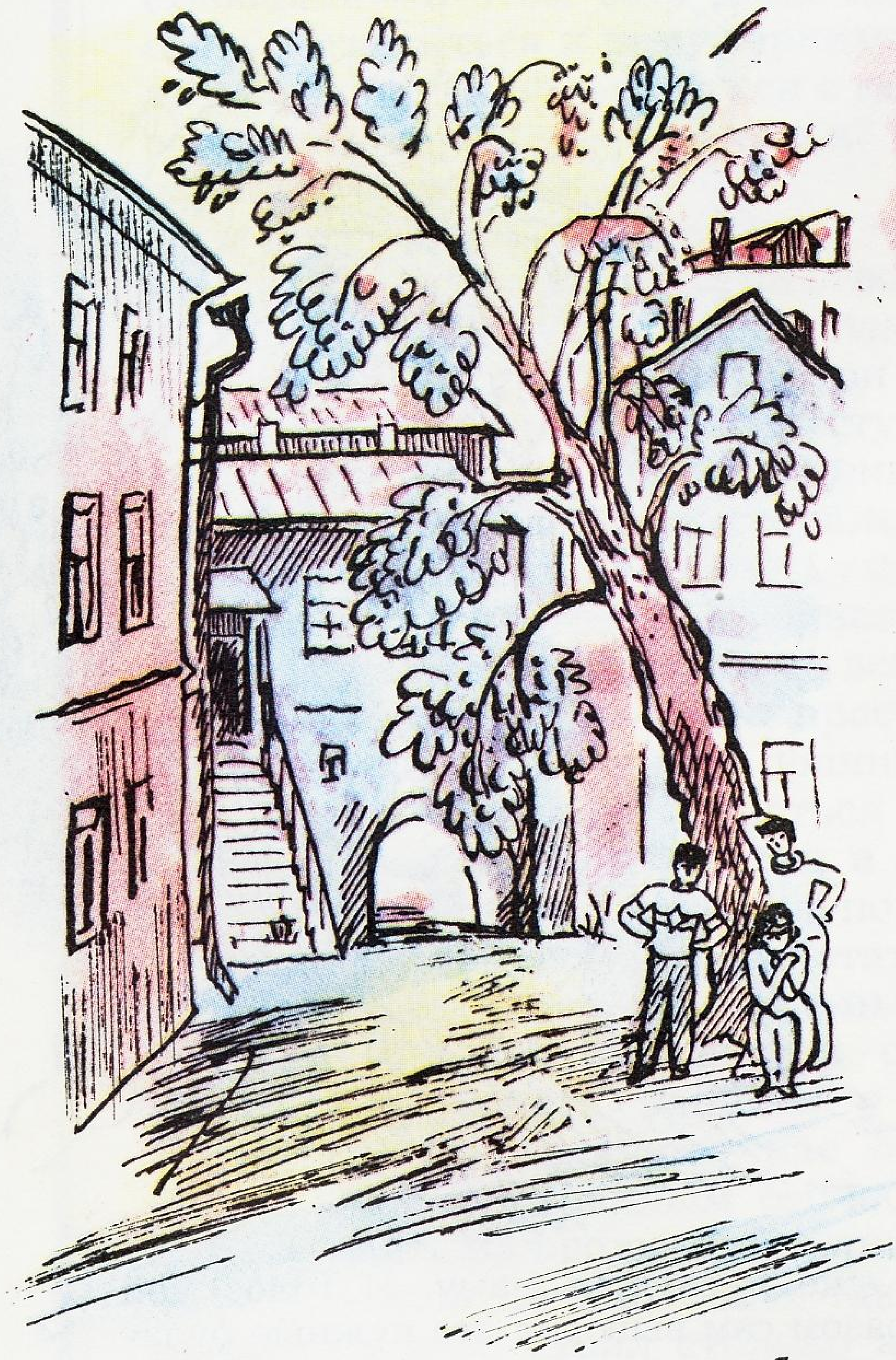
И еще — ЭПОХА ПЕРВОЙ ДРУЖБЫ. Первой настоящей дружбы в моей жизни.

Мои друзья любили петь. Мы пели у костров в походе. В электричке. В автобусе. Когда расставались. Когда грустили и когда радовались.

Жаль, что я не могу вам спеть все эти песни. Каждому отдельно. Можно было бы написать их слова на бумаге, но это будет не то. Вы не сможете заплакать, когда МАЛЕНЬКИЙ ТРУБАЧ упадет, подкошенный пулеметной очередью, на траву. Не сможете замерзнуть от холода и тоски на СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ. Припасть щекой к земле вместе с героем песни, в которой есть слова, что кажутся мне самыми волшебными и светлыми в мире: «Надежда, я вернусь тогда...»

Потом друзья в день моего рождения подарили мне ГИТАРУ!

Я трогал струны. Я гладил деку и гриф. Я осторожно вертел колки. Мне казалось, что лучшего подарка в моей жизни уже не будет. И, пожалуй, я был прав.



Эти песни становились всеобщим народным достоянием.

Ба́рдовая песня дожила и до наших дней. В каждой стране соответственно ее музыкальным традициям выработался свой стиль, и мы легко сегодня отличим американскую гитарную балладу от французского шансона, где обязательно прозвучит аккордеон, а может быть, и пианино. Творцов сегодняшней бардовой песни, современных бардов, теперь знают, они стали популярными, стали даже «звездами», их записывают на пластинки, показывают по телевидению, им помогают крупнейшие музыканты, да и сам музыкальный уровень их песен стал высок. Но до сих пор прелесть этой песни, на каком бы языке она ни звучала,— в ее простоте, безыскусности, доступности, камерности, напевности. В том, что это песни для **души,** для пения в кругу друзей.

Итак, был год моего ПЕСЕННОГО СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ.

Как вы, наверное, уже поняли, песни для нас были не только развлечением. Они были чем-то большим. Все пели по-разному, и нельзя сказать, чтобы уж очень стройно, однако каждый чувствовал себя во время песни ТВОРЦОМ. Творцом чего-то, что возникает — непременно возникает! — когда поешь, забывая о голосе и мелодии: фантазия, образы, идея.

Наверное, это и есть самое важное в песне: **забывать** о том, как поешь, отдаваться целиком звучанию слова.

Когда появилась гитара, я научился говорить с друзьями языком песни. Угадывать их настроение. Менять его. Поскольку гитара была в моих руках, я был в некотором роде ГЛАВНЫМ ХРАНИТЕЛЕМ ПЕСНИ. И от этого стал себя больше уважать. Избавился — почти — от своей робости и скованности.

Вот как много дала мне гитара. Но не только это. Гитара дала мне и первые уроки поэзии.

Первые песни, которые я выучил (подобрал к ним аккорды), были песнями Булата Окуджавы. Есть такой замечательный поэт, который к своим стихам пишет музыку и эти песни сам исполняет. Вы наверняка слышали некоторые его песни.

Именно песни Окуджавы открыли для меня мир поэзии, который я до того не знал и не любил. Раньше, в детстве, стихи казались мне скучными, рифмы — надуманными. И только благодаря песне в мою жизнь вошли Пастернак, Шекспир, современные поэты. Я стал понимать поэтический язык, без которого многое в мире становится непонятным!

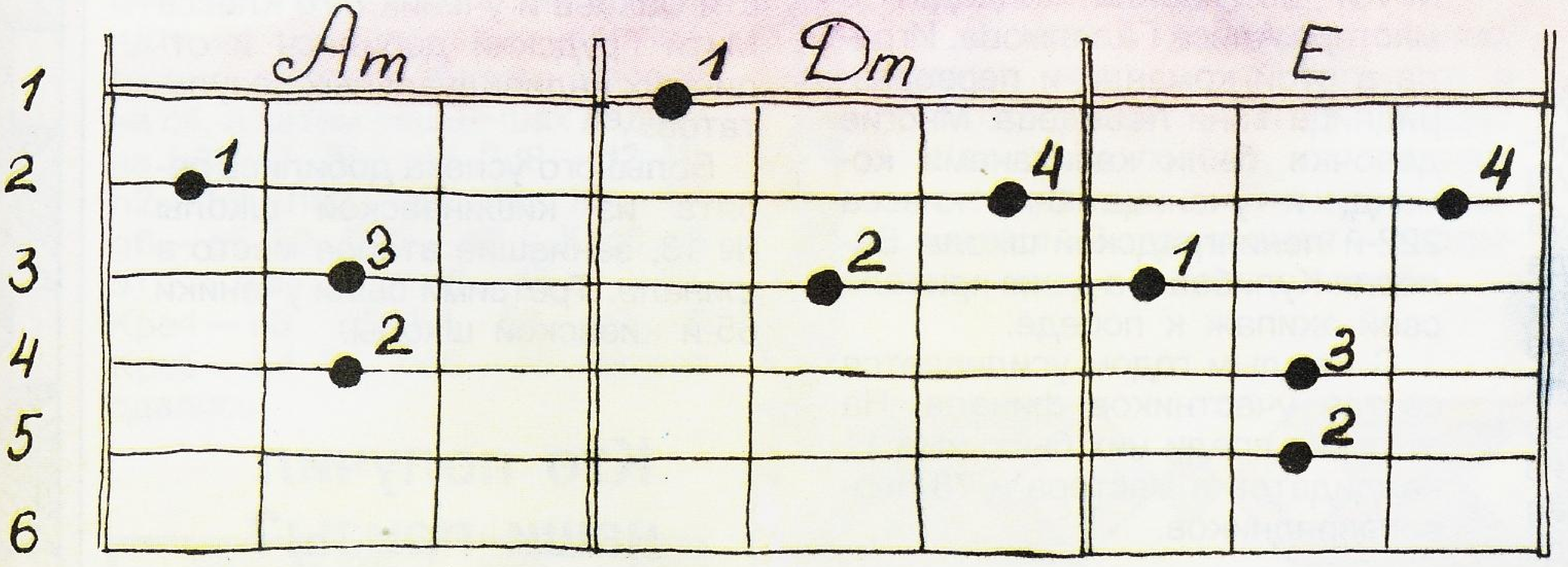
Почему это произошло? Да очень просто. Песни — хорошие песни — словно бы высвечивают ткань стихов, укрупняют то, что в тексте скрыто от непривычного глаза.

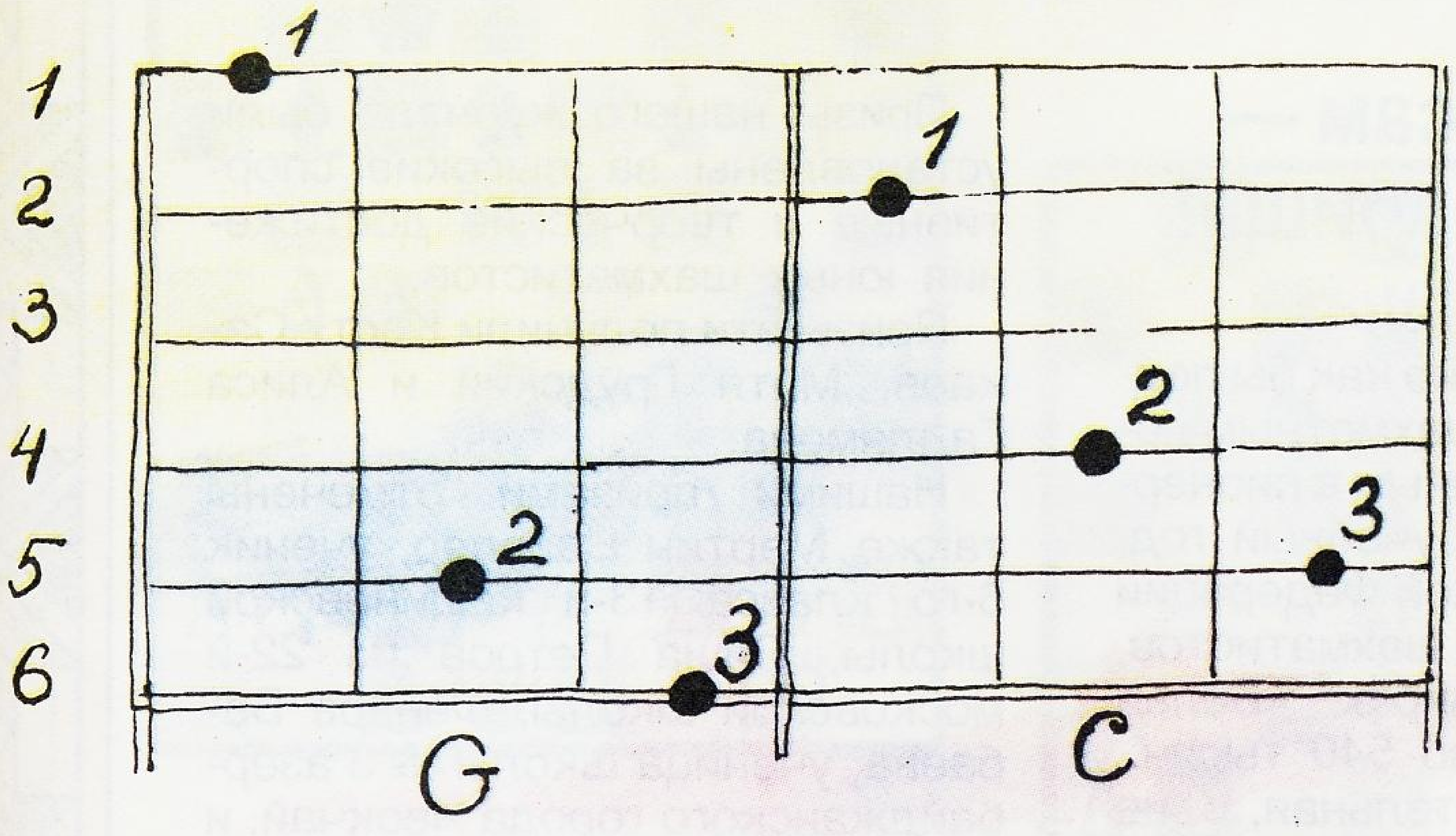
Песни — ключ к шифру поэзии.

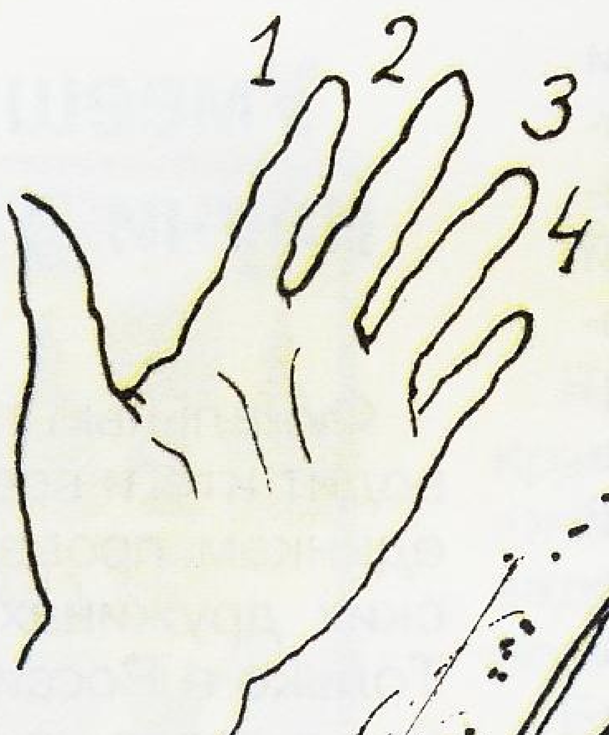
А теперь я перехожу к СОВЕТАМ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ.

Перед вами — схематические обозначения основных гитарных аккордов, обычно именно их и используют в аккомпанементе песни. На рисунке вы видите гитарный гриф, струны (с первой по шестую), лады (в нашем случае нужны только первые три), точками указаны места зажима струн пальцами (счет пальцев начинается с указательного, поскольку большим зажимается сам гриф, 1 — указательный, 2 — средний, 3 — безымянный, 4 — мизинец). Сначала попробуйте взять на гитаре эти аккорды, потом — выучить мелодию песни и попробовать подобрать к ней сопровождение по буквенным обозначениям аккордов.

Без помощи другого человека, который уже освоил гитару, вам, конечно, не обойтись. Но первые попытки можно сделать и самостоятельно. Тем же, кто решит заниматься гитарой всерьез, советуем обратиться **к книге А. Николаева «Самоучитель игры на шестиструнной гитаре»** (издательство «Музыка», 1985) или к **школе игры на гитаре для начинающих в еженедельнике «Собеседник»** (публикации начались еще в прошлом году).







Песенка о Леньке Королеве

Стихи и музыка Булата ОКУДЖАВЫ

Во дворе, где каждый вечер все играла радиола,
Где пары танцевали, пыля,
Ребята уважали очень Леньку Королева
И присвоили ему званье Короля.

Был Король, как король, всемогущ, и, если другу
Станет худо и вообще не повезет,
Он протянет ему свою царственную руку,
Свою верную руку и спасет.

Но однажды, когда «мессершмитты», как вороны,
Разорвали на рассвете тишину,
Наш Король, как король, он кепчонку, как корону,
Набекрень и пошел на войну.

Вновь играет радиола, снова солнце в зените,
Да некому оплакать его жизнь,
Потому что тот король был один, уж извините,
Королевой не успел обзавестись.

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(По делам или так — погулять),
Все мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять.

Потому что на войне, хоть и, правда, стреляют,
Не для Леньки сырая земля!
Потому что виноват, но я Москву не представляю
Без такого, как он, короля.

«Белая ладья» в Мелитополе

В начале лета небольшой украинский город Мелитополь принимал участников финала XVIII Всесоюзных соревнований клуба ЦК ВЛКСМ «Белая ладья». Сюда приехали лучшие шахматные команды пионерских дружин из всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. Впервые в финале играли и ребята из братской Болгарии — самая сильная пионерская команда республики.

Быстро пролетели две недели увлекательных спортивных поединков. И вот закрытие турнира. Оно проходило на главной площади города — площади Победы. Большое внимание зрителей привлекли «живые шахматы». На громадной шахматной доске, расчерченной на площади, живыми фигурами были разыграны одна из партий экс-чемпиона мира А. Карпова и красивая шахматная задача, о которой речь еще впереди.

Кто оспаривал победу

Вы знаете, конечно, ребята, что по уставу клуба «Белая ладья» в состав каждой команды, выступающей в финале, входят четыре мальчика и одна девочка. Правда, на этот раз в устав были внесены некоторые изменения. В ряде команд мальчиков потеснили девочки. Так, в команде волгоградской школы № 45 выступали три перворазрядницы — Света Донскова, Наташа Меринова и Наташа Минкина. Команду казанской школы №131 возглавила кандидат в мастера Алиса Галлямова. Играла в этой команде и перворазрядница Таня Лебедева. Многие девочки были капитанами команд, и ученица 6-го класса 222-й ленинградской школы Валерия Кулибанова даже привела свой экипаж к победе.

С каждым годом усиливается состав участников финала. На этот раз среди них было уже 11 кандидатов в мастера и 78 перворазрядников.

Умеешь сам — научи товарища!

Финальный турнир как бы подводит итоги всем шахматным поединкам, проведенным в пионерских дружинах за учебный год. Только в Российской Федерации количество юных шахматистов, игравших в турнирах «Белая ладья», превышало 540 тысяч.

Цифра внушительная, не правда ли? И все же во многих республиках «Белая ладья» еще не стала по-настоящему массовой. Достаточно сказать, что даже в Москве только третья часть школ провела свои пионерские шахматные турниры.

Мы считаем, что каждый юный шахматист, имеющий высокий спортивный разряд, должен не только сам заниматься изучением стратегии и тактики игры, но и быть организатором школьных шахматных дел. Умеешь сам — научи товарищей, пусть и они поймут красоту и радость шахматного творчества!

Редакция нашего журнала установила десять премий ребятам, лучшим организаторам пионерских турниров в своих школах. Премии будут вручаться на финалах первенства по представлению республиканских штабов клуба «Белая ладья».

Ленинградцы — победители финала

Опередив всех соперников, главный приз завоевала команда 222-й ленинградской школы. Лидеры этой команды, кандидаты в мастера пятиклассник Костя Сакаев и ученик 6-го класса Митя Грудский добились и отличных индивидуальных результатов.

Большого успеха добились ребята из кишиневской школы № 13, занявшие второе место в финале. Третьими были ученики 65-й киевской школы.

Кто получил наши призы?

Призы нашего журнала были установлены за высокие спортивные и творческие достижения юных шахматистов.

Призы эти получили Костя Сакаев, Митя Грудский и Алиса Галлямова.

Нашими призами отмечены также Мартин Цайзлер, ученик 6-го класса 13-й кишиневской школы, Саша Петров из 22-й московской школы, Фенара Бабаева, ученица школы № 3 азербайджанского города Чеокчай, и Александра Прайс, ученица алма-атинской школы № 16.

За организованность и дружбу в команде «Пионер» наградил ребят из школы города Свиштов Народной Республики Болгарии и команду пионерской дружины школы № 5 города Кяйданай Литовской ССР.

Как играли ребята

Эта позиция возникла в партии Алисы Галлямовой и кандидата в мастера Карукаса Шулькиса (Кяйданай). У белых позиционный перевес, который четко реализовала Алиса.

Ребята, хотите узнать, как зовут человека, который ведет в журнале «Пионер» шахматные страницы?

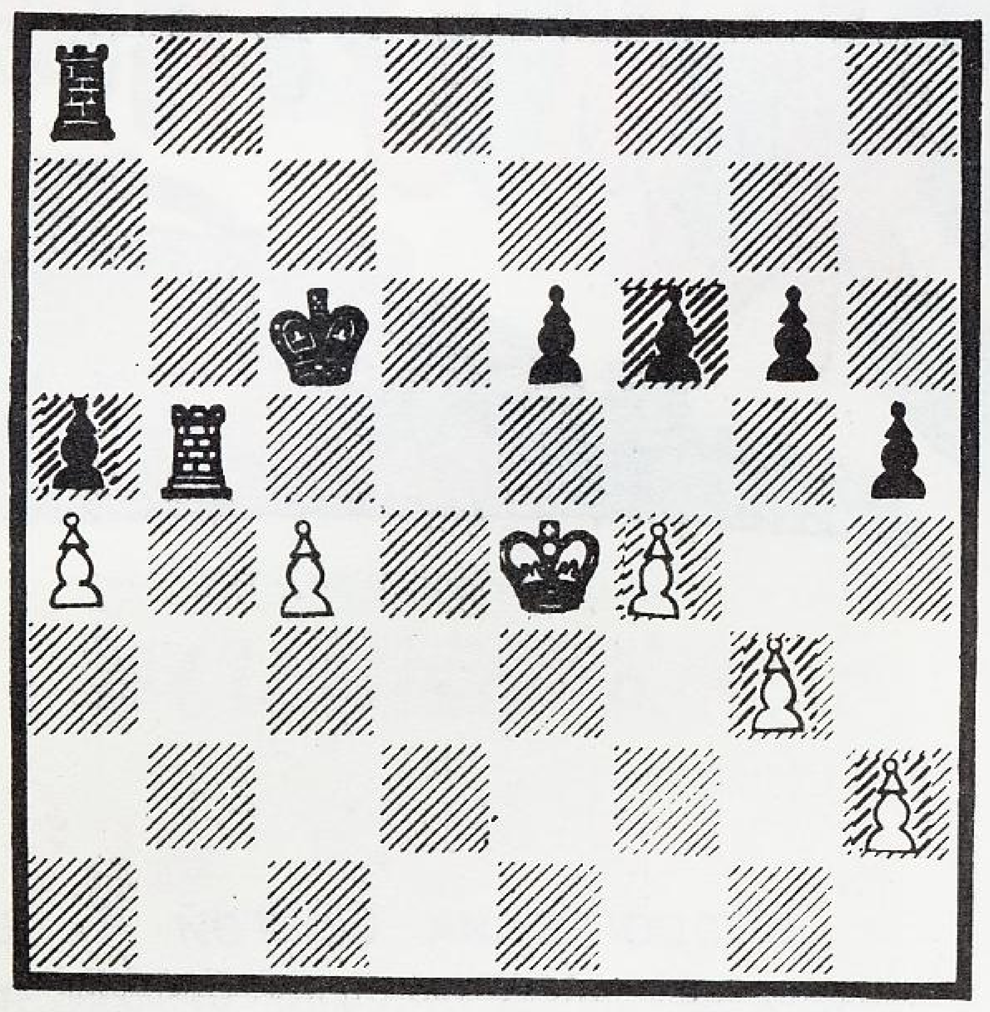
В нашей редакции обычно, когда ждут этого человека в гости, говорят: «Сегодня придет Шах». Шах потому, что шахматные страницы в «Пионере» называются «В стране шаха — владыки черных и белых полей».

А по-настоящему Шаха зовут Михаилом Михайловичем Юдовичем. Он международный мастер, заместитель главного редактора журнала «Шахматы в СССР» и более тридцати лет сотрудничает с «Пионером».

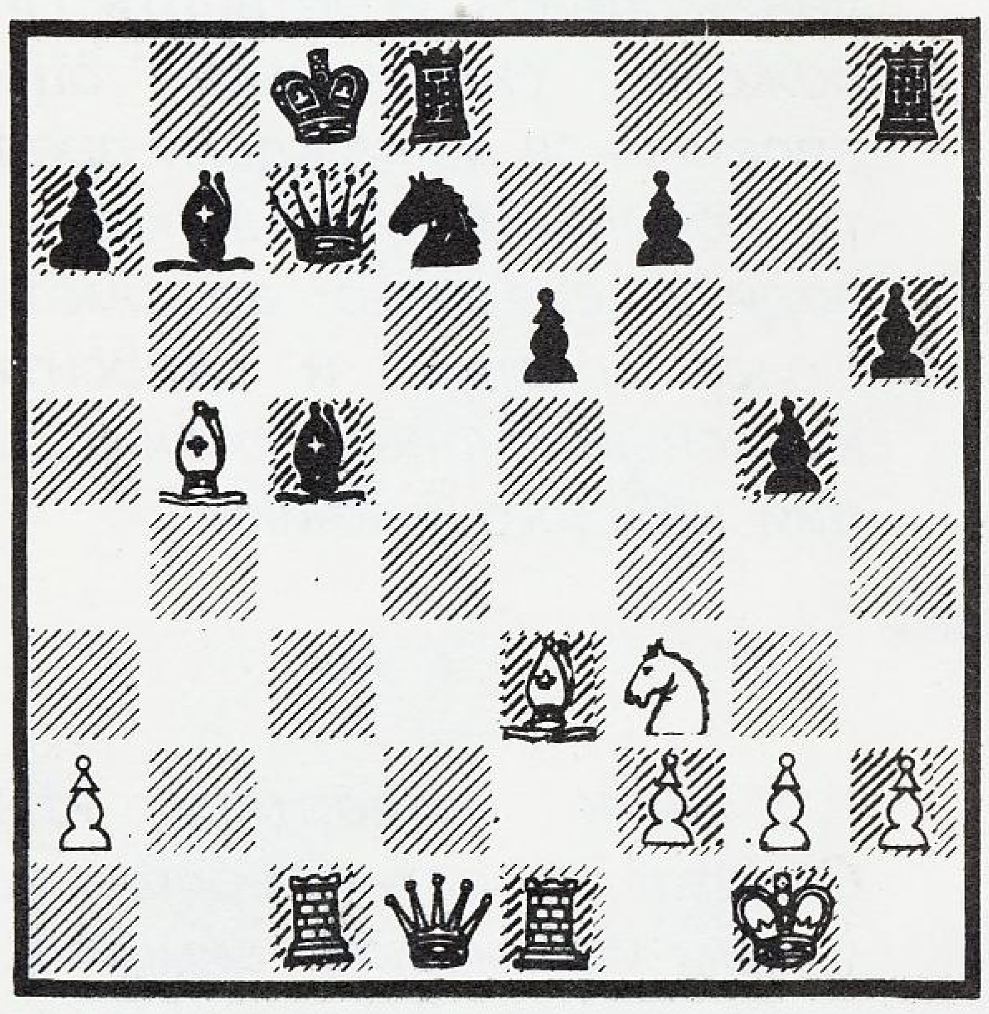
В этом году Михаилу Михайловичу исполнилось 75 лет.

Дорогой Михаил Михайлович! Поздравляем Вас с юбилеем! Желаем Вам всего лучшего, доброго и прекрасного!

Редакция журнала «Пионер»

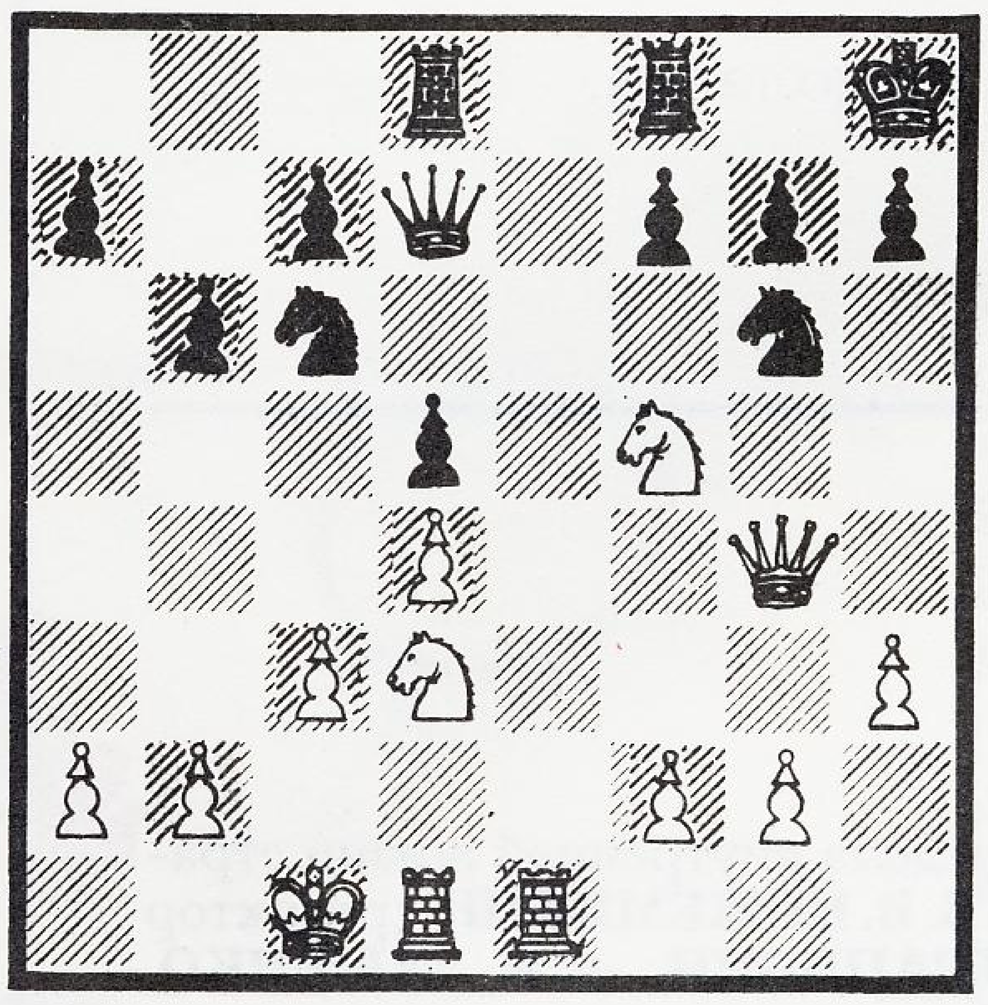


События развивались так: 46. с4—с5! Ла8—d8. (Приходится идти на материальные жертвы, грозил перевод белого короля на с4, и затем решал шах ладьей на b6). 47. Лb5 : а5 Лd8—d2 48. h2—h3 Лd2—d5 49. h3—h4 g6—g5 50. Ла5—а6 + Крс6 : с5 51. Ла6 : е6 f6—f5 + 52. Кре4—е3 g5 : h4 53. g3 : h4 Крс5—b4 54. Ле6—е5 черные сдались.



К этому положению пришла партия между Митей Грудским и кандидатом в мастера Донатосом Даугела (Кяйданай). Для черных крайне неприятна связка фигур по линии «с». Митя усиливает угрозы ходом 32. Фd1—а4!, после которого грозит взятие на d7 с выигрышем фигуры.

Далее было: 22... Кd7—b6 (удовлетворительной защиты у черных уже нет) 23. Се3 : с5! Кb6 : а4 24. Сс5 : а7 + Крb8 : а7 25. Лс1 : с7 Ка4—b6 26. Сb5—сb Лd8—b8 27. Лс7 : f7 (начинается «сбор урожая») 27...Лh8—f8 28. Лf7 : f8 Лb8 : f8 29. Сс6 : b7 Кра7 : b7 30. Ле1 : е6. Черные сдались.



Очень сильно провел атаку Митя Джангобеков (Киев) в партии с ленинградцем Александром Крайзом. Королевский фланг черных плохо защищен, и Митя наносит меткий удар. 19. h3—h4! f7—f6 (немного упорней было 19... Лg8) 20. h4—h5 Кg6—h4 (на этот выпад черные возлагали свои надежды, но...) 21. Ле1—е7! (очень красиво. Две фигуры белых под ударом, но погибают все-таки черные). 21... Кh4 : f5 (спасения уже не было) 22. Ле7 : d7 Лd8 : d7 23. Фg4 : f5 черные сдались.

Наше задание

Как мы уже говорили, на закрытии турнира была разыграна «живыми фигурами» красивая задача. Вот ее исходная позиция:

Белые: Крh2, Фh1, Сg6, Кf1, Ке2, пешки с2, с5, d4.

Черные: Крb1, Лf4, Лf6, Се3, Ка5, Кd8, пешки b2, а4, с4, с7, е6, f2, g7, g4.

Ход белых. Расставьте на доске эту позицию, подумайте и постарайтесь ответить на такие вопросы:

Как решается эта задача? Каким историческим событиям она посвящена? Когда она была составлена и кто ее автор?

Для победителей этого нашего необычного соревнования установлено 15 премий.

Ждем ваших писем, ребята.

* * *

Вниманию участников конкурса «Улыбка» (№ 8). В задаче-двухходовке на поле b8 должен находиться белый слон.

Содержание

Счастье.— Стихи Е. Евтушенко ....II обл.
Юнкоровский пост РВС 1
О вечном. Вопрос художника. Школа в мороз. Утренник в тридцатых годах. Шершни.— Стихи В. Берестова 4
Эстафета.— Рассказ А. Маркуши. Рисунки Н. Ермолаева 6
Писатели нашего детства.— Л. Разгон 11
Формула экономии.— В. Стороженко. Окончание 12
Всех видеть счастливыми.— Отрывки из повести В. Красильщикова. Рисунки А. Мелик-Саркисяна 19
Птица над морем. «Не держу я в доме клеток...» В осеннем саду. Листок среди зимы.— Стихи А. Шлыгина 26
Международный пионерский клуб «Товарищ» 28
«Кораблик» 32
Родом из Нового Петрограда.— Повесть В. Разумневича. Окончание. Рисунки М. Петрова 34
Зеркало мира.— Беседа с Р. Быковым. Рисунки А. Вовиковой 42
«Переменка».— Рисунки Е. Шабельника........................47, 64
Муравей и поляна. Скрипучая дверь.— Сказки С. Летт 48
Час в читальном зале 52
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. Рисунки Н. Доброхотовой 54
В кают-компании «Кораблика» 56
Шкаф попутал.— Фельетон А. Саломатова..................... 56
Струны для тебя.— Б. Минаев 59
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунки Н. Доброхотовой 62

На обложке:

Крылатая смена.— Рисунок Н. Ермолаева.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Н. А. ФЕДОРОВОЙ.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1986.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.08.86.
Подписано к печати 18.08.86. А 04297. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 840 000 экз. Изд. № 2186. Заказ № 3467.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Второгодник Сергей К., возвращаясь из школы, увлекся игрой в футбол и положил свой портфель на траву под деревом. Вскоре раздался его отчаянный крик: «Мой портфель украли!» «Мы тебе его найдем!» — пообещали товарищи. «Ни в коем случае! — ответил Сергей.— Ведь в портфеле был мой школьный дневник!»

* * *

Группа двоечников из пятого класса «В» внесла предложение об изменении методики выставления оценок за четверть. Предложено складывать оценки двоечников по каждому предмету с оценками отличников и выводить среднюю арифметическую, которую и заносить в классный журнал против фамилии каждого ученика.

* * *

Ученик четвертого класса Слава В. известен своим невероятным увлечением зимними видами спорта. Даже в разгар весны, когда греет солнце, он в любой момент и с любого урока готов навострить лыжи...

* * *

На вопрос учителя на уроке естествознания «Есть ли у человека душа?» шестиклассник Витя Р. был единственным, кто ответил на этот вопрос утвердительно.

— Каждый раз, когда меня вызывают к доске,— пояснил он,— я чувствую, как у меня душа уходит в пятки.

Леонид БУТЯКОВ

Считалка для роботов

Робот вышел на прогулку —
потерял диод и втулку.

Через площадь проходил —
трансформатор обронил!

Удержался еле-еле
индикатор на дисплее.

Повернул с дороги вправо —
заскрипели два сустава.

Тут же влево повернул —
чуть в реке не утонул!

Затекла вовнутрь вода —
прогорели провода.

Робот вытер окуляры:
— Все. Довольно. Погуляли!..

И в ремонтной мастерской
попросился на покой.

Письмо

К нам пришло письмо одно —
очень странное оно:
«Напечатайте в журнале —
Клим подсказывает Гале.
Глеб не выучил урок.
Николай сло́мал цветок
(я об этом и не знала,
мне подружка рассказала).
Не забудьте приписать —
он вчера забыл тетрадь.
Напишите и про Юру —
опоздал на физкультуру.
А отличница Людмила —
задавака и зубрила!..»

Долго мы письмо читали,
долго подпись разбирали —
не сумели разобрать.
Как же автора назвать?

И тогда сказал редактор:
— Это вовсе не беда,
назовите просто, кратко —
подписалась ЯБЕДА!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.